

Л.А. Курышева

ПОВЕСТИ О БОГАТЫРЯХ
В "РУССКИХ СКАЗКАХ"

В.А. ЛЁВШИНА

сказочно-историческая модель повествования

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»

Л.А. Курышева ➔ ПОВЕСТИ О БОГАТЫРЯХ В.А. ЛЁВШИНА

ISBN 978-5-02-032191-5

9 785020 321915

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

Л.А. КУРЫШЕВА

ПОВЕСТИ О БОГАТЫРЯХ
В «РУССКИХ СКАЗКАХ»
В.А. ЛЁВШИНА:
СКАЗОЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОДЕЛЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Е.К. Ромодановская*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2009

УДК 82–343
ББК 83.3 (2Рос = Рус)1
К 93

Рецензенты

кандидат филологических наук *Е.В. Капинос*
кандидат филологических наук *Н.Г. Николаева*
кандидат филологических наук *Е.Н. Проскурина*

Утверждено к печати Ученым советом
Института филологии СО РАН

Издание частично осуществлено при финансовой поддержке Интеграционного проекта ИФЛ СО РАН, выполненного совместно с ИИиА УрО РАН, № 64 «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (общенациональный и региональный аспект)».

Курышева Л.А.

К 93 Повести о богатырях в «Русских сказках»
В.А. Лёвшина: сказочно-историческая модель повествования / Л.А. Курышева. — Новосибирск: Наука, 2009. — 152 с.
ISBN 978–5–02–032191–5.

В исследовании представлен историко-литературный и культурно-идеологический контекст сборника В.А. Лёвшина «Русские сказки», новаторство которого в конце XVIII в. проявилось в использовании национального эпического материала в литературном творчестве. Анализируя трансформацию эпических и романских традиционных сюжетов и принципы работы с былинным, сказочным, историческим и легендарным материалом, автор раскрывает механизм формирования в богатырских повестях сборника сказочно-исторической модели повествования, которая используется Лёвшиным для воссоздания деяний седой старины.

Книга адресована специалистам-филологам и всем интересующимся историей русской литературы XVIII в.

ТП–07–III–№ 122

УДК 82–343
ББК 83.3 (2Рос = Рус)1

© Л.А. Курышева, 2009
© Институт филологии СО РАН,
2009
© Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН,
2009

ISBN 978–5–02–032191–5

Оглавление

Введение

4

**Глава 1. Предшественники В.А. Лёвшина:
историко-литературный контекст «Русских сказок»**

9

1.1. Сборник «Русские сказки» и его европейские образцы
«Bibliothèque universelle des romans» и «Bibliothek der Romane»

9

1.2. Национальные древности в русской историографии
и беллетристике второй половины XVIII в.

20

**Глава 2. Трансформация русских и западно-европейских
традиционных сюжетов в богатырских повестях «Русских сказок»**

40

2.1. «Вступление» в сборнике: подходы к созданию
сказочно-исторического сюжета

40

2.2. Трансформация эпического сюжета в богатырских повестях
первой части «Русских сказок» («Повесть о Добрыне Никитиче»,
«Повесть о Чуриле Пленковиче», «Повесть об Алеше Поповиче»)

53

2.3. Переосмысление жанра волшебного-рыцарского романа
в последних частях сборника («Повесть о Василье Богуслаевиче»,
«Повесть о дворянине Заолешанине» и
«Повесть о богатыре Булате», ч. V–VI, IX)

81

**Глава 3. Сказочно-историческая модель повествования
в сборнике В.А. Лёвшина**

119

3.1. Смещение «истинны» и «баснословия» как основа
сказочно-исторической модели повествования

119

3.2. Образ автора и его роль в организации повествования

141

Заключение

150

Круг литературных интересов Василия Алексеевича Лёвшина (1746–1826) был необычайно широк¹. Однако наиболее значительным вкладом в русскую литературу стал его сборник «Русские сказки», через который литературная деятельность Василия Алексеевича влилась в «фольклорное» направление русской литературы конца XVIII в., в беллетристике представленное именами Михаила Дмитриевича Чулкова и Михаила Ивановича Попова².

Как писал М.К. Азадовский, «сборник Лёвшина пользовался огромной популярностью <...> затмил все прежние опыты в этом направлении, вроде чулковского «Перемешника», и послужил образцом для дальнейших подражаний»³. В состав сборника вошли разные повествовательные жанры: сатирическая повесть, новелла, волшебнорыцарский роман, «восточная повесть», сентиментальный и любовно-авантюрный роман⁴. Новаторство Лёвшина со-

¹ Список его литературных трудов, представленный в библиографическом указателе Ю.В. Стенника и В.П. Степанова (*История русской литературы XVIII века*. Л., 1968), дополнен в очерке Г.П. Присенко сведениями о сочинениях и переводах «по части хозяйственной» (*Присенко Г.П. Просветитель В.А. Лёвшин*. Тула, 1990. С. 88–92). Наиболее полно биография В.А. Лёвшина была воссоздана в диссертации Л.В. Омелько, там же были введены в научный оборот письма Лёвшина к издателю (*Омелько Л.В. В.А. Лёвшин и его «Русские сказки»: Дис. ... канд. филол. наук*. Л., 1991. Гл. 1, § 1. «Жизнь и деятельность В.А. Лёвшина»).

² См.: *Степанов В.П.* Чулков и «фольклорное» направление в литературе // *Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.)*. Л., 1970. С. 226–247.

³ *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 66.

⁴ Наиболее полный анализ повестей сборника с точки зрения влияния различных прозаических жанров представлен в диссертации Л.В. Омелько (*Омелько Л.В. В.А. Лёвшин и его «Русские сказки»: Дис. ...*).

стояло в том, что при создании повестей о русских богатырях впервые в качестве литературного материала был использован национальный былевой эпос.

Современные историки фольклора рассматривают сборник в ряду первых записей и публикаций памятников народного творчества. Они единодушны в том, что автор, очевидно, был хорошо знаком с устной поэзией и использовал в композиции отдельные былинные ситуации, а в языке — традиционные выражения и приемы, при этом исследователи подчеркивают слабую связь повестей сборника с былевым и сказочным эпосом⁵. По замыслу Лёвшина, повествование должно было объединить традиции национального фольклора (эпоса, бытовой сказки) и литературных жанров (волшебнорыцарского романа, европейской новеллы), родство которых было для него очевидно.

«Русские сказки» выдержали несколько изданий еще при жизни автора⁶. Число повестей, вошедших в последующие издания сборника, было сокращено, в третьем издании была изменена их очередность, однако костяком оставались шесть повестей о богатырях, три близкие к народным новеллистическим сказкам, две сатирические повести и повесть в «восточном» стиле. Самая оригинальная группа — это повести о богатырях. Они образуют единый цикл, рассказывая о приключениях славных богатырей — Добрыни Никитича, Чурилы Пленковича, Алеши Поповича, дворянина Заолешанина, Василия Богуслаевича и

⁵ *Астахова А.М., Митрофанова В.В.* Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII вв. // *Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков*. М.; Л., 1960. С. 73–74; *Азадовский М.К.* История... С. 67–68; *Новиков Н.В.* Русская сказка в ранних записях и публикациях // *Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII вв.)*. Л., 1971. С. 23; *Савченко С.В.* Русская народная сказка: (История собирания и изучения). Киев, 1914. С. 73; *Лупанова И.П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. Петрозаводск, 1959. С. 23–24; *Померанцева Э.В.* Судьбы русской сказки. М., 1965. С. 60.

⁶ [*Лёвшин В.А.*] *Русские сказки, содержащая древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народныя и прочие оставшияя чрез пересказывание в памяти приключения*. М.: Унив. тип. Н. Новикова, 1780–1783. Ч. 1–10; 2-е изд. М.: Тип. А. Решетникова, 1807. Ч. 1–4; 3-е изд. М.: Тип. В. Селивановского, 1820. Ч. 1–6; 4-е изд. М., 1829. Ч. 1–6.

Булата. Цикл богатырских повестей охватывает географическое пространство России с южным центром в Киеве и северным в легендарных городах Русе, Славенске и Новгороде, они объединены эпической темой защиты «своего» мира, осложненной топосом авантюрного странствия волшебного-рыцарского романа.

При определении жанровой принадлежности богатырских повестей Лёвшина одни исследователи оценивают их ретроспективно — как волшебные-рыцарские романы⁷, другие перспективно — как этап становления жанра литературной сказки⁸, признавая вместе с тем сложность и неоднозначность понятия «сказка» в XVIII в., ее спаянность с жанром романа⁹.

Другая группа ученых отказывается от конкретных жанровых дефиниций и определяет специфику повестей о богатырях через характеристику типа повествования, созданного Чулковым, Поповым и Лёвшиным. Этот тип повествования назван исследователями «условно-исто-

⁷ Сиповский В.В. Очерки по истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1, вып. 2. С. 1–365 (Сиповский ошибочно приписывал «Русские сказки» М.Д. Чулкову); Савченко С.В. Русская народная сказка... С. 73–74; Шкловский В.Б. Чулков и Лёвшин. Л., 1933. С. 156; Колесницкая И.А. Русские сказочные сборники последней четверти XVIII в. // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 33, вып. 2. С. 189–218 (Сер.: Филологические науки); Елеонский С.Ф. Сказки в быту и рукописной литературе XVIII в. // Учен. зап. МГорПИ им. В.П. Потемина. 1954. Т. 34, вып. 3. С. 106; Царева В.П. Становление романа в русской литературе 60–90-х гг. XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. С. 13; Омелько Л.В. В.А. Лёвшин и его «Русские сказки»: Дис. ...

⁸ Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в.: Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963. С. 77, 126; Калашикова О.Л. Русский роман 1760–1770-х годов. Днепрпетровск, 1991. С. 140; Киреева О.И. Становление русской литературной сказки (второй половины XVIII — первой половины XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995; Герлован О.К. Русская литературная сказка XVII — нач. XIX в. (Понятие. Истоки. Типология): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. С. 18–20; Воеводина О. О жанровой структуре «Русских сказок» В.А. Лёвшина // Русская проза эпохи Просвещения. Новые открытия и интерпретации. Лydz, 1996. С. 97–101; Тиманова О.И. Феномен иронии в русской литературной сказке // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Самара, 2001. С. 157–161.

⁹ Герлован О.К. Понятие о сказке в России XVIII — начале XIX века // Филол. науки. 1996. № 1. С. 95–103; Елеонский С.Ф. Сказки... С. 85–113.

рической повествовательной прозой» (И.З. Серман), «псевдоисторической беллетристикой» (В.П. Степанов), «сказочно-историческим повествованием о древности» (В.Ю. Троицкий)¹⁰. Отмечая интерес этих авторов к исторической тематике, историческим и легендарным источникам по русской истории, исследователи в то же время подчеркивают условную, сказочную сторону созданного типа повествования¹¹. Речь идет об определенной повествовательной модели, которая обладает рядом устойчивых черт сюжетики и прагматики. Среди них прежде всего выделяют желание автора при помощи славянской мифологии и этнографических сведений придать своим повестям национальный колорит и при помощи псевдоисторических примечаний — достоверность повествованию¹².

Авторы работ, посвященных прозе XVIII в. и истории русского романа в целом, относят начала исторической прозы именно к сочинениям М.Д. Чулкова, М.И. Попова и В.А. Лёвшина¹³, отмечая при этом, что «историческая действительность» была осмыслена ими при помощи

¹⁰ Серман И.З. Зарождение романа в русской литературе XVIII века // История русского романа. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 53; Степанов В.П. Чулков и русская проза 1750–1770-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. С. 23; Троицкий В.Ю. Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 311.

¹¹ Серман И.З. Зарождение... С. 53; Степанов В.П. Чулков и русская проза... С. 19; Троицкий В.Ю. Предромантические веяния... С. 307–310.

¹² Сиповский В.В. Очерки... С. 219–221; Серман И.З. Зарождение... С. 53; Степанов В.П. Чулков и русская проза... С. 14; Троицкий В.Ю. Предромантические веяния... С. 303; Омелько Л.В. В.А. Лёвшин и его «Русские сказки»: Дис. ... С. 103, 162, 181; Костюхин Е.А. Древняя Русь в рыцарском ореоле // Приключения славянских витязей: Из русской беллетристики XVIII века. М.; Л., 1988. С. 11–12.

¹³ Стенник Ю.В., Степанов В.П. Литературно-общественное движение конца 1760-х — 1780-х годов // История русской литературы: в 4 т. Л., 1980–1983. Т. 1. С. 604; Серман И.З. Зарождение... С. 53; Западков В.А. Русская литература последней четверти XVIII в.: Хрестоматия. М., 1985. С. 410; Он же. Литературные направления в русской литературе XVIII в. СПб., 1995. С. 50; Троицкий В.Ю. Предромантические веяния... С. 311; Костюхин Е.А. Древняя Русь... С. 20; Омелько Л.В. В.А. Лёвшин и его «Русские сказки»: Автореф. ... С. 16.

«жанра авантюрного романа»¹⁴. Особенная роль в становлении исторической беллетристики отводится сборнику Лёвшина, который «осуществил введение в печатную литературу русского эпоса в качестве исторического и художественного материала»¹⁵.

Рассмотрение особенностей повествовательной модели богатырских повестей Лёвшина позволит нам выйти за рамки простого соотнесения их с топиной рыцарского романа и проанализировать принципы работы автора с привлекаемым былевым, сказочным, легендарным и историческим материалом. В качестве рабочего термина мы предполагаем использовать предложенное Ю.В. Троицким обозначение повествовательной модели как «сказочно-исторической».

В первой части работы мы рассмотрим влияние на замысел Лёвшина европейских литературных образцов и русской дискуссии о национальных древностях. Во второй главе представлен анализ повестей богатырского цикла с точки зрения механизмов создания сказочно-исторического сюжета. Третья глава посвящена общим принципам сказочно-исторической модели повествования¹⁶.

¹⁴ Автухович Т.Е. Риторика и русский роман XVIII в.: Взаимодействие в начальный период формирования жанра. Гродно, 1995. С. 132.

¹⁵ Омелько Л.В. «Русские сказки» В.А. Лёвшина и проблема становления русского романа // Художественная традиция в историко-литературном процессе. Л., 1988. С. 5.

¹⁶ На завершающем этапе работы над книгой нам стало известно о первой современной полной публикации сборника В.А. Лёвшина с комментариями К.Е. Кореповой, которые не были учтены в нашем исследовании: (Лёвшин В.А. Русские сказки: в 2 кн. СПб., 2008. Кн. 1. — 472 с.; кн. 2. — 477 с. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 16)).

Глава 1

Предшественники В.А. Лёвшина: историко-литературный контекст «Русских сказок»

1.1. Сборник «Русские сказки» и его европейские образцы «Bibliothèque universelle des romans» и «Bibliothek der Romane»

По-видимому, замысел «Русских сказок» возник у В.А. Лёвшина во время работы над переводом первых трех томов немецкого многотомного издания «Bibliothek der Romane» (1778–1794)¹. Русский перевод вышел в 1780 г. под заглавием «Библиотека немецких романов»², а в следующем году последовал первый том оригинального лёвшинского сочинения. Образцом для немецкого издания послужила французская «Bibliothèque universelle des romans» (1775–1789)³, о чем составитель и издатель Рихард Оттокар (Reichard Ottokar) прямо сообщал в предисловии:

«Bibliothek der Romane»
«Der Herausgeber an sein Publikum»

Die Idee zu dieser Sammlung hat die Bibliothek universelle des Romans⁴ gegeben, die seit einigen Jahren zu Paris mit dem grossten Beifall herauskommt...⁵

«Библиотека немецких романов»
«Издатель к обществу своему»

Мысль к сему собранию подала всеобщая Библиотека Романов, с нескольких лет с великим одобрением в Париже издаваемая...⁶

¹ Bibliothek der Romane (hzsg. v. Heinz. Aug. Ottokar Reichard u. A.), 21 Bd. Berlin, Chr. Friedr. Himgurg, 1778–1781. u. Riga, Hartkonoch, 1782–1794.

² Библиотека немецких романов / Переведена с берлинского издания 1778–1779 гг. ВСЛ. ЛВШНМ. М., 1780. Ч. 1–3.

³ Bibliothèque universelle des romans, ouvrage péreodique, dans lequel on donne l'analyse raisonnée des romans anciens et modernes, françois ou traduits dans notre langue; avec des anecdotes et des notices historiques et critiques concernant les auteurs ou leurs ouvrages; ainsi que les moeurs, les usages du temps, les circonstrances particulieres et relatives à des personages connus, déguisés ou emblématiques. Paris: au Bureau & chez Demouville, 1775–1789.

⁴ Здесь и далее по тексту курсив мой. — Л. К.

⁵ Bibliothek der Romane... Bd. 1. S. 5. Далее ссылки на тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой) в тексте.

⁶ Библиотека немецких романов... Ч. 1. С. 2. Далее ссылки на тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой) — в тексте. В цитатах

В свою очередь, Лёвшин в предисловии к «Русским сказкам» называет в качестве своих образцов немецкое и два французских издания:

Романы и сказки были во все времена у всех народов <...> в новейшие времена, у просвещеннейших народов почтили оные собранием и изданием в печать. Помешенные в *Парижской всеобщей вивлиофике романов* повести о рыцарях не что иное, как сказки богатырские, и французская *Bibliothèque Bleue* содержит таковы ж сказки, каковы у нас рассказываются в простом народе. С 1778 г. в Берлине также издается *Вивлиофика романов*, содержащая между прочими два отделения: романов древних немецких рыцарей и романов народных⁷.

На сегодняшний день невозможно сказать определенно, был ли автор «Русских сказок» непосредственно знаком с французскими изданиями. Однако упомянутая Лёвшиным в одном ряду с изданиями последней трети XVIII в. дешевая «литература вразнос» — «*Bibliothèque Bleue*», любимое чтение «полупросвещенной» публики на протяжении XVII–XVIII вв., — никак не осознавалась равноправной создателями «*Bibliothèque universelle des romans*». Один из анонимных переработчиков «Универсальной библиотеки романов» дает характеристику «Голубой библиотеки» как издания с плохим типографским качеством и устаревшим фондом⁸. Два знаменитых французских издания отличались и своей читательской аудиторией, и композицией, и жанрово-тематическим составом, и направлением переработки исходного материала⁹. Зато в

сохраняются орфография первоисточника и особенности написания имен собственных. Исключение составляет употребление строчных и прописных букв, приведенное в соответствии с правилами современной орфографии, использование буквы *e* вместо *ё* и *и* вместо *і*. Пунктуация также приближена к современной.

⁷ [Лёвшин В.А.] *Русские сказки*, содержащая древнейшая повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения. М.: Унив. тип. Н. Новикова, 1780–1783. Ч. 1. 1780. С. 2–3. Далее ссылки на части (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой) — в тексте.

⁸ Andries L. *Mélusine et Orson: deux réécritures de la Bibliothèque Bleue // La Bibliothèque bleue et les littératures de colportage*. Genève: Droz, 2000. P. 86.

⁹ О «Голубой библиотеке» см.: Чекалов К.А. *Формирование массовой литературы во Франции (XVII — первая треть XVIII века)*. М., 2008. С. 94–170; Andriès L. *La Bibliothèque bleue au dix-huitième siècle. Une tradition éditoriale*. Oxford, The Voltaire Foundation, 1989.

«*Bibliothek der Romane*» на равных правах упоминаются обе французские Библиотеки.

В цитированном выше предисловии Лёвшин верно отмечает специфику этих двух французских собраний — в издании конца XVIII в. появляются сделанные с манускриптов переложения рыцарских романов, в то время как издание «голубых листков» в части развлекательного чтения специализируется на переработке первопечатных французских книг, представляя публике в том числе и модернизированные версии рыцарских романов, и жест, а также адаптации народных книг.

Вдохновитель и редактор «*Bibliothèque universelle des romans*» маркиз де Поми (Antione René Voyer d'Argenson, marquis de Paulmy) поставил перед собой задачу издать коллекцию французских и иностранных романов от античности до современности. За 14 лет существования этого ежемесячного издания (1775–1789) вышло 224 тома. Отдавая себе отчет в грандиозности предприятия, в проспекте Поми писал о невозможности представить публике романы целиком, но взамен этого предполагалось через «миниатюру» романа, его фабульное изложение и критический разбор передать «сердцевину», суть романа:

Il serait sans doute impossible et même absurde de rassembler tous les volumes que le temps a accumulés: il suffit les faire connaître en les analysant, d'en donner l'âme, l'esprit et pour ainsi dire la miniature. C'est le plan que nous exécutons¹⁰.

Распространенное заглавие «Универсальной библиотеки романов» указывает на ее энциклопедический размах (см. сноску 4): «экстракт» романа сопровождается историческими сведениями и критическими заметками, касающимися авторов и их сочинений, а также нравов и обычаев исторической эпохи. Ключевым здесь выступает словосочетание *l'analyse raisonnée*: сопровождающий каждый «экстракт» романа «анализ с объяснением» должен вызвать в сознании читателя ассоциацию с жанрами, систематизирующими

¹⁰ Цит. по: Poirier R. *La Bibliothèque universelle des romans: rédacteurs, textes, public*. Genève: Droz, 1977. P. 5.

достижения человечества, такими как словари и энциклопедии, столь соответствующими духу эпохи¹¹. Содержание выпусков Библиотеки Поми и Трессана было поделено на восемь отделов, среди рубрик этого издания — романы «иностранные», «рыцарские», «исторические», «героические», «мифологические», «волшебные», «любовные».

Немецкий издатель свою коллекцию лишь отчасти строит на непосредственном переводе «экстрактов» французского образца. В трех томах «Bibliothek der Romane», переведенных Лёвшиным, мы встречаем одну повесть о рыцарях Круглого стола (I, 71) и две восточные повести (I, 257; II, 161). В числе других французских источников — периодическое издание «Journal des dames», давшее две повести фривольной интонации¹², и научный труд Лакюрна де Сент-Пале «Записки о древнем рыцарстве», которым открывается первый том.

Как и во французском образце, читателю предлагается изложение фабулы романа — «*extrait*», «сокращенная повесть», «лучшее и привлекательное упражнение доставляющая и притом избавляющая от скуки и труда прочитывать многие толстые книги для извлечения рассыпанного в них добра» (I, 13). Романы зачастую «грешат» объемом («Толщина романа могла бы ужаснуть читателей», — говорится в одном из предисловий (I, 43)), а сокращение делает чтение легким и приятным. Каждому «сокращению» предпослана преамбула, называемая «повесть романа», в которой содержатся сведения об авторе, о времени создания и времени первой публикации книги, оценка популярности романа, иногда суждения о слоге и стиле.

¹¹ Poirier R. La Bibliothèque... P. 6. О коллекции романов в «Bibliothèque universelle des romans» см. также: Angus M. La Bibliothèque universelle des romans. Oxford, 1985.

¹² Это «Пастушьи часы» (Ч. 1. С. 311–359) и «Наше счастье есть сновидение» (Ч. 2. С. 287–301); последняя не что иное, как сказка Вольтера «Кривой крючник». О переводе с немецкого сказки Вольтера и переработке ее Лёвшиным в оригинальную повесть «Досадное пробуждение», которая затем вошла в «Русские сказки», см.: Курьшева Л.А. «Калиф на час» в русской литературе XVIII в. Заметки к теме (в печати).

При отборе материала для Библиотеки издатель руководствуется древностью или новизной представляемого романа:

Книги в великом употреблении находящиеся, как то Вертер, Софьины путешествия <...> не внесутся сюда. Мы будем держаться древнейших и меньше знаемых <...> мы обратим примечание только на новейшие еще непереведенные и на древние (I, 3).

Каждый том немецкой Библиотеки имеет пять отделов: романы «рыцарские», «народные», «немецкие», «иностранные», «эпизоды» (I, 1)¹³ (Ritter-Romane, Volks-Romane, Deutsche Romane, Romane der Ausländer, Episoden); иногда к ним добавляется шестой отдел — «немые романы», в которых пересказываются, можно сказать, а озвучиваются сатирические картинки Хогарта. Две рубрики заслуживают особого внимания — «романы народные» и «романы немецкие», аналогов которым во французском образце мы не находим.

В рубрике «немецких» романов необъяснимо представлены как произведения, созданные на немецком языке, в том числе немецкие «робинзонады» (между прочим сообщено, что «мы по крайней мере имеем старшинство в робинсонстве пред британцами» (III, 85)), так и переводы с английского и французского.

В качестве «рыцарского романа» с особенной гордостью издатель предоставляет публике немецкие образцы («будут предлагаемы древнейшие немецкие продукты сего рода, как бы оные чудны в приключениях не были» (I, 3)). Без сомнения, это связано с восполнением некоторого культурного комплекса в отношении Франции. В первом томе Библиотеки за кратким изложением истории и правил рыцарства по труду Сент-Пале следует сокращение романа А.Г. Бухгольца о немецком рыцаре, князе Геркулесе («Христианского немецкого великого князя Геркулеса и Богемской королевны Валиски чудная повесть») и только за-

¹³ В примечании дается следующее объяснение: «Эпизод значит отрывок из большей какой-нибудь повести, или историю, кою повествует но оной постороннее лицо, а не действующее».

тем — «краткая повесть» о рыцарях короля Артура. В вводной статье издатель сообщает:

...Любовь к отечеству вымыслила сей роман <...> желает он (автор. — Л. К.) <...> показать, что немцы не одних только диких вепрей и медведей, но несколько изрядных Рыцарей и Князей между собой имели (I, 46).

Второй том Библиотеки открывается другим немецким романом о герое, подражающем рыцарям Круглого стола, — «Историей высокоставного рыцаря Колеса господина Виголея». Издатель подчеркивает популярность «сего древнего немецкого романа», который «от знатоков в книгах покупается червонных по десяти и больше» и который надлежит считать в «числе великих древностей» (II, 5); его исключительная ценность служит причиной полной его публикации, вопреки общему правилу:

Я сначала намерен был издать из оной только сокращение, но в последстве за лучшее счел столь редкий и не очень пространный роман предложить подлинником во всем его древнем словопредложении, исключая только прекрасные картины, коими каждая глава сей книги была снабжена (II, 6).

Отдельная рубрикация «народного романа», который, напомним, не был представлен в «Универсальной библиотеке романов», как нам кажется, связана также с поиском определения места немецкой культуры в Европе. В первых томах «Bibliothek der Romane» народная книга представлена: рассказом о чернокнижнике Фаусте (Vd. 1), повествованием о Тиле Уленшпигеле (Vd. 2) и анекдотами о лаленбургцах (Vd. 3). Книги такого рода востребованы простой публикой, и в этом издатель не видит порока: «первая употребительная книга простого народа», «уже более двухсот лет сей небольшой роман есть любезное чтение италианцев, все, умеющие читать, читают жизнь Бертолову, дети знают ее наизусть» (I, 95, 261). Издатель подчеркивает всеевропейскую славу этих книг:

По всему свету прославившегося архичернокнижника и волшебника де Иоанна Фауста учиненное с дьяволом обязательство <...> в приятное сокращение приведенные (Ч. I. С. 95).

Каждый народ имеет своего Совеязеркала. Езоп, собственно, был не иное что, как Совеязеркало греков, и в первой части сей Библиотеки включили мы Бертолда италианского, коего в сей же класс считать должно. *Немецкий Тил есть бесспорно древнейший и собственный роман народный нашего отечества; слава онаго велика.* Он был первый немецкий роман, приятный французам и на их языке и помещенный под именем «Tiel ou l'Espiegel» в Библиотеку Bleue (Ч. 2. С. 154–155).

Забавные и смешные Лаленбургцы <...> содержанием своим метят на состояние правления <...> национальную гордость и некоторые другие пороки нашего отечества <...> насмешка <...> столь сходна к подлинникам <...> что заслужит похвалу у наших модных читателей и может к сей заслуге присоединить то же у иностранных <...> (комментарий к эпизоду о лаленбургской бабе с яйцами) басня Фонтенюва, кою сей француз занял долго спустя у наших лаленбургцов, и кою поныне на италианских театрах представляют под названием Молочницы (III, 61, 69).

В интересе к средневековой культуре, собственным народным книгам и старым романам выразилась общая в последней трети XVIII в. для всех народов Европы тенденция к осознанию самобытности своей культуры. Приведенная цитата из «Библиотеки романов» о том, что в немецкой земле имелись также достойные рыцари и князья, является, как нам кажется, откликом на высказывание И.Г. Гердера, ставшего выразителем новых веяний в немецкой культуре:

По Европе пронеслось романтическое веяние; но как оно отразилось в Германии? Можно ли доказать, что у нее были также свои любимые герои, оригинальные сюжеты, национальная и детская мифология <...> Парсифаль, Мелюзина, Магелона, король Артур, рыцари Круглого стола, сказания о Роланде — чужое достояние; неужели же немцы испокон веков были обречены только переводить и подражать?¹⁴

В европейской культуре XVIII в. не проводилось разграничительной черты между собственно эпосом и средневековым рыцарским романом¹⁵. Тенденция эта берет начало уже в эпоху Возрождения, когда «стерлись грани-

¹⁴ Гердер И.Г. О сходстве средневековой английской и немецкой поэзии и о прочем, отсюда следующем // Гердер И.Г. Избранные произведения. М.; Л., 1959. С. 62.

¹⁵ Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 167; История французской литературы: В 3 т. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 377; Русский и западноевропейский классицизм: Про-

цы между собственно романом <...> и различными эпическими и псевдоэпическими образованиями»¹⁶. Пересказы рыцарских романов, составившие важнейшую часть европейских сборников Библиотек, способствовали удовлетворению интереса к национальной старине так же, как и нашедшие своего читателя научные труды Малле, Сент-Пале, Трессана по европейской мифологии и рыцарскому средневековью¹⁷.

В немецкой культуре задачу собирания и изучения фольклора, произведений средневековой словесности формулирует И.Г. Гердер¹⁸. Народная мифология, сказка, фольклорная песня, предание, старинный рыцарский роман несут печать национального характера, «духа народа» (Volksgeist) и неповторимого своеобразия эпохи, «духа времени» (Zeitgeist):

...О простых народных сказаниях, сказках и мифологии. В известной мере они — результат верований народа, его чувственного мирозерцания, сил и порывов, когда он грезит <...> Песни — это архив народов, сокровищница их истории, отпечаток их сердца, картина их домашней жизни в радости и горе...¹⁹

за. М., 1982. С. 41–51. В качестве примера приведем слова французского писателя Лесажа из его предисловия к прозаическому переложению на французский язык «Влюбленного Роланда» М. Боярдо: «Боярдо оставил <...> разные сочинения; но главнейшая из них есть сия Поема Влюбленный Роланд <...> в которой хотел он подражать Омировой Илиаде» (Влюбленный Роланд. В 3 т. / Пер. Я.И. Булгакова с прозаического французского переложения А.Р. Лесажа. СПб., 1777–1778. Т. 1. С. IV).

¹⁶ Андреев М.Л. Рыцарский роман в эпоху Возрождения. М., 1993. С. 21.

¹⁷ История французской литературы... М.; Л., 1959. Т. 3. С. 796–797.

¹⁸ «...Итак, нам остается, по-видимому, самое незначительное — оглядеться, не сохранилось ли вокруг нас каких-нибудь остатков народных песен, продолжающих жить еще и поныне... присмотреться к этим песням и заняться их собиранием» (Гердер И.Г. [Из старого предисловия к сборнику народных песен] // Гердер И.Г. Избранные произведения. С. 83). О взглядах Гердера и его влиянии на русскую культуру см.: Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 121; Макогоненко Г.П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII в. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. Л., 1981. С. 22–27; Жирмунский В.М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И.Г. Избранные произведения. С. XXXI.

¹⁹ Гердер И.Г. О сходстве... С. 60, 68. Сборник Гердера «Народные песни» был издан в 1778–1779 гг., в то же время, что и «Bibliothek der Romane».

Задумав подражать начинанию европейских коллег, В.А. Лёвшин в то же время предельно сужает (и этим усложняет) свою задачу до собирания только русского материала:

...Я заключил подражать издателям, прежде меня начавшим подобные предания, и издаю сии сказки русские с намерением сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имеющих время собрать все оных множество, чтоб составить Вивлиофику русских романов (I, [4]).

Из пяти рубрик немецкого издания для своей коллекции («Русских сказок») Лёвшин отбирает только две — рыцарские романы и народные книги, отмечая, что «Россия имеет также свои, но оные хранятся только в памяти». Европейским образцам он находит национальные аналоги — богатырский эпос и фольклорные сказки: «повести о рыцарях не что иное, как сказки богатырские, и французская Bibliothèque Bleue содержит таковы ж сказки, каковые у нас рассказывают в простом народе» (I, [3]). В дополнение к сообщению заглавия сборника о простом воспроизведении «наших древностей» в конце предисловия Лёвшин говорит о своем намерении публиковать и новые сказки: «Наконец, во удовольствие любителям сказок, включил я здесь таковые, которых никто еще не слыхивал и которые вышли на свет во первых в сей книге» (I, 1–2об.). Таким образом, работа над составлением Вивлиофики русских романов видится Лёвшину не только в фиксации, записывании и обработке фольклора, но расширяется до потенциального сочинительства.

К этой теме мы еще вернемся, а сейчас сделаем шаг в сторону и остановимся на том, как скрестились различные взгляды на сущность романного жанра в рассматриваемых нами коллекциях романов.

Данную Гердером оценку значимости фольклора и средневековой литературы издатель «Bibliothek der Romane» распространил на жанр романа вообще. Там же он повторяет мысль Гердера о культурном равенстве народов диких и просвещенных:

«Bibliothek der Romane»

Die Romane waren die ersten
Buecher der meisten Voelker. Sie

«Библиотека немецких романов»

Романы были первые книги
большой части народов. Они со-

enthalten die *treuesten Schilderungen unsrer Zeiten, unsrer Gebrauche, unsrer Fehler und Tugenden ... Die wildesten Horden, wie die Polizirsten Voelerschafte haben die ihrigen* (I, 6).

держат *вернейшие изображения наших времен, наших обычаев, пороков и добродетелей <...> Ди-чайшие орды, равно как и просвещенные народы имеют оные собственные* (I, 2–3).

В предисловии к «Русским сказкам» В.А. Лёвшин почти дословно повторяет высказывание издателя «Bibliothek der Romane» о жанре романа:

Романы и сказки были во все времена у всех народов; они оставили нам вернейшие начертания древних каждой страны народов и обыкновений и удостоились потому переиздания на письме, а в новейшие времена, у просвещеннейших народов, почтили оные собранием и изданием в печать (I, [3]).

Во взглядах создателя «Bibliothek der Romane» совместилось несколько точек зрения на жанр романа, который не только передает «дух времени», т.е. полезен с познавательной точки зрения, но и служит нравственному воспитанию читателей²⁰. Продолжением приведенного выше высказывания об отражении в романах нравов и обычаев времени служит следующее:

«Bibliothek der Romane»

Die Romane <...> sind so viel *sinnbildliche Gemaelde*, wo die Wahrheit hinter dem Schleier der *Erdichtung* verborgen liegt... (I, 6)²¹

«Библиотека немецких романов»

Романы <...> суть толико ж *нравоучительных картин*, где истина скрывается под покрывалом *выдумки*... (I, 2)

Под истинной немецкий издатель подразумевает нравование («просвещение чувств», воспитание), которое осуществляется через поэтический вымысел (немецкому *Erdichtung* соответствует в переводе В.А. Лёвшина «выдумка»). В словах немецкого издателя Оттокара нашла отражение европейская дискуссия о воспитательной пользе

²⁰ Левин Ю.Д. Начало 1760-х — середина 1780-х гг.: Просветительство // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII в. СПб., 1995. Т. 1: Проза. С. 147.

²¹ Подстрочник: «Романы <...> это изображения, просвещающие чувства, где истина скрыта под поэтическим вымыслом».

романа и границах авторского вымысла²². Если мы обратимся к характеристике жанра романа в предисловии к «Русским сказкам», то обнаружим, что автора привлекает в нем далеко не дидактика:

Романы и сказки были во все времена у всех народов; они оставили нам *вернейшие* начертания древних <...> народов и обыкновений <...> Должно думать, что сии приключения богатырей русских *имеют по себе отчасти дела бывшие, и если совсем не верить оным*, то надлежит сомневаться и во всей *древней истории*, коя по большей части основана на оставшихся в памяти сказках; впрочем, читатели, если похотят, *могут различить истинну от баснословия*, свойственного древнему обыкновению в повествованиях, в чем, однако, никто еще не успел (I, [3–5]).

Получается, что *истина* в «Русских сказках», выступая антитезой к *баснословию*, употребляется в значении исторической достоверности, исторического факта. Последняя фраза приведенной цитаты из сборника имеет своим источником также «Библиотеку немецких романов» и взята Лёвшиным из комментария к истории о рыцаре Ланцелоте (раздел «Романы рыцарские»). Сравним:

«Bibliothek der Romane»

...So wie an der ganzen Geschichte des Koenigs Artus und der Tafelrunde, sagt Herr Wieland, so ist auh an der Geschichte des Merlin's *unstreitig etwas wahres; aber was daran wahr ist, von dem Fabelhaften scheiden zu wollen, moechte wohl vergebliche Muehe sein* (I, 78)²³.

«Библиотека немецких романов»

...Как вся сия повесть короля Артуса и Круглого стола, говорит господин Виланд, так же и повесть Мерлинова *неоспоримо есть нечто истинно бывшее, но различить в оной истинну от баснословнаго был бы, может, труд напрасный* (I, 92).

²² О дискуссии вокруг романного жанра см.: *Русский и западноевропейский классицизм*... С. 32–57.

²³ Подстрочник: «Во всей истории о короле Артусе и рыцарях Круглого стола, говорит господин Виланд, а также в истории Мерлина есть нечто неоспоримое, но попытаться отличить истину от баснословия — это бесполезная трата сил». Издатель с большой точностью передает высказывание Виланда, сделанное в Комментариях к полному немецкому переводу французского рыцарского романа о Жироне (*Le Roman de Guyon*), «экстракт» которого был опубликован, кстати, в «Универсальной библиотеке романов» (октябрь 1776): Wieland Ch.M. *Neuste Gedichte*

Проблематика, им заявленная, лежит в несколько ином русле, отличном от представления немецкого издателя о значении романа, но ближе всего к дискуссиям о степени достоверности материалов по древнему и легендарному периоду истории человечества. Вспомним, к примеру, высказанную М.В. Ломоносовым мысль о смешении достоверного и вымышленного в известиях, дошедших из глубокой древности:

Правда, что и в наших летописях *не без вымыслов меж правдою*, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках²⁴.

Рассматривая историко-литературный контекст появления сборника Лёвшина, мы не можем обойти вниманием тему русской старины в отечественной исторической науке и беллетристике второй половины XVIII в.

1.2. Национальные древности в русской историографии и беллетристике второй половины XVIII в.

По выходе в свет в 1780 г. первых частей сборника Лёвшина, рецензент «Санктпетербургского вестника» приветствовал «издание старинных богатырских сказок» и высказал пожелание, чтобы «г. издатель <...> в самом исполнении своего намерения больше придерживался старинного сказкоказателей слога, историческими и этимологическими своими примечаниями изъяснял темные места»²⁵.

У публики были основания воспринять сборник «Русские сказки» в качестве издания подлинных памятников

²⁴ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Миллера [репорт в канцелярию Академии наук 16 сент. 1749 г.] // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 20.

²⁵ Санктпетербургский вестник. 1781. VII. Апрель. С. 295. Включение же в сборник бытовых сказок о ворах рецензент посчитал излишним, противопоставив «уникальность» и «подлинность» первых трех повестей о богатырях заурядности и вымышленности следующих за ними сказок о ворах, которые «всякий замысловатый мужик без труда подобных десятков выдумать может». Другая рецензия посвящена возобновлению издания: Московские ведомости. 1783. 18 окт. № 83.

русской старины. Об этом свидетельствует дальнейшая история сборника. Как отмечает М.К. Азадовский, сочинение Лёвшина было «в течение долгого времени одним из основных источников для знакомства с народной поэзией» наряду со сборником Кирши Данилова и «Словом о полку Игореве»²⁶. Несколько богатырских повестей сборника удостоились перевода на французский и немецкий языки²⁷.

В документальной основе сборника должен был убеждать и прием конструирования образа «издателя», активно используемый европейскими и, позднее, русскими литераторами²⁸. В предыдущем параграфе нами уже цитировалось предисловие к сборнику («Известие»), где В.А. Лёвшин примеривает «маску» издателя:

Издать в свет книгу, содержащую в себе отчасти повествования, которые рассказывают в каждой харчевне, кажется, был бы труд довольно суетный, но я уповаю найти оправдание мое в следующем <...> я заключил *подражать издателям* <...> и издаю сии сказки русские (Ч. 1. С. [3+4]).

В том, что перед читателями переложённая «в нынешнее наречие» подлинная русская старина, призваны были убедить обещание «издателя» обозначать кавычками цитаты из «подлинных российских поэм» и сопровождение текста аппаратом примечаний этнографического и лексикографического характера. Все это сообщало изданию

²⁶ Азадовский М.К. История... Т. 1. С. 66.

²⁷ О публикации переводов на французский двух сказок в 1804 г. в «Archives littéraires de l'Europe» (ч. 1) дает сведения М.К. Азадовский (Азадовский М.К. История... С. 66); о переводе на немецкий язык четырех сказок в журнале «Russische Miscellen» в 1803–1804 гг. и отдельным томиком в 1817 г. см. обзорную статью О.В. Коковихиной (Коковихина О.В. Русские сказки в журнале И.Г. Рихтера «Russische Miscellen» // Общество-Язык-Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке: Сб. тр. Первой междунар. науч.-практ. конф. 18 окт. 2006 г. М., 2006. С. 34–36).

²⁸ Билинкис М.Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995. С. 68–69. Ср.: основное назначение «образа "издателя" <...> представить читателю рассказ о том, как будто речь идет о каком-нибудь подлинном найденном документе, подготовленном к публикации и прокомментированном» (Феррацци М. «Письма Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина и «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо: Подражание или самостоятельное произведение? // XVIII в. Сб. 21. С. 166).

«Русских сказок» легкий ореол научно комментированной публикации фольклорного материала. Подход Лёвшина к материалу, обозначенная им проблема недостоверности древних свидетельств заставляют вспомнить о дискуссиях российской исторической науки.

Вторая половина XVIII в. была отмечена развитием российской историографии. Помимо написания современного обобщающего труда по истории России перед рождающейся исторической наукой встала не менее важная задача сбора, публикации и критики исторических источников. В это время российские ученые вырабатывают принципы публикации памятников: исторические источники сопровождаются предисловиями, дополнительными статьями и комментариями. Таким было, например, издание «Правды Русской», подготовленное В.Н. Татищевым и осуществленное после его смерти А. Шлёцером (СПб., 1767), или издание Судебника 1550 г., сопровождаемое комментариями В.Н. Татищева и предисловием Г.Ф. Миллера (СПб., 1768). План издания источников предложил академической конференции еще в 1731 г. Г.Ф. Миллер; та же мысль — о создании «Российской библиотеки» — была высказана В.Н. Татищевым. Изданию русских летописей положила начало предпринятая Академией наук в 1767 г. публикация «Летописи Несторовой с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года»²⁹. Разыскивая исторические памятники, историки нередко обращались к публике с просьбой помочь, поспособствовать их собиранию. В предисловии И.И. Тауберт писал о проекте издания летописей:

Но возможно ли оной предпринять без <...> *вспомоществования* российской публики? К получению такой <...> помощи *требуется* <...> *сынов Отечества поощрить*, дабы они или собственными разысканиями, или сообщениями хороших старинных списков благоволили способствовать³⁰.

²⁹ Библиотека российская историческая. СПб., 1767. Ч. 1; об исторической науке этого времени: *Очерки истории исторической науки*. Т. 1 / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1955; *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1971. Ч. 3; *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен по XVIII в. Л., 1982.

³⁰ Библиотека российская историческая. С. 31.

После выхода в свет первой части «Библиотеки российской исторической» курируемое И.И. Таубертом издание продолжено не было. Под эгидой Академии наук начала выходить многотомная летопись по Никонову списку³¹. Более полно идея В.Н. Татищева воплотилась в ежемесячном издании Н.И. Новикова «Древняя российская вивлиофика» (Ч. 1–10, 1773–1775), в котором звучала аналогичная просьба, обращенная, однако, не к академической, образованной аудитории, а к широкой публике:

Остается мне *просить* благосклонных моих читателей о *вспомоществовании* мне в сем Издании: ибо, хотя я уже и имею много разных любопытства достойных списков для наполнения сего Издания, но, может быть, у *охотников хранятся* еще достойнейшие оных³².

Уникальность предпринятого Новиковым издания состояла в том, что «он использовал периодическую печать для ознакомления массового читателя своего времени с отечественной стариной»³³. Подражая публикаторам исторических документов, В.А. Лёвшин формулирует задачу собирания «русских древностей», подразумевая под ними не документальные источники, но фольклорный материал, в котором запечатлен неповторимый духовный облик народа; он также обращается к широкому кругу читателей с просьбой поддержать и продолжить его начинание:

...Издаю сии сказки русские с намерением *сохранить* сего рода *наши древности* и *поощрить* людей, имеющих время, *собрать* все оных множество, чтоб составить *Вивлиофику русских романов* (I, [4]).

Фольклор («романы и сказки»), прежде находившийся на периферии ценностного поля русской культуры³⁴, при-

³¹ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1–8. СПб., 1767–1792.

³² Древняя Российская вивлиофика: В 10 ч. СПб., 1773–1775. Ч. 1. С. VI–VII.

³³ Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб., 2004. С. 136.

³⁴ См. об этом: *Азадовский М.К.* История... С. 38–42; *Степанов В.П.* Чулков и «фольклорное» направление в литературе // *Русская литература и фольклор* (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 226; *Билинкис М.Я.* Русская проза... С. 72–73; *Русская литература и фольклор* (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 180–225.

равняется Лёвшиным в плане культурной значимости к историческому документу.

Ранее в академической полемике 1750–1760-х гг. ключевым стал «вопрос об исторически достоверном в народных преданиях и легендах»³⁵. Некоторыми историками отчасти была признана информативно-историческая ценность эпоса. Г.Ф. Миллер в статье «Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении русского народа» видит в «русских сказках» (в том числе рукописных повестях) аналог западно-европейских саг и, следовательно, возможный источник исторических сведений, например о войнах:

Я умалчиваю о войнах древних северных народов, против <...> Новгорода учиненных. Все *повести (Sagae)* оными наполнены, и достопамятно, что есть и *Российския сказки*, например: о Бове Королевиче, которые много с оными сходятся³⁶.

В.Н. Татищев признавал, что присутствие фантастического, баснословного в древних свидетельствах неизбежно («баснословное по тогдашнему обычаю внесено»³⁷), но допускал привлечение былинного материала для реконструкции событий, относящихся к древности:

Песни древних, хотя они не таким порядком складованы, чтоб за историю принять было можно, однако ж много можно в недостатке истории *из оных нечто к изъяснению и в дополнку употребить*, как видим *Омера*, песнями нечто в память оставившего. Стрыковский в недостатке истории литовской сказывает, что из песен брал. Я прежде у скоморохов *песни старинные о князе Владимире* слышал, в которых жен его именами; також о славных людех Илие Муромце, Алексие Поповиче, Соловье-разбойнике, Дюке Стефановиче и прочих упоминают и дела их прославляют, а в истории весьма мало или ничего. В пример сему о Путяте <...> я ис песни изъяснил. Но жалею, что ныне таких песен списать не достал³⁸.

Историки сходились в том, что начала истории любого народа восходит к периоду мифотворчества. Выше уже приводилось высказывание М.В. Ломоносова о том, что «у всех древних народов история сперва баснословна, однако

³⁵ Степанов В.П. Чулков и «фольклорное» направление... С. 226.

³⁶ Ежемесячные сочинения. 1761. № 1. Июль. С. 6.

³⁷ Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 107.

³⁸ Там же. С. 115.

правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках»³⁹. Несколько ранее выхода сочинения Ломоносова в журнале «Трудолюбивая пчела» была опубликована статья Г.В. Козицкого «О пользе мифологии», в которой античные мифы рассматривались как начало искусств и наук, в том числе исторической⁴⁰.

В обидном, казалось бы, факте малочисленности документальных свидетельств о самых началах русской истории российские историографы находят некоторое преимущество. Следствием позднего овладения письменностью, позднего развития наук стала, по их мнению, относительная достоверность русских летописей. Под ними подразумевалась прежде всего летопись Нестора, чья сдержанная манера трактовалась в духе просветительской идеологии как проявление его природного благоразумия. И.И. Тауберт, давая высокую оценку труду Нестора, противопоставляет достоверность сообщаемых им сведений вымыслам европейских историков:

...С бесстыдною смелостию описывали дела, за тысячу и более лет до них происходившая, и чрез то начала своих историй *зделали невероятными и смешными* <...> Сей ко всезнанию, или лучше сказать к ложным повествованиям, склонности мы в нашем Несторе не находим. *Благоразумию* его одолжены мы за то, что *больше вероятности и истинности в себе имеет* нежели всех прочих северных народов истории⁴¹.

Романист Ф.А. Эмин, выпустивший беллетризованную русскую историю в том же 1767 г., идет в своих обобщениях дальше, говоря о преимуществах всех русских летописцев:

Мы <...> по справедливости должны предпочесть наших древних летописцев пред иностранными <...> И ежели прочие народы почитают то за славу и честь, что гораздо прежде нас начали быть просвещены, то мы должны назваться счастливыми, что оной не имеем, ибо и наши летописи были бы наполнены баснями многих богов <...> удивительными действиями⁴².

³⁹ Ломоносов М.В. Замечания... Т. 6. С. 20.

⁴⁰ Трудолюбивая пчела. 1759. Январь. С. 5–33.

⁴¹ Библиотека российская историческая. С. III.

⁴² Эмин Ф.А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей: В 3 т. СПб., 1767–1769. Т. 1. С. 7.

Каждый, кто брался за труд по изложению русской истории, по-своему решал вопрос о том, в какой мере воспроизводить летописные легенды и свидетельства о чудесах и знаменьях. В соответствии с духом эпохи, объектом критики просветительской историографии, были, прежде всего, суеверие и церковное предание. Внимания к этому вопросу не избегла и российская историческая наука. Общая тенденция состояла в последовательном исключении из летописных описаний чудес и знамений. В.Н. Татищев в предисловии к своему труду высказывался довольно категорично:

...Историописатель невероятным является, когда дела с обстоятельствы и древних сказаний несогласные внесет, когда дела чрезвычайные сказует и многими баснями и суеверными чудесами наполнит, чего у древних весьма между правыми сказаниями находится⁴³.

Помимо самого свойства древних исторических повествований, по мнению Татищева, имеет место и поздняя злонамеренная порча источников. Татищев перечисляет легенды, которые вызывают его наибольшее сомнение:

...Некоторые <...> якобы для лучшего изъяснения, но паче для потемнения истинны басни сложа, внесли и сущую правость сказания древних закрыли, как то о построении Киева, о проповеди Андрея апостола, о стрении Новограда Славеном и пр.⁴⁴

В своем научном труде Татищев, хотя и пересказывает легенды, но обязательно либо дистанцируется от них («сказывают», «баснословят»), либо выстраивает опровержение, высказывает «сомнительства» (из которых «истину найти нетрудно»⁴⁵), или же красноречиво умолкает, отступая перед авторитетным источником (как, например, о происхождении московитов от библейского Мосоха: «Сие я ни в какое сомнение привести или опровергать мудрейших мнения намерения не имею и нужды мне нет, но токмо к рассмотрению полагаю, что в других обретаю»⁴⁶).

⁴³ Татищев В.Н. История... Т. 1. С. 83.

⁴⁴ Там же. С. 81.

⁴⁵ Там же. С. 104.

⁴⁶ Там же. С. 288.

Позиция М.В. Ломоносова значительно мягче. Он пересказывает легенды, оставляя вопрос об их достоверности на суд читателей: «утверждать о том опасаясь», «вероятности отрещись не могу, достоверности не вижу» (о происхождении Рюрика от императора Августа), «Мосоха, внука Ноева, прародителем славенского народа ни положить, не отрещи не нахожу основания. Для того оставляю всякому на волю собственное мнение»⁴⁷.

Срединную позицию занимает историограф от литературы Ф.А. Эмин: «Я от <...> странных повествований убеждать старался; и естли у меня написано, что наши предки произошли от Мосоха, то в том я последовал многим летописцам так утверждающим. Хотя такие сомнительныя описания ныне по большей части почитаются за неважныя; однако совсем их бесполезными назвать нельзя для того, что чрез оныя сохраниться память о том, чего мы и ныне ясно не зная, при случаях доискиваться можем»⁴⁸.

Легендарный материал русской истории, который мог вызывать возражения со стороны историков, ограничен известным списком сюжетов; среди них династические и топонимические легенды — о праотце Мосохе, об основании прародителями славян Русом и Славеном городов Русы и Славенска, о чародее Волхове, о приходе в южные земли Кия, Щека, Хорива и Лыбеди и основании Киева, о происхождении Рюрика от императора Августа, о венце Мономаха, и некоторые другие. Находясь на твердых просветительских позициях в отношении методологии исторической науки, И.И. Болтин высказывается определенно негативно о помещении легенд в историческое сочинение:

Всех <...> басенных повествований, каковыя суть о построении Киева Кием, Славенска Славеном, о проповеди Св. Ап. Андрея руссам, и пр. история терпеть не должна. Худое доверие историк о себе читателям подает, когда он дела невероятныя, баснь, чудеса в свою историю вносит⁴⁹.

⁴⁷ Ломоносов М.В. Древняя российская история // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 180.

⁴⁸ Эмин Ф.А. Российская история... Т. 1. С. XXI.

⁴⁹ Болтин И.И. Ответ ген.-м. Болтина на письмо кн. Шербатова, сочинителя Российской Истории. СПб., 1789. С. 192–193.

Другой предмет споров составляли вошедшие в летописи церковные предания о чудесах и знамениях. Хотя в целом, как я уже отмечала, тенденция состояла в последовательном очищении исторического труда от всего, что не согласуется со здравым смыслом и представлением о вероятности, разногласия по этому вопросу мы находим в последнем десятилетии XVIII в. — в полемике М.М. Щербатова и И.И. Болтина. М.М. Щербатов считал долгом историка добросовестно воспроизводить «показания летописных источников о всевозможных небесных явлениях и так называемых “чудесах”»⁵⁰. Оппонент же упрекал его именно за сообщение ложных чудес, за внесение «о стенах и идолах *басни*, которые наш историк в Историю, пишему в *настоящий просвещенный век*, поместить признал за достойныя»⁵¹.

Забота о воспитании и просвещении современников побуждает популяризаторов истории прибегать к удалению из последней недостоверных, невероятных известий. Показательна статья М.И. Чулкова «История», вошедшая в последний из созданных им сводов по русской мифологии — «Абевега русских суеверий» (1786). Это издание, как и предшествующие ему, предназначалось широкой аудитории. Предваряя выдержки из летописного эпизода о напустивших «глад и мятеж» волхвах, Чулков обрушивается на суеверия, могущие нанести вред простым людям:

Некоторые истории и летописи наши наполнены многими суеверными повествованиями, которыя и до ныне служат великим развратом непросвещенным россиянам: я удовольствуюсь выписать некоторыя из летописца, названного Никоновским; где *грубость невежества прошедших веков* довольно откровенна, а оный напечатан без всякой вычистки, несмотря на то, что о случаях наносящих соблазн, никто б сожалеть не стал, ежели бы они в печатании и пропущены были, понеже для просвещенного человека служат *вздором*, для простолюдина *соблазном*, а для истории *излишеством*⁵².

⁵⁰ *Пеитич С.Л.* Русская историография... Ч. 3. С. 13–14.

⁵¹ *Болтин И.И.* Ответ... С. 281.

⁵² *Чулков М.Д.* Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений и свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч. М., 1786. С. 208.

Вместе с тем на европейскую просветительскую историографию, направленную на очищение источников от суеверного и неправдоподобного материала, стало оказывать возрастающее влияние увлечения стариной. Расширилось представление о содержании исторического сочинения. В круг обязательного рассмотрения были включены нравы и обычаи народов. Новый подход впервые был сформулирован в труде Вольтера «Опыт о нравах и духе народов» (окончательный вариант вышел в 1769 г.)⁵³. Вольтеровская негативная оценка мифов и легенд («бесполезно искать в них смысл») парадоксально, на первый взгляд, сочетается с признанием того, что «сама *грубость* исторических памятников средневековья позволяет видеть дух эпохи, каким он был, и самые *фантастические легенды* нам могут разъяснить нравы народов»⁵⁴. Описывающее и дух памятника и нрав эпохи слово «грубость» подразумевало присущее средневековью, согласно историософской системе Просвещения, невежество, суеверие, дикость и непросвещенность. Поэтическое восприятие исторического памятника, любование, признание его эстетической стороны приходит в Европу несколько позже. Однако в этой же фразе Вольтера заложен потенциал исторической науки следующей эпохи, для которой тема общего невежества народов средневекового периода перестала быть актуальной, а ей на смену пришел вопрос о национальном характере и неповторимом духовном облике каждого народа. Откликом на европейское новое представление о содержании исторического сочинения можно считать многие сходные высказывания российских историографов:

Благосклонный любитель *российских древностей*, сие издание <...> предпринял я издавать в угодность вашу <...> сии листки означают некоторыя *черты нравов, обычаев и обрядов* знаменитых наших предков⁵⁵.

⁵³ См. об этом: *Косминский Е.А.* Историография средних веков (V в. — середина XIX в.). М., 1963. С. 185; *Шапиро А.Л.* Историография... С. 169.

⁵⁴ Цит. по: *Косминский Е.А.* Историография... С. 185, 201.

⁵⁵ *Новиков Н.И.* Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе Истории и Географии Российской. СПб., 1776. Ч. 1, № 1. С. 75.

В наших рукописных книгах находим описание *правов наших народов*, оных действия и различия⁵⁶.

Позже эта же тема прозвучит у Н.М. Карамзина: «...самая *басни древняя* любопытны для ума внимательного, изображая *обычаи и дух времени*»⁵⁷.

В России новые тенденции, под влиянием которых историки обратились к собиранию разнообразного этнографического материала, проявились в просветительской деятельности Н.И. Новикова и литераторов вокруг него. В обращении Н.И. Новикова к читателям «Древней российской вивлиофики» внимание к корням, обычаям и нравам своих предков, пусть суеверных, органично сочетается с критикой франкомании:

Не все у нас еще, слава Богу! заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут *описания некоторых обрядов*, в сожитии *предков наших начертание правов их и обычаев*, и с восхищением познают *великость духа их*, украшенного *простотою*. Полезно знать *нравы, обычаи и обряды* древних чужеземских народов; но гораздо полезнее иметь сведения о своих предках <...> Напоенные сенским воздухом сограждане наши станут, может быть, пересмеять суеверие и простоту, или их глупость, наших прапрадедов: но одни ли россияне подвержены были *суеверию*?⁵⁸

Интерес к славянской мифологии и национальным поверьям подхватили М.Д. Чулков и М.И. Попов, чьи лексиконы были адресованы демократическому читателю, «любителю старины, для которого обряд превращался в экзотическую достопримечательность»⁵⁹. Популяризаторская направленность их деятельности обусловила особенности освещения материала: нравы, обычаи и обряды народа представлены в их трудах как любопытства достойные суеверия былых времен и вместе с тем как национальное достояние. В предисловии к «Описанию древнего языческого баснословия» (1768) М.И. Попов высказывает надежду, что

⁵⁶ Эмин Ф.А. Российская история... Т. 1. С. 8.

⁵⁷ Карамзин Н.М. История государства российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 20.

⁵⁸ Древняя российская вивлиофика... С. V–VI.

⁵⁹ Степанов В.П. Чулков и «фольклорное» направление... С. 228.

«сие собрание языческих славенских богов <...> послужит ей (России. — Л. К.) к вящему прославлению, изъясняя <...> смеха достойную языческую прелесть»⁶⁰. Выходившие на протяжении двух десятилетий (1767–1786) издания претерпели эволюцию. «Интерес к современным обрядам и обычаям у Чулкова постепенно пришел на смену занятиям мифологией <...> от издания к изданию усиливался этнографический элемент, в то время как мифологическая часть не претерпевала существенных изменений»⁶¹. Направление работы над воссозданием русской мифологии определил исторический труд М.В. Ломоносова⁶². Основываясь на представлении о сходстве древнейшего, «баснословного» периода у всех народов, М.В. Ломоносов реконструировал в «Древней Российской истории» (изд. 1766 г.) славянскую мифологию через систему соответствий с греко-римской:

Древнее многобожие в России, сходствующее с греческим и римским, подтверждается еще, сверх письменных известий, другими примечаниями. Что значат известные в сказках полканы, из человека и коня сложенные, как греческих центавров? Не гиганты ли волоты? Не нимфы ли в кустах и при ручьях сельскою простотою мнимые русалки? Не соответствует ли царь морской Нептуну, чуды его тритонами? Чур — поставленному на меже между пашнями Термину?⁶³

В трудах М.Д. Чулкова и М.И. Попова происходит «систематическое оформление новой мифологии» (В.П. Степанов). Воспользовавшись ломоносовским приемом реконструкции, они восполняют недостаток сведений, извлекаемых из русского фольклора, через иерархически стройную систему греко-римского пантеона. В первом русском энциклопедическом словаре по мифологии — «Кратком мифологическом лексиконе» (1767) — М.Д. Чулков представил « совме-

⁶⁰ Попов М.И. Описание древнего языческого баснословия. СПб., 1768. Л. [9–10].

⁶¹ Степанов В.П. М.Д. Чулков и русская проза 1750–1770-х годов: Автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1972. С. 14; Он же. Чулков и «фольклорное» направление... С. 227–228.

⁶² Берков П.Н. Ломоносов и фольклор // Ломоносов: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 116–126.

⁶³ Ломоносов М.В. Древняя Российская история... Т. 6. С. 253.

стно две мифологические системы⁶⁴. Издание носило прикладной, учебный характер, о чем сообщалось в предисловии:

Краткий сей лексикон предприял я собрать с тем, чтоб *услужить* моим одноземцам, тем, которые не знают иных языков, о пользе же его говорить почитаю излишнее; ибо они сами употребляя *его* в нужных случаях узнают, сколько он потребен⁶⁵.

Большая часть материалов посвящена античной мифологии, греческим и римским царям и героям и, в наименьшей степени, славянской мифологии. В последующих аналогичных словарях-энциклопедиях М.И. Попова и М.Д. Чулкова произошла переориентировка исключительно на национальный материал и возросла доля этнографических сведений, касающихся календарных праздников и обрядов, в том числе народов, населяющих Россию. Нас будут интересовать особенности славянского пантеона и оценка языческих верований в этих словарях-энциклопедиях.

В «Описании древнего славянского языческого баснословия» (1768) М.И. Попова немало совпадений с текстом предшественника. Как показал П.Н. Берков, помимо прямого заимствования Поповым у Чулкова, оба они черпали из общих источников, причем «Попов проявлял при этом большую осторожность»⁶⁶. Главными источниками наших авторов были «Древняя Российская история» М.В. Ломоносова и «Книга историографа Мавроурбина, архимандрита Рагужского» (1722), а также рукописные летописи и вышедшая к тому времени летопись Нестора (Попов назвал свои источники в предисловии). В этой же статье Берков объяснил научный курьез с наиболее «спорными» славянскими божествами Усладом, Зимцерлой и Ладой. Он показал, что гипотеза о происхождении обрядового рефрена Ладо от имени богини Лады восходит к Ломоно-

⁶⁴ Степанов В.П. Чулков и «фольклорное» направление... С. 227.

⁶⁵ Чулков М.Д. Краткий мифологический лексикон. СПб., 1767. Л. 4. Сокращенный вариант был опубликован в журнале «И то и се» (1769, недели 38–39).

⁶⁶ Берков П.Н. Ломоносов... С. 120.

сову, имя богини Зимцерлы появляется в результате ошибочного чтения русским переводчиком текста Мауро Орбини или опечатки русского издания⁶⁷. Берков напоминает также о том, что имя бога Услава восходит через Мауро Орбини к неправильному прочтению Герберштейном описания идола Перуну в русской летописи («а ус злат»), чем снимает всяческие подозрения в склонности Чулкова к откровенному вымыслу. Литератор лишь приписал Зимцерле мифологическую функцию, воспользовавшись научным в то время методом этимологизации: Зимцерла — богиня утра, стирающая следы зимы.

От книги к книге материал прирастал новыми статьями по славянской мифологии⁶⁸. Внесенные Поповым статьи частью перешли в следующее издание Чулкова — «Словарь русских суеверий»⁶⁹ (1782), частью попали сразу в «Абевег русских суеверий» (1786). В изданиях 1782 и 1786 гг. Чулков вносил также свой материал⁷⁰.

⁶⁷ Берков П.Н. Ломоносов... С. 123–124.

⁶⁸ Славянский материал «Краткого мифологического лексикона» (1767) М.Д. Чулкова представлен следующими статьями: Алане, Белбог, Волос (Велес), Волоты, Даждбог, Дидилия, Дид (Дило), Догада, Зевана (Зевония), Зимцерла, Змеи, Знич, Золотая Баба, Коляда, Корс (Корш), Купало, Ладо, Лелио, Лешие, Перун, Подвизд (Похвист, Вихр), Прове (Прон), Ралегаст, Световид (Святовид, Святович), Студенец, Тур, Услад (Ослад), Фабула, Чернобог (Чернбог), Чур. М.И. Попов добавил следующие статьи: Буг-река, Волхов, Гадания, Домовые, Дон, Детинец, Кикимора, Леда, Макошь (Мокошь, Мокосл), Марцана, Ния, Полея, Полкан, Роши, Русалки, Сива (Сива), Сильный Бог, Симаергла (Семаргл), Стриба, Триглава (Тригла), Тризна, Царь морской, Чудо морское, Ягая Баба. Статьи Чулкова 1767 г. о Даждбоге, Подвизде, Фабуле не повторились в следующих изданиях, как и статьи Попова — Гадания, Домовые, Леда, Роши, Чудо морское.

⁶⁹ Для «Словаря русских суеверий» (1782) Чулков позаимствовал у Попова следующие статьи: Буг-река, Кикимора, Макошь, Марцана, Ния, Полкан, Русалки, Сива, Сильный Бог, Симаергла, Стриба, Триглава, Тризна, Царь морской, Ягая Баба. Из книги Попова в издание Чулкова «Абевег русских суеверий» (1786) перешли статьи: Волхов, Детинец, Полея.

⁷⁰ В «Словаре русских суеверий» (1782) появляются статьи: Водяной дедушка, Иомалла, Обилие держать, Обливание водою, Чертово городище; в «Абевеге русских суеверий» (1786) — Казань, Корова, Семик, История. Статьи «Чертово городище» и «Казань» были взяты, по-видимо-

Оформившийся в книгах Чулкова и Попова славянский пантеон представлен в разной степени иерархичности и определённости функций божеств. Несколько статей посвящено божествам западных славян, в частности балтийских, как называет их автор, варяжских славян (Прове, Радегаст, Световид, Сива), и связанной с исконными территориями варягов топонимической легенде (Студенец на острове Руген). Восточно-славянский языческий пантеон с центрами в Киеве и Новгороде описан через соотнесение с античной мифологией: Дидилия — Илифия, Лада — Венера, Полея — Гименей, Зимцерла — Аврора, Марцана — Деметра, Подвизд — Эол, Ния — Плутон, Кикимора — Морфей, Коляда — Янус, Хорс — Эскулапий, Леда — Марс, Триглава — Диана и Зевана — Артемида, Царь морской — Нептун, Ягая Баба — Белонна, Догода — Зефир, Золотая Баба — Исида. Задолго до Ломоносова славянские языческие божества были приведены в соответствие с римскими в труде Я. Длугоша «История Польши». Кроме того, многие имена из представленного списка восточно-славянских божеств находят соответствие в польской мифологии (это Ния, Леда, Дидилия, Марцана, Зевана, Подвизд). Три русских божества представлены иерархической верхушкой без прямых античных аналогий: Перун — бог грозы, «второй по Перуне» Велес (бог скота), «третий по Перуне» Купало (его функция не обозначена, описан обычай в его день прыгать через костер). Хотя очевидно, что по своим функциям Перун соотносится с Зевсом, а Велес с Гермесом. Отдельной связкой предстают в лексиконах Белбог и Чернобог. Ряд божеств даны вне аналогий с античной мифологией: Дажд-бог, Макошь, Симаергла, Стриба, Тур, Чур — возможно потому, что источником в данном случае является изданная летопись Нестора, в которой нет объяснения их функциям (Перун, Хорс, Даждьбог, Стрибог, Симаергл, Макошь). Большею частью их функции не описаны, представленный в этих статьях материал изобличает суеверие древних через

му, из сборника Лёвшина или напрямую из сочинения кап. Рычкова (*Журнал*, или *Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства, 1769 и 1770 году*. СПб., 1770), на которого Лёвшин ссылается в одном из примечаний.

упоминание или более подробное описание их храмов, жертвенников, истуканов, современных календарных обрядов. Например, «Семаргл, или Симаергла, божество древних славян, коему, так как и прочим, приносили они жертвы и имели истуканы»⁷¹. В статьях последнего издания — «Абевеге русских суеверий» (1786) — Чулковым были убраны параллели с греко-римской мифологией, что придало русской мифологии статус самостоятельной, полноценной системы. Сравним:

М.И. Попов

Ягая баба, сие страшилище описывает суеверие страшною, сухошавою и огромною бабою, наподобие остова, с костяными ногами, держашею в руке железную палицу, которою она действует, понуждая катиться железную свою махину, в коей она разезжает. По таковым приметам можно думать, что она у славян имела должность Беллоны, или какой ужасной адской богини.

*Русалки, славенския нимфы...*⁷²

Художественное освоение воссозданных славянских древностей состоялось в беллетристических сочинениях М.Д. Чулкова, М.И. Попова и В.А. Лёвшина.

Годом ранее «Мифологического лексикона» начал выходить сборник М.Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки» (1766–1768, Ч. 1–3). В волшебнo-сказочных повестях о славянских древностях, как и в Лексиконе, присутствуют античная и славянская мифология. В примечаниях к тексту автор дает пояснения к славянским и античным древностям; эти статьи легли в основу Лексикона. Парадоксальное соприсутствие в волшебных повестях двух языческих систем объяснено автором в примечаниях. Славянские древности служат

М.Д. Чулков

Ягая баба, под сим именем почитали славяне адскую богиню, изображая ее страшилищем, сидящим в железной ступе и имеющею в руках железный пест; ей приносили кровавую жертву, думая, что она питает ею двух своих внучек, коих ей присвоили, и услаждается при том и сама проливанием крови.

*Русалки, дьяволы женскаго рода...*⁷³

⁷¹ Чулков М.Д. Абевега... С. 291.

⁷² Попов М.И. Описание... С. 47–48, 32.

⁷³ Чулков М.Д. Абевега... С. 283, 324–325.

для создания национального колорита, упоминание античных божеств — для поэтического украшения текста. Один из рассказчиков — славянин Алим, — описывая необыкновенное место, изъясняется всепонятным поэтическим языком: «вода, которая казалась чище, нежели Аврорины слезы». Авторское примечание направлено на то, чтобы упредить возможные возражения читателя:

Славяне почитали своих богов весьма великою честью; а на украшение какова-нибудь места употребляли тех, которых почитали иноплеменники. И так, Алим, говоря об украшении, должен непременно представлять чужих богов, хотя в случае они их и почитали⁷⁴.

В другом месте, сетуя на судьбу, герой припоминает эвменид — Мегеру, Клотону и Аропу. В примечании автор обосновывает языковое поведение героя культурными контактами славян и греков и еще раз возвращается к метафорической функции античной системы:

Чтоб иной охотник выскивать погрешности не привязался к сему, что славянин употребляет в словах греческое божество; ибо частыя войны и всегдашнее купечество у славян со греками *перемешали множество идолов*, и смесь сия была причиною тому, что славяне ходили в храмы греческих богов, приносили им жертвы, и просили их покровительства. Также и греки дельвали, когда находились в наших странах; но славяне всегда употребляли их на украшение всяких мест⁷⁵.

Античная мифология выступает в волшебном повествовании Чулкова в роли общедоступного поэтического и культурного (в случае объяснения функций славянских божеств) кода. В своей прямой мировоззренческой сути идолопоклонство высмеивается автором. Лучшие его герои являются носителями просветительского мировоззрения. Например, пришедший в город Русу Осан, именно потому что он чужак, носитель остранный точки зрения, способен проникнуть в обман:

Некогда случилось ему войти в Перунов храм, и увидеть там людей, приносящих жертву, к которым он подошел спросил, что это такое они делают? и как уведомился обо всем, то во всю мочь захо-

⁷⁴ Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки. Ч. 1–3. СПб., 1766–1768. Ч. 3. С. 25.

⁷⁵ Там же. С. 72.

хотал, и сказал им, что они глупы, что отдают божескую честь нечуждому болвану. Жрецы тотчас вывели его из храма, и после просили Государя, чтобы не впускать его ни в какое капище⁷⁶.

В волшебных повестях «Пересмешника», построенных по образцу сказок «1001 ночи»⁷⁷, волшебство (колдуны, их магические возможности, волшебные предметы) всегда остается «законным» допущением жанра, в то время как явление языческих богов (античных и славянских), вещание идолов и подобные чудеса непременно развенчиваются⁷⁸. Такое различие литературно допустимого волшебства и суеверного заблуждения сохраняется у последователей Чулкова в этом жанре.

Обращает на себя внимание пафос борьбы с суеверием в каскаде примечаний, посвященном низшей, «домашней» мифологии славян — домовым, лешим, кикиморам, русалкам, бабе яге, ведьмам и мертвецам. Приведем несколько примеров:

Домовые. Сии мечтательные полубоги у древних назывались гиньями, у славян защитителями мест и домов, а у нынешних суеверных *простаков* почитаются домашними чертями, на которых ссылаются все недобрые слуги; ежели что в доме делается худо, то сделали домовые, которых *нет и не бывало*.

Лешие. Сии мнимые пугалища почитались у славян лесными богами, которых чин имели у прочих язычников сатиры. Об них и *поныне в черни носится баснь*, что они сверху имеют стан человеческий <...> а от пояса простираются у них козлиные ноги <...> Ходящих по лесу людей обходят кругом, чем, затмевая у них память, принуждают заблуждать до ночи и после уносят их в свои жилища.

Русалки — славенские нимфы. Их почитали богинями вод и лесов, может быть, находился их не один род, так, как у греков. Славяне поклонялись им и приносили жертвы. В *простонародии* и *поныне* носится об них таковая *баснь*, что будто выдают их иногда, при берегах озер и рек моющих и чешущих зеленые свои волосы, а иных качающихся на деревьях. Как видно, то это *древних предрассуждений* еще *зараза*⁷⁹.

⁷⁶ Чулков М.Д. Пересмешник. Ч. 2. С. 38.

⁷⁷ Степанов В.П. М.Д. Чулков и русская проза... С. 18.

⁷⁸ Например, греческий первосвященник является в образе Плутона героине Филомене с тем, чтобы ее соблазнить; в образе богини, дочери бога славян Прове, герою Алимю является влюбленная волшебница Аропа (Чулков М.Д. Пересмешник... Ч. 2. С. 28; Ч. 3. С. 13).

⁷⁹ Чулков М.Д. Пересмешник... Ч. 5. С. 139–140.

Эта полемическая особенность подачи материала по низшей демонологии характерна для всех последующих выпусков лексиконов Чулкова — Попова, которая имела целью содействовать искоренению бытующего в народе суеверия. Славянский пантеон высших божеств имеет потенциальные возможности для использования в качестве аллегорического языка. В этом случае на воссозданный славянский олимп падает бронзовый отблеск поэтической традиции классицизма.

Продолжателем опыта Чулкова в жанре волшебного авантюрного романа на тему русской старины стал М.И. Попов. В своей книге «Славянские древности, или Приключения славянских князей» (1770–1771) он идет по пути более органичного включения в сюжет национального мифологического и этнографического материала⁸⁰. В сборнике предшественника вводимый материал выглядел механистически осуществленным вкраплением в виде сносок. Избегая примечаний, Попов интерполирует пояснения в текст: «бесчисленные тьмы прелестей <...> не иначе ее представляли зрителям, как самую Ладю, богинею любви»; «Кикимора, божество сна и ночи, пресек его о сем размышление»⁸¹. Кроме того, известный по сборнику и лексикону Чулкова материал о храме Золотой Бабы или священном огне Зниче играет роль в цепи приключений героев, и не только сюжетную: автор пользуется случаем изобличить варварский обычай жертвоприношения и корыстолюбие жрецов. Посещая храм священного огня Знича, древлянский князь Остан видит предназначенных для заклания в жертву пленников:

Жалость объяла мое сердце: я не мог понять причин сему зверскому обыкновению, чтоб предавать огню неповинных человек, в жертву такому божеству, которое подает нам исцеление и

⁸⁰ Последующие переиздания выходили под другим заглавием: Попов М.И. Старинные диковинки, или Удивительные приключения славянских князей. Ч. 1–2. СПб., 1778; Изд. 2-е, новое исправленное. М., 1793; То же. М., 1794. Перемена названия была связана с желанием автора уточнить для публики жанр своего сочинения, не имеющего ничего общего с историческим; об этом он сообщает в предисловии 2-го издания.

⁸¹ Попов М.И. Старинные диковинки... М., 1794. Ч. 1. С. 6–7, 23.

печется о нашем здравии. О боже! вскричал тогда я. — Конечно не ты виною варварскому сему уставу, но жадность к корыстолюбию немилосердых твоих жрецов⁸².

Обращает на себя внимание попытка Попова заместить привычное аллегорическое употребление античной мифологии — славянской в той же функции. Как отмечает современная исследовательница, «М. Попов трансформировал условную парадигму, заменив мифориторическую традицию античного образца на аналогичную по функции в романном повествовании»⁸³. Рассвет описан «восхождением багряной Зимцерлы» и появлением лучей Световида⁸⁴. (Впрочем, это замещение оказывается легко обратимым: в другом месте утро обозначено появлением лучей Феба, а отход ко сну — «объятиями Морфеевыми».)

Сплав европейской волшебной авантюрной литературной традиции и национального колорита, достигнутого введением этнографического материала и склонением на русские нравы пантеона языческих богов, у Чулкова и Попова привел к рождению особенной сказочно-исторической модели повествования. Десятилетие спустя В.А. Лёвшин воссоздает в богатырских повестях сборника «Русские сказки» (1780–1783) дух русской старины, основываясь на опробованной Чулковым и Поповым новой модели повествования. Новаторство Лёвшина состояло в использовании образов и мотивов национального эпоса и более смелом включении исторического и легендарного материала. Формулируя в «Известии» проблему достоверности, Лёвшин одновременно констатирует и невозможность ее окончательного решения в отношении древнейшего периода истории, от которого до современности дошли лишь предания, романы и сказки. Но этот печальный для историка факт открывает писателю свободное поле для творческой фантазии. Желание опереться на национальный материал и явный недостаток последнего обусловили писательскую стратегию Лёвшина сочетать

⁸² Попов М.И. Старинные диковинки... Ч. 1. С. 21–22.

⁸³ Автухович Т.Е. Риторика и русский роман XVIII в.: Взаимодействие в начальный период формирования жанра. Гродно, 1995. С. 132.

⁸⁴ Попов М.И. Старинные диковинки... Ч. 1. С. 27.

национальный эпос с европейским рыцарским романом, точнее теми модификациями, в которые он превратился за несколько веков существования⁸⁵. Взаимодействие исторического и легендарного материала, национального эпоса и модификаций рыцарского романа будет рассмотрено в следующей главе.

Глава 2

Трансформация русских и западно-европейских традиционных сюжетов в богатырских повестях «Русских сказок»

Фабула — дочь сна и ночи, вышел замуж за обман, упражнялася в подражании истории.

Чулков М.Д. Краткий мифологический лексикон

2.1. «Вступление» в сборнике:

подходы к созданию сказочно-исторического сюжета

В сборнике Лёвшина повести богатырского цикла предварают небольшое по объему «Вступление», в котором автор дает оценку культурного состояния Киевской Руси при князе Владимире и останавливается на его военных успехах, с тем чтобы обозначить решающую роль богатырей в возрастании внешнеполитического значения государства. Во «Вступлении» нашли отражение некоторые важные вопросы русской исторической науки того времени относительно раннего периода русской истории и идеологемы просветительской историографии в целом.

Первые строки заставляют нас вспомнить дискуссию о причинах отсутствия древних, собственно славянских исторических источников. Общее признание получило мне-

⁸⁵ «Лёвшин, следуя теории происхождения рыцарского романа из устного исторического предания, решился сопоставить с ним русский эпос» (Степанов В.П. Чулков и «фольклорное» направление... С. 245).

ние, состоявшее в том, что воинские занятия славянских племен не позволили развиваться искусствам, в том числе письменности. Сравним:

В.Н. Татищев

Что до древних историй принадлежит, то видим у разных славенских писателей таковое мнение, якобы славяне более упражнялись в войнах, нежели в описании их дел, сами не писали¹.

М.В. Ломоносов

Россия <...> коль многие деяния и приключения дать могла писателям, о том удобно рассудить можно. Из великого их множества немало по общей судьбине во мраке забвения покрыто <...> Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобным, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности².

В.А. Лёвшин
(«Вступление»)

Мы опоздали выучиться грамоте и чрез то лишились сведения о славнейших наших русских ироях в древности, которых довольноному числу надлежит быть в народе, прославившемся в свете своею храбростию, и которого науки состояли в одном только оружии и завоеваниях. Насильство времени истребило оные из памяти, так что не осталось нам известия, как только со времени великого князя Владимира Свято-славича киевского и всея России (I, [6]).

Другая прозвучавшая во «Вступлении» тема русской историографии связана с оценкой культурного уровня славян и состояния их государственности. В ходе дискуссии о влиянии норманнов на восточных славян академическая наука разделилась на два лагеря. Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлёцер, выдвинув теорию решающего культурного влияния норманнов, были убеждены в «совершенной дикости восточных славян до прихода варягов»³. М.В. Ло-

¹ Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 96.

² Ломоносов М.В. Древняя Российская история // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 170.

³ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII в. Л., 1982. С. 158. Позднее полемика была продолжена И.И. Болтинным и М.М. Шербатовым. См. об этом: Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1971. Ч. 3. С. 49–76.

моносов, представитель другого лагеря, отстаивал самостоятельность славян и культурное равенство с другими европейскими народами: «...в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели», напротив, «могущество славенского народа уже во дни первых князей российских известно из Нестора и из других», а славянских «величество городов», которые «процветали силою и купечеством», — «весьма знатно»⁴. В 1760–1770 гг. полемика выходит за пределы академической науки и в обществе происходит окончательная реабилитация допетровской Руси⁵.

Князь Владимир предстает во «Вступлении» как мудрый устроитель государства и упрочитель российской славы на международной арене. В его образе собраны главные добродетели просвещенного монарха — забота о народном благе и покровительство наукам и искусствам:

Монарх сей, устранивши греков и варваров, прославился великолепием двора своего, расточением неисчетных сокровищ на огромные здания народные и государственные, на привлечение ученых людей и храбрых могучих богатырей (I, [6]).

Тема процветающего сильного государства продолжена в повестях о богатырях. Например, в «Повести о дворянине Заолешанине»:

В бытность свою чрез пять лет в услугах Владимировых Звенислав <...> осматривал все редкости и великопленные здания в именитом граде Киеве <...> Киев был первый город в подсолнечной в рассуждении богатства, греческой архитектуры и крепости стен своих, созданных на освященных водах реки Буга (VI, 87–88).

Стержневой предстает во «Вступлении» тема славы и военных побед князя Владимира. Она призвана обозначить внешнеполитический вес древнерусского государства на мировой арене. Внимание к этому аспекту представляется специфическим для русского исторического самосознания XVIII в. Самым популярным,

⁴ Ломоносов М.В. Древняя Российская история... С. 170, 175.

⁵ Об этом см.: Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России и литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб., 2004.

общедоступным сочинением, в котором излагались события времен правления князя Владимира Красное Солнышко, была «Древняя Российская история» М.В. Ломоносова. Сопоставим:

М.В. Ломоносов

В безопасности от запада и от полунощи <...> пребывал всегда в мире, воевал сей храбрый князь на юге вятичей, ятвягов и другие страны; покорил себе иных мечом, иных собственным их произволением <...> И так Владимир распространил и утвердил свое владение на юг до реки Буга, в другую сторону от предел азийских до Балтийского моря⁶.

В.А. Лёвшин («Вступление»)

Войски его учинились непобедимы и войны ужасны, понеже сражались и служили у него сильнейшие богатыри: Добрыня Никитич, Алеша Попович, Чурило Пленкович, Илья Муромец и дворянин Заалешенин. С их то помощью и побеждал он греков, поляков, ятвягов, косога, радимичей, болгаров и херсонян (I, [7]).

В процитированном отрывке автор поименовывает помощников князя Владимира в ратных делах — эпических богатырей. Помимо того, что Лёвшин называет имена героев, которые будут главными действующими лицами повестей богатырского цикла, приведенный отрывок интересен тем, что в этой точке автор смыкает историческое и эпическое время для создания сказочно-исторического типа повествования. Здесь и далее на протяжении всего повествования о богатырях реализуется принцип обогащения скудных исторических сведений эпическим материалом, а в дальнейшем, при недостатке последнего, — волшебнорыцарской топикой. В приведенном отрывке впервые исторические противники восточных славян, известные по летописям и свидетельствам древних историков (греки, поляки, ятвяги, косоги, радимичи, болгары), «встречаются» с героями эпоса. Перед тем как более подробно рассмотреть рождение сказочно-исторического сюжета, остановимся на списке богатырей.

Из лёвшинского перечня таковых только Илья Муромец не стал героем отдельной повести. Возможно, это связано с популярностью сюжета об Илье Муромце и его распространенностью в лубке и рукописях. Датированных

⁶ Ломоносов М.В. Древняя Российская история... С. 254–255.

XVIII в. записей былины сохранилось наибольшее число⁷. У Лёвшина изложению его приключений отведено лишь примечание во «Вступлении». Повести богатырского цикла автор посвятил менее известным богатырям. В первой части действуют Добрыня Никитич, Алеша Попович и Чурила Пленкович, в последних частях сборника — герои, либо имеющие в эпосе только один-два сюжета (новгородец Василий Богуслаевич), либо не имеющие самостоятельного сюжета (дворянин Заолешанин), либо незнакомые русскому героическому эпосу вовсе (богатырь Булат). Анализируя перечень богатырей у Лёвшина, М.Н. Сперанский высказал предположение, что если автор и «знал сборник Кириши Данилова, ему был доступен и еще какой-то иной текст или сборник: имени богатыря Залешанина (известного по «Сказанию о семи богатырях») не встречается в сборнике Кириши»⁸. Из числа исторических памятников, как отмечено указанным исследователем, «Степенная книга» (гл. 65-я «О храбрых мужех») содержит упоминание о пяти «храбрых мужах», служивших Владимиру⁹. Действительно, по источникам исторических и историко-географических сочинений В.А. Лёвшина видно, что он со вниманием относился к изданиям по истории России, поэтому не исключено, что он читал «Степенную книгу», изданную Н.И. Новиковым в 1775 г. Имена героев (Ян Усмовец, Рагдай, Александр Попович, Малвред и Андриох Добляйков) не совпадают с лёвшинским списком, но характеристика их роли в военных успехах князя Владимира сходна. Сопоставим:

Степенная книга

Яко же некогда Давид царь имяше у себе сильных муж тридесять и семь таковыи мужественны, яко меньшему их могущу быти на сто мужей, вяцьщему

В.А. Лёвшин («Вступление»)

Монарх сей <...> прославился <...> расточением неисчетных сокровищ на <...> привлечение <...> храбрых могучих богатырей

⁷ Астахова А.М., Митрофанова В.В. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII вв. // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII вв. М.; Л., 1960. С. 59.

⁸ Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в.: Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963. С. 129.

⁹ Там же. С. 128.

у же наипаче возможно и при- тиву тысящи братися, тако и сей блаженный Владимир по благодати Божией имяше у себе <...> мужи храбрыи и удалы и сильны¹⁰.

<...> Придет ли войско неприятелей от двух до трех сот тысяч: и всякий монарх, не имеющий большего числа рати, должен откупаться златом либо покоряться; но не так со Владимиром! Он посылает лишь одного богатыря, и горе, горе наступающим! (I, [6, 7–8]).

Аргументируя тезис о воинской доблести славян, автор обращается к отрывку из народной песни, содержащему описание выезда богатыря и эпического боя. Приведем его полностью:

Придет ли войско неприятелей от двух до трех сот тысяч: и всякий монарх, не имеющий большего числа рати, должен откупаться златом либо покоряться; но не так со Владимиром! Он посылает лишь одного богатыря, и горе, горе наступающим! «Не вихри, не ветры в полях поднимаются, не буйные крутят пыль черную: выезжает то сильный могучий богатырь Добрыня Никитич (или иной кто-нибудь) на своем коне богатырском, с одним только своим Таропом-слугой. На самом на нем доспехи ратные, позлащенные; на бедре его висит меч-кладенец в полтораста пуд; во правой руке копьё булатное; на коне сбруя красна золота; на руке висит шелковая плеть того ли шелку чемаханского. Он, завидевши силу поганую, восклицает богатырским голосом, засвистывает молодецким посвистом; от того сыр-бор приключается и лист с древес опускается; он бьет коня по крутым бедрам; богатырский конь разъяряется, мечет из-под копыт по сенной копне, бежит в поля — земля дрожит, изо рта пламя пышет, из ноздрей дым столбом. *Богатырь гонит силу поганую: где конем вернет, тамо улица; он копьём махнет, нету тысячи; а мечом хватит, гибнет тьма людей*». Посему нет чудного, если из таковых великих воинств, наступавших на Россию, не спасалось ни души живой (I, [7–9]).

Описание гибели вражеских полчищ становится косвенным объяснением отсутствию внешнеисторических свидетельств об этом времени, сохраненных только национальным устным преданием. Аргументом в пользу значительной

¹⁰ Цит. по доступному нам изданию: Книга степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 125.

роли славян на мировой арене становится предлагаемый автором альтернативный исторический сюжет об участии в исторических событиях эпических богатырей. Лёвшин выбирает два события из истории древнего мира: греко-персидские войны с драматическим сражением при Фермопилах и завоевательные походы Александра Македонского. В развязке первого события, по мысли автора, счастливую роль могло бы сыграть эпическое оружие богатыря Чурилы Пленковича:

Подобной *несчетной силы*, с каковыми в старину цари персидские наступали на Грецию, *мало бы было*, чтоб управиться с нею одному богатырю. *Не нужно б было* храбрым грекам терять жизнь свою, защищая Термопилы: *довольно бы послать Чурилу Пленковича*, и он, заслоня сей узкий путь щитом своим, *поморил бы* всех с досады, ибо сломить его было дело невозможное (I, [9–10]).

Сослагательную, недействительную модальность альтернативного исторического сюжета подчеркивает явный анахронизм, а гиперболы эпического масштаба придают эпизоду юмористическое звучание. Для создания альтернативного сюжета в сослагательной модальности о встрече Александра Македонского с Ильей Муромцем автор использует развязку былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник»:

Жаль, что Александр убрался со света заблаговременно, не нужно бы ему *опиваться вина до смерти*: было б и без того кому унять его *проказы*: *послать бы* лишь Илью Муромца, он на коне своем *поспел бы* дней в пять во Индию, догнал бы его и за Гангесом и, *второча бы* его к седлу своему, как славного Соловья-разбойника, привез в славный Киев-град, где заставил бы его *сухари толочь* (I, [10–11]).

Автор делает сноску, в которой апеллирует к свидетельству былины, для доказательства возможностей богатырского коня совершить дальний путь в пять дней и исключительной силы Ильи Муромца, чтобы справиться в одиночку с владельцем империи, как с расшалившимся ребенком. В сноске кратко изложены все события известной былины: немощь Ильи Муромца, получение силы, воспитание богатырского коня из «шелудивого жеребенка», отправление на службу к князю Владимиру, встреча

с Соловьем-разбойником, убийство последнего пощечиной. Особо подчеркнута короткое время поездки, за которое богатырь успевае совершить подвиги:

...Поспел из Муромца между заутренни и обедни в Киев. Во время сего пути <...> победил славного Соловья-разбойника. Сей разбойник прозван Соловьем по чрезмерно громкому свисту, от коего ни один человек не мог на ногах устоять. Он опустошил многие страны, но свист ему не помог противу Ильи Муромца: сей сбил его с ног одним ударом плети и, второча к седлу, привез в Киев, где убил его одной пощечиной. Во время ж сего пути освободил удельного Кинешемского князя от Литвы, обступившей во множественном числе столицу его. Сие великое войско побил он наголову своею богатырскою палицею; и успел, однако, как выше сказано, *приехать к обедне в Киев*, где окончил век во услугах великого князя, оказав множество чудных подвигов (I, [11–12], прим.).

Знаменателен в богатырских повестях выбор антагонистов русских богатырей. Помимо названной в последних строках «Вступления» вариации эпических противников — «исполины, полканы и богатыри чуждые того времени» (I, [12]), особое место на страницах «Русских сказок» занимает тема побед над греками и римлянами, а также возможных взаимоотношений со всеми народами, прославившимися в мире завоеваниями. Несомненно, это связано с актуальным вопросом о включенности России «в контекст общеисторического развития европейской цивилизации» и желанием посоревноваться с античностью, «эталоном культурного совершенства»¹¹. Кроме того, упоминание во «Вступлении» воинственных персов и Александра Македонского, соотношение их в условном историческом сюжете с беззлобным некровадным характером эпического героя («поморил бы всех с досады», «заставил бы сухари толочь»), призвано оттенить миролюбие князя Владимира — еще одно качество, которое отличает просвещенного монарха.

В противоположность оценке деяний Александра Македонского античными историками в историографии эпохи Просвещения он олицетворяет тип тщеславного

¹¹ Стенник Ю.В. Идея... С. 23, 25.

монарха-завоевателя, одержимого страстями и прихотями¹². Ко времени создания сборника Лёвшина вышли переводы двух книг, содержащие историю Александра Македонского — сочинение Квинта Курция Руфа и «Древняя история» Шарля Роллена. В компилятивном труде последнего пример впадения греческого полководца в деспотизм должен предостеречь правителей от власти страстей:

Коль ни много было упражнений у Александра во время пребывания в Вавилоне; но большая часть времени его употреблена была на забавы <...> Итак Александр торжествовал ежедневно новыя празднования и был всегда на пиршествах, где попускался он без изыятия в невоздержанность свою от вина. По препровождении целыя ночи в пьянстве <...> приказал себе поднести Геркулесову Чашу <...> Как скоро выпил, то тот час и упал на пол¹³.

Фантазия Лёвшина на тему альтернативного исторического сюжета о встрече исторического лица Александра Македонского и эпического героя Ильи Муромца могла родиться из следующего суждения Ш. Роллена об относительности величия греческого полководца:

Тита Ливия рассуждение показывает, что Александр одолжен был своими победами отчасти слабости неприятелей, и что ежели бы он встретился с народами храбрыми и привыкшими к войне, каковы были римляне <...> то б течение побед его не было ни толь быстрое, ни толь непрерывное;

Александр со всеми своими титлами великости, и со всеми завоеваниями, *показался посредствен* пред сими людьми, поистине великими и достойными всякого прославления!¹⁴

В завершающей богатырский цикл «Повести о богатыре Булате» Александр Македонский упоминается как пример суетного владыки, который, стремясь к славе, выбрал

¹² Стенник Ю.В. Идея... С. 25.

¹³ Роллен Ш. Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках. СПб., 1749–1762. Т. I–X. Т. IV. Кн. 15. С. 376–377. Другие известные русскому читателю исторические сочинения и повести об Александре Македонском (рукописная «Александрия» и сочинение Квинта Курция) содержат иную версию смерти Александра Македонского — отравление.

¹⁴ Роллен Ш. Древняя история... С. 402, 405.

путь завоевания и разрушения. Царь-девица называет его «глупым македонским владельцем»:

...Александр <...> овладев известным, направил желанья к неизвестному, и разумея, что *покорение целого света* займет все дни его, следственно, не удастся назад возвратиться, то для лучшего истребления из головы сих мыслей *разоряет он все позади себя*. Вчера в угодность одной распутной женщины и при *славном случае* учинить *память свою бессмертною*, сожег он, пьяный, тот огромный город, который был удивлением света и над которым трудились многие веки, истоща все свои сокровища, великие государи, словом, Персеполь (IX, 101–102).

Военные успехи, повлекшие славу князя Владимира («войски его учинились непобедимы и войны ужасны»), не входят в противоречие с миролюбивым характером его правления:

Из всего сего видно, что не было Владимиру нужды содержать *миллион войска*, как только для *великолепия монаршего*: с богатырями своими легко бы ему завоевать целый свет, если бы не удерживали его от того *добродетели* (I, [11]).

В противовес Александру Македонскому Киевский князь вынужден заниматься войной и не лелеет других мечтаний, кроме как благополучия и мира своей державе. (Для сравнения: М.В. Ломоносов называет князя Владимира не иначе как «сей трудолюбивый государь», «сей храбрый князь», подчеркивая, что по принятии христианства он «последние лета <...> совершил кротостию» и «для достойной казни не хотел единого человека лишить жизни»¹⁵). Первая повесть начинается картиной царящего в государстве мира:

Дни текли в совершенной радости; прешедшия победы принесли богатствы; мир умножал изобилие; подданные любили своего государя, и сей обращал к ним все рачение и милость: ибо покой души его происходил от сердца, удовлетворенного любовию (I, 14).

При появлении грозного исполина под стенами Киева князь Владимир сокрушается об утраченном мире:

Я запечалился не от ужаса: побивал я войски сильные, разорял я грады крепкие, не один царь пал от рук моих, *мне война уж принадле-*

¹⁵ Ломоносов М.В. Древняя Российская история... С. 254, 273.

кучила, мне жаль вас, моих подданных; я хотел прожить с вами мирный век, не хотел я лить крови человеческой (I, 16).

Заключительные слова «Вступления» переключают исторический план в приключенческий: всеобщее благоденствие, наступившее после славных войн с упомянутыми греками, поляками, явтягами и прочими, нарушает вторжение эпических противников (исполинов, полканов, чужих богатырей). Это составит, как пишет автор, содержание повестей богатырского цикла:

Но как не в одной Русской земле были в сие время богатыри сильные, то и довольно было хлопот сему славному государю, но от коих избавился он чрез своих защитников, отборную поленицу удалую, как покажут то следующие повести богатырей его, перекрутивших всех исполинов, полканов и богатырей чуждых того времени (I, [11–12]).

Соединить автору исторический план с откровенно вымышленным позволяет тема чудесной старины, которой прощито «Вступление»:

Но и удивительно ли государю премудрому и имеющему таковых богатырей покорять народов, хотя из них одни некогда и весь свет завоевали? Ибо в старину сражались не по-нынешнему: довольно тогда было одной силы и бодрости <...> Посему нет чудного, если из таковых великих воинств, наступавших на Россию, не спасалось ни души живой (I, [7, 9]).

В основу «Вступления» положена идеологема о золотом веке русской государственности времен ее зарождения: на престоле пребывает просвещенный государь князь Владимир, под скипетром которого расцвели науки и искусства и благодаря военным успехам которого упрочилось положение России на мировой арене. Подтверждение этому автор находит в национальном эпосе.

Другой важный аспект «Вступления» — проведение аналогии между богатырями князя Владимира и европейскими рыцарями. К описанию выезда Добрыни Никитича в сопровождении Торопа-слуги Лёвшин дает примечание, в котором эпические богатыри сближаются с рыцарской культурой:

Из сего видно, что в старину всюду господствовал вкус странствующих рыцарей и слуги богатырские не значили, кроме конюших

или оруженосцев, каковые бывали у рыцарей гальских и немецких (I, [8], прим.).

В «Библиотеке немецких романов» раздел рыцарских романов открывался экскурсом в историю рыцарства — «О древнем странствующем рыцарстве: объяснение издательско для сведения» (I, 43). Он представляет собой выборочный перевод на немецкий язык труда знатока французского средневековья Ж.-Б. Лакюрна де Сент-Пале «Записки о древнем рыцарстве» (1759–1781)¹⁶. Подобно этому у Лёвшина цикл повестей о богатырях открывается «Вступлением». Во французском ученом трактате был описан институт рыцарства при замках князей и влиятельных рыцарей, порядок обучения молодых дворян, их военные упражнения, обряды посвящения в оруженосцы и рыцари, турниры, уставы рыцарского ордена, служение даме. Немецкий издатель желал объяснить «главные черты <...> свойства и звания» рыцарства, о котором «днесь <...> темное понятие имеем» (I, 9). Разъяснения обычаев и правил русского богатырства Лёвшин приводит в примечаниях. В сносках «Вступления» он дает комментарий к эпическим «копью булатному» и «силе поганой»:

Русские богатыри считали за стыд сражаться кроме ручного оружия, ибо убивать пращем или стрелою не вменяли в приличное человеку храброму, и потому луков не важивали, а вооружались оными слуги их.

Россияне всех некрещеных называли чужью поганую (I, [8–9], прим.).

Двор князя Владимира является средоточием рыцарской культуры, а сам князь — учредителем богатырского ордена (так он назван в первой повести цикла). Ср. («Библиотека немецких романов»): «Замки и дворцы рыцарей были также преизрядные училищи вежливости, доброго поведения и других нравственных добродетелей» (I, 11).

¹⁶ Имеется ссылка на источник — «Сентпале, “О древностях рыцарства”, Париж, 1759 г.».

Мир национального героического эпоса как нельзя лучше отвечает повествовательному заданию Лёвшина — воспеть русскую старину. Ближайшим жанровым аналогом, который в этом задании сходствует с рождающейся псевдоисторической беллетристикой, выступает эпическая поэма — вершина классицистической художественной системы. В предисловии к «Россияде» современник Лёвшина М.М. Херасков обозначает отличительные черты ведущего поэтического жанра — тему и адресата, уделив внимание вопросу о степени допустимости вымысла в сопоставлении с историческим сочинением: «важное, достопамятное, знаменитое приключение», основанное на «исторической истине», однако украшенное авторским вымыслом и не всегда согласующееся с «верностью исторической», адресованное читателю, умеющему «чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитым подвигам своих предков, безопасность и спокойствие своему потомству доставивших»¹⁷. В отличие от создателя эпической поэмы, автор «Русских сказок» помещает в фокус повествования события, стертые из памяти исторической, но сохранившиеся в «сказках и романах» и только слегка приправленные древностями.

Уникальное место в ряду сочинений по русской истории занимает труд М.В. Ломоносова, к которому мы неоднократно обращались в этом параграфе. В отличие от историографической традиции, позицию которой сформулировал Г.Ф. Миллер (историк «должен казаться без веры, без отечества, без государя...»¹⁸), М.В. Ломоносов в первую очередь видит свою задачу как историка «наблюдать праведную славу целого отечества»¹⁹. Не представляется возможным ответить однозначно на вопрос, насколько

¹⁷ Херасков М.М. Избранные произведения. Л., 1961. С. 179, 180, 181.

¹⁸ Цит. по: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 1. С. 381.

¹⁹ Ломоносов М.В. Древняя Российская история... С. 172. Ср.: для М.В. Ломоносова поэзия и история «родственны... с функциональной точки зрения... задача истории — пробуждать в людях чувство гордости за прошлое своего отечества, сохранять в веках подвиги героев для под-

осознанно автор «Русских сказок» ориентировался на сочинение Ломоносова. Художественные достоинства, доступность изложения, привлекательность авторской позиции в отношении русской истории сделали «Древнюю Российскую историю» (1766) Ломоносова самым популярным сочинением по отечественной истории на многие десятилетия. Спустя двадцать лет в легком жанре развлекательной прозы со сказочно-историческим сюжетом Лёвшин если подражает историку, то историку типа Ломоносова²⁰. Он основывает свое повествование на востребованных русской культурой конца XVIII в. темах и образах, касающихся начал русской истории. Истоки их восходят к дискуссионным вопросам русской исторической науки XVIII в. Некоторые из них, перейдя в разряд априорных положений, стали основой художественных образов и построений.

2.2. Трансформация эпического сюжета в богатырских повестях первой части

«Русских сказок»

«Повесть о Добрыне Никитиче»,
«Повесть о Чуриле Пленковиче»,
«Повесть об Алеше Поповиче»

В предисловии к сборнику В.А. Лёвшин высказывает мысль о том, что русский героический эпос является аналогом западно-европейского рыцарского романа («...повести о рыцарях не что иное, как сказки богатырские», I,

ражания потомкам» (Стенник Ю.В. Идея... С. 17). О двух направлениях в русской историографии — с превалированием национально-патриотической задачи или с установкой на научную объективность см.: Мезин С.А. Н.М. Карамзин и историческое сознание русского общества второй половины XVIII — первой четверти XIX века // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Саратов, 1995. Ч. 1. С. 43–52.

²⁰ Спустя некоторое время после их написания интерес к исторической теме у Лёвшина вылился в создание историко-географического описания Тульской губернии (помимо собственных разысканий автор делает выборку из сочинений В.Н. Татищева, П.И. Рычкова, М.М. Щербатова, И. Штриттера, А.И. Манкиева и И.И. Голикова) и собраний исторических анекдотов о Потемкине и Суворове.

[3]), по-видимому, интуитивно отдавая себе отчет в их генетическом родстве и не придавая значения принадлежности их к различным стадиям развития героического сюжета²¹.

Первые переводные образцы сказочно-героической сюжетики — хронографическая «Александрия» и «Девгениево деяние» — пришли в древнерусскую литературу в XI–XII вв. Следующий этап приходится на время распространения сербской редакции «Александрии», которая содержала черты рыцарского романа, — XV в.²² В течение XVI–XVIII вв. рыцарский роман имел хождение в рукописном виде, его содержание и язык испытали влияние сказочной поэтики и былинного эпоса²³. В 70–90-е гг. XVIII в. были изданы в полном прозаическом переложении поздние рыцарские стихотворные романы — «героические поэмы» Боярдо, Ариосто и Тассо (несколько ранее они стали известны русским читателям через рукописные переводы и публикацию фрагментов)²⁴.

Привлеченный Лёвшиным фольклорный материал был прочитан им сквозь призму рыцарской культуры. В настоящем параграфе предметом нашего внимания станет

²¹ Констатируя типологические различия между рыцарским романом и героической сказкой, современные исследователи принимают во внимание и их генетическую близость. См.: Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976. С. 24–25; Мелетинский Е.М. Средневековый роман: Происхождение и классические формы. М., 1983. О связи куртуазного барочного романа с эпосом см.: Косиков Г.К. К теории романа (роман средневековый и роман Нового времени) // Проблема жанра в литературе средневековья. М., 1994.

²² Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972. С. 54.

²³ Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964; Пушкирев Л.Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980; Ансит Т.Н. Повесть о Францеле Венециане — памятник русской литературы первой трети XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985.

²⁴ Горохова Р.М. Ариосто в России // Ариосто Л. Неистовый Роланд. Песни XXVI–XLVI. М., 1993. С. 457–461. См. также: Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в.: Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963. С. 151.

процесс трансформации эпического сюжета и прием преобразования былинного материала в романный.

Наиболее полно и последовательно Лёвшин воплотил свой замысел в первом произведении сборника — «Повести о славном князе Владимире Киевском Солнышке Всеславьевиче и о сильном его могучем богатыре Добрыне Никитиче» (далее — «Повесть о Добрыне Никитиче») — как по части использования былинного сюжета в качестве повествовательной основы, так и в отношении языкового синтеза.

В основу сюжета «Повести о Добрыне Никитиче» положено эпическое змеборчество. Кратко изложим цепь событий: мирное княжение киевского князя Владимира и его супруги Милолики нарушает появление под стенами Киева исполина Тугарина Змеевича; он опустошает окрестности и требует выдать ему красавицу-княгиню; посольство к чужеземному богатырю, а затем и поединщики терпят неудачу; прибытие Добрыни Никитича и победа в бою завершают повесть.

В лёвшинской повести Добрыня Никитич выступает в присущей ему эпической роли змеборца, хотя обычно в фольклорной традиции с Тугарином Змеевичем борется Алеша Попович²⁵. Лёвшиным сохранены основные звенья былинного сюжета: ситуация пира соответствует зачину; затем следует появление исполина, угрожающего миру эпического социума; наконец, находится защитник-богатырь, который в бою одерживает победу над чудовищем²⁶.

Узлы эпической схемы сопровождаются в повести Лёвшина ритмизованной прозой. В описании пира, гласа рога, возвещающего приезд чужака, кручины князя Владимира и страха бояр, посольства к шатру иноземного богатыря, речи

²⁵ См.: Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г. Былины о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 353 (Сер. Лит. памятники). Наряду с былинами об Алеше Поповиче имя Тугарина Змеевича упоминается в «Сказании о семи богатырях», где Тугарин — богатырь царьградского царя Константина и противник русских богатырей.

²⁶ См.: Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.

вещего коня, речи послов и ответа Тугарина Лёвшин подражает слогу былины. Например:

«Святоград поклоняется, выходит из терема златоверхаго на красное крыльцо, призывает из дворца государева славных витязей, выбирает двоих, кои по сердцу, посылает их сказать слово княжее. Славные витязи надевают збрую ратную, садятся на добрых коней, выезжают во чисто поле. Там не видят они силы ратныя, ни войска великаго; только видят один бел шатер. Подъезжают к тому белу шатру, видят коня богатырскаго, роста не объятнаго; конь, завидя их, перестал есть пшеницу белу ярую, учал бить копытом во сыру землю, провещал человечьим голосом...» (I, 16–17).

В предисловии к сборнику автор обращает внимание читателей на внесение им в текст подлинных цитат и, что еще важнее, на принцип работы с исходным материалом:

В продолжении повестей места, отделенные сими “” знаками, будут содержать *точные слова древнего слога российских поем, или сказок богатырских*; ибо я для способности к чтению принужден был оные по большей части *преложить в нынешнее наречие* (I, 12).

Переложение «в нынешнее наречие» влечет переконструирование эпического мира. Присущую эпическому роду лаконичность, смысловую стянутость, кажущуюся немотивированность событийного ряда Лёвшин стремится восполнить дополнительными объяснениями. Эпическая ситуация пира, с которого начинается действие повести, разрушается чужеродным вкраплением — уточнением, носящим характер исторической конкретизации:

«Сядяшу Владимиру со своею княгинию Милоликою, со своими боярами, во своих теремах златоверхих, за столами дубовыми, за скатертьми бранными, за яствами сахарными»; понеже *день тот был торжествуем* в воспоминание славных *победы над греками* (I, 14–15).

Празднование по случаю годовщины военной победы над нехарактерными для эпической традиции греками переключает эпическое время в псевдоисторическое. Другое направление обработки эпического сюжета — восстановление внутренней его логики, как ее понимает автор.

В качестве примера «прописывания» причинно-следственного ряда приведем эпизод приезда Добрыни:

«Въезжает на двор витязь смелый. Доспехи на нем ратные, поплащенные. Во правой руке держит копье булатное, на бедре висит сабля острая. Конь под ним, аки лютый зверь; сам он на коне, что ясен сокол. Он на двор въезжает не спрашаючи, не обсылаючи. Подъезжает к крыльцу красному, сходит с коня доброго и отдает слуге верному. Слуга привязывает коня среди двора, у столба дубового, ко тому ли золоту кольцу, а своего коня к кольцу серебряну» *по сему придворные заключили, что новоприезжий долженствует быть роду непростого* (I, 65–66).

Первоначально Лёвшин стремился сохранить языковую формульность, присущую эпосу. Однако к концу повести он все реже и реже обращается к былинному языку. Характерная для эпоса «абсолютная слитость» формы и содержания²⁷ разрушается переложением «слога российских поем» в «нынешнее наречие» и преобразованием эпического топоса в романский.

В повести Лёвшина эпическая сюжетная схема усложнена двумя вставными повестями, которые посвящены историям противников — Тугарина и Добрыни — от самого их рождения до появления под стенами Киева. Облик Тугарина, соединившего в себе черты змеевича, исполина и чужеземного богатыря, соответствует фольклорной традиции²⁸:

Шатер поколебался, и показался из онога исполин, роста чрезвычайного: голова его была с пивной котел, а глаза как пивные ковши (I, 17–18).

Помимо основной сюжетной линии тема единоборства с фантастическим противником-змеем дважды повторена во вставной повести о Тугарине Змеевиче. Подобно тому как чудовище преследует супругу князя Владимира княгиню Милолику, прежде чародей Сарагур в образе «страшного двоеглавого крылатого» Зиланта

²⁷ Стеблин-Каменский М.И. Фольклор и литература и проблема литературного прогресса // Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. Л., 1978. С. 140.

²⁸ Путилов Б.Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971. С. 54.

преследует будущую мать Милолики супругу болгарского князя Богориса — Куридану Чуловну. Повторяется одна сюжетная схема: чудовище является под стены града и требует выдать ему красавицу; в ответ на отказ оно опустошает земли, поединщики терпят поражение; далее следует появление защитника, он получает волшебное оружие или совет. Последнее звено этой сюжетной схемы — «бой и победа» — не до конца реализуется во вставной повести. На бой выходит сам князь Богорис, вооруженный волшебным мечом, но победа одержана не полностью, и раненый Зилант сносит яйцо. Из отсеченной головы вырастает каменный конь, а тело Зиланта превращается в «очарованные латы». Через десять лет из яйца выводится Тугарин Змеевич, одновременно оживает каменный конь. Сюжет «чудовище требует выдать красавицу» разыгрывается снова: Тугарин является к брату Милолики, князю Закамского царства Тревелию. И в этом случае сюжетная схема не реализуется полностью, обрываясь на неудачных поединках и бегстве Милолики.

Мотив преследования красавицы чародеем, характерный для сюжетного фонда волшебного-рыцарского поэмы, соединен Лёвшиным с эпическим змеборством. В рамках «Повести о Добрыне Никитиче» сюжет о преследовании красавицы волшебником — чудовищем в образе змея и связанный с ним мотив змеборчества повторяется три раза, причем во вставной повести он не доведен до конца, что, собственно, и подготавливает главный подвиг Добрыни Никитича.

Другая вставная повесть рассказывает о рождении, воспитании и первых подвигах Добрыни Никитича. Подобно герою рыцарского романа он получает воспитание у волшебницы Добрады. Свойственные Добрыне необыкновенная сила и храбрость эпического героя дополнены воинским и куртуазным воспитанием будущего рыцаря²⁹.

²⁹ В классическом французском рыцарском романе герой обладает воинской сноровкой, владеет «семью свободными искусствами» и умеет «куртуазно беседовать с дамами о любви» (Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман... С. 36).

В Добрыне Никитиче соединены черты богатыря (получение силы через купание в росах) и рыцаря (воинское воспитание). Для наглядности в качестве образца рыцарского топоса возьмем описание воспитания рыцаря во «Влюбленном Роланде» Боярдо (первое русское издание вышло в 1777–1778 гг.). Герой поэмы остается сиротой, как и Добрыня Никитич:

М.М. Боярдо
«Влюбленный Роланд»

Волшебник, который случился при родинах <...> отнес он меня на высокую гору, где было его жилище, и тут меня воспитал. Он дал мне имя Рогера, моего отца, и кормил меня львиным мозгом, приучая с малолетства сносить всякого рода труды. Сверх того научил он меня многим наукам, а особливо войскому искусству, к которому оказывал я больше склонности, нежели к другим³⁰.

«Повесть о Добрыне Никитиче»

Я воспитан ею на острове, где она имеет свое жилище <...> В младенчестве моем поили меня львиным молоком и, с тех пор как я себя помню, не давали мне просыпать ни утренней зари, ни вечерней, меня заставляли кататься тогда по росе и после обмочали в водах морских. Чрез сие воспитание получил я такую силу, что шести лет мог выдерживать превеликие дубы из корня. Шесть белых старичков обучали меня всем известным семидесять двум наречиям, звездоблудительству и воинским приемам (I, 70–71).

По вступлении в возраст, «способный ко всяким предприятиям» (15 лет), герой получает от волшебницы Добрады латы, богатырского коня и имя. Автор этимологизирует имя русского богатыря:

...По имени моем имеешь ты называться Добрынею, и отчество твое да будет от побед, кои ты совершишь в жизни своей; ибо ведашь, что по-гречески Никита значит победитель (I, 72).

Благотельствующая волшебница наставляет героя тремя заповедями, в которых заключен поведенческий кодекс странствующего рыцаря-богатыря. Первой его заповедью является следование добродетели, и только потом — защита слабого и помощь дамам. Примечательно,

³⁰ Боярдо М.М. Влюбленный Роланд. СПб., 1777–1778. Т. 3. С. 323.

тельно, что кодекс поведения богатыря получает в повествовании Лёвшина дополнительную нравственную мотивировку:

Никогда не отступай от добродетели, ибо уклоняясь от оной, уратишь ты милость богов, покой души своей и учинишься неспособен к великим подвигам. Во-вторых, не меньше первого наблюдай: видя слабого, насильствуема сильнейшим, не пропускай защищать, понеже не помогающий ближнему не может ожидать и сам помощи от богов. Наконец, третье: как получил ты благодеяния от меня, женщины, покровительствуй всегда нежный пол в гонениях и напастях; для того что тем умягчится твой нрав, легко могущий ниспасть в зверство (I, 73).

Авторское примечание, сопровождающее слова Добрыни, институализирует рыцарский орден при дворе князя Владимира:

Сии три пункта с того времени учинились общим правилом богатырей. Оные читали им при вступлении их во сие звание и обязывали сохранять под присягою. Из сего видно, что Добрыня первый подал повод к учреждению ордена богатырского и Владимир был первый онаго учредитель (I, 73–74).

Расстановка заповедей в порядке добродетель — защита слабых — покровительство женщинам отличает лёвшинский кодекс русского рыцарства от его европейских образцов. Для сравнения приведем примеры из «Библиотеки немецких романов». В ученом труде Сент-Пале следующим образом описаны правила «древнего странствующего рыцарства»:

...Рыцарь обещался вдове и сироте и всех терпящих притеснение своею рукою и жертвованием своей жизни защищать и отмещивать. А особливо женщины величайшее имели требование <...> Второй главный устав был «ненарушимо держати свое слово» (I, 20).

В романе по мотивам артуровского цикла учредителем «законов и учреждений <...> светлейшего ордена» становится мудрый Мерлин. Рыцарь Круглого стола должен являть «опыт силы и храбрости» и выполнять требования дамы (I, 75–76). Во «Влюбленном Роланде» Боярдо (близкий по времени перевод на русский язык) наипервейшей должностью странствующего рыцарства названо

покровительство несчастным³¹. В лёвшинских заповедях русского богатырства на первый план выдвинута обязанность нравственного совершенствования, за которое его ждет награждение «покоем души», а не славой или любовью дамы. К этой особенности его рыцарей мы вернемся в следующем параграфе настоящей главы на примере «Повести о дворянине Заолешанине». Отметим лишь, что темы нравственного самосовершенствования, жизни как пути испытаний и конечного вознаграждения душевной гармонией, порожденной чистой совестью, восходят к общему литературному контексту 70–80-х гг. XVIII в.

Мотив добывания оружия и коня, являющийся «важнейшим актом в богатырской биографии»³², наследуется из эпоса рыцарским романом. Подобно рыцарю Добрыня отпущен в странствие на поиски предназначенного ему оружия и для свершения подвигов:

Она повелела мне с того ж дня начать в свете мое странствование, искать меча Сезострисова и не прежде основать жилища себе, как убью великого очарованного исполина (I, 75).

Странствие можно разбить условно на три эпизода: приключения Добрыни в каменном городе и подземном красном царстве; встреча героя с богатырской головой; добыча волшебного меча. Здесь мы находим следы влияния различных повествовательных жанров, а в отдельных случаях можем указать на источники Лёвшина. Эпизод в очарованном каменном городе и подземном красном царстве, восходящий к сказочному фольклору, в литературу пришел с жанром «восточной повести».

Второй эпизод, в котором герой находит под богатырской головой на поле брани ключ от кладовой с оружием, восходит к рукописной «Повести о Еруслане Лазаревиче» (Еруслан Лазаревич разговаривает с головой богатыря Рослодея–Рохлея, добывает из-под нее чудесный

³¹ Боярдо М.М. Влюбленный Роланд. Т. 1. С. 176.

³² Путилов Б.Н. Героический эпос... С. 71.

меч). Как выясняется впоследствии, Добрыня повстречал голову самого Еруслана Лазаревича (!):

«Повесть
о Еруслане Лазаревиче»

И ехал Еруслан Лазаревич полгодищное время <...> лежит рать-сила побитая, а в той рате лежит человек-богатырь; а тело его, что сильная гора, и глава его, что сильная бугра³³.

«Повесть
о Добрыне Никитиче»

Чрез несколько дней взъехал я на пространную долину, которая вся покрыта была человеческими костями. Я сожалел о судьбе сих погибших и лишенных погребения и предался в размышления о причинах, приводящих смертных в толь враждебные противу себя поступки. Но задумчивость моя пресекалась тем, что конь мой вдруг остановился <...> Я окинул взорами, и увидел пред собой лежащую богатырскую голову отменной величины (I, 102–103).

В отличие от рукописной повести, получение Добрыней ключа от кладовой с оружием — это награда за добродетель, за следование правилам богатырского ордена, в частности за воздание почестей праху погибшего богатыря. К вышеприведенным словам следует примечание автора: «Богатырские кости признавались по отменной толстоте своей; и богатырь, наезжающий оные без погребения, долженствовал их предать земле» (I, 103, прим.). И далее по тексту:

Жалко стало мне видеть сию (голову. — Л. К.), валяющуюся, может быть, между костями погаными. Я сошел с коня и вырыл яму, вознамерясь предать земле кость богатырскую. Окончав рытье, поднял я голову сию и увидел под оною превеликий медный ключ. Окончав погребение и по обычаю воздвигнув признак, воткнул я мое копие над гробом <...> Потом взял я ключ и прочел на оном следующую надпись на славянском языке: «Доброе дело не остается без награды. Возьми сей ключ и шествуй на восток. Ты найдешь медную дверь, и сей ключ учинит тебя владельцем великого сокровища» (I, 103–104).

Эпизод с богатырской головой будет повторен Лёвшиным еще раз в повести о богатыре Булате. Но оба раза мотив встречи с богатырской головой связан с Ерусланом

³³ Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1988. С. 314.

Лазаревичем — в первый раз это голова самого Еруслана, во второй — его ученика богатыря Сидона. Создатель «Русских сказок» не был первым в заимствовании известного эпизода рукописной повести. Встречу с богатырской головой использовал в «Пересмешнике» М.Д. Чулков: встретив на поле битвы тело военачальника Роксолана, Силослав выслушивает рассказ головы об изменнице-жене:

Странствуя очень долго, нашел он многочисленное воинство, порубленное мечом. Обширное и пространное поле все покрыто было мужескими телами <...> наконец, по середине сего умерщвленного ополчения увидел он голову, подле которой находилось тело, которого платье и вооружение показывали его военачальником. Голова сия открывала и закрывала глаза свои истомлено; из чего заключив, что она жива, спрашивал ее, кого она представляла в свой век?

— Я и тело, лежащее подле меня, — ответствовала голова, — назывались вообще Роксоланом и составляли несчастливого владельца над несчастными подданными. Государство мое отстоит от сего места не более как на шестьдесят верст; в нем нет уже теперь никого из мужеского пола, а населяют его свирепые звери, которые в нежном теле имеют варварския души <...> а именно жены. От их злобы и ненависти покрывают тела моих подданных сие поле, и я сам нахожусь полумертвым³⁴.

Эпизод с говорящей головой был использован Чулковым для перехода к сюжету о женском царстве. Нам представляется возможным указать еще одну литературную параллель к эпизоду погребения богатыря у Лёвшина. Это воздание должного телу убитого татарского князя Агрикана во «Влюбленном Роланде» Боярдо:

Один татарский рыцарь <...> ехал мимо тела царева и познал его. От сего зрелища сердце его сокрушилось. Он слез с коня и пал к ногам Агрикановым, взял его руки, целовал и обмывал их слезами. Напоследок, почитая себя обязанным воздать ему последний долг <...> снял с него доспехи и покрыл тело землею и листьями, дабы не учинился он пищею диких зверей. Сперва хотел он увезти броню, но видя ее всю разбиту, взял только меч, называемый <...> Сеченец, и шлем³⁵.

³⁴ Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки. Ч. 1–3. СПб., 1766–1768. Ч. 1. С. 119–120.

³⁵ Боярдо М.М. Влюбленный Роланд. Т. 3. С. 116–117.

Имя Агрикана также фигурирует в повести Лёвшина. Обнаруженный под головой медный ключ отмыкает для Добрыни Никитича кладовую Агрикана в Рифейских горах, в которой хранятся доспехи и оружие побежденных им рыцарей. Причем, помещая кладовую в горах, автор воспроизводит характерную для фольклора соотнесенность оружия и гор³⁶. Параллельно с темой преемственности Добрыни по отношению к Агрикану Лёвшин развивает мысль о другом предназначении Добрыни, когда тот вступит во владение оружием:

Должно сказать правду, что сие собрание означает только *тщеславие Агриканово*. Он хотел перевестъ всех славных богатырей своего времени для того только, чтоб после показывать снятые с них, низложенных им, доспехи. Но какая польза из всей человеческой суетности! Никто не видал плодов его побед. Он умер. Чувствует ли он то удивление, кое только одно осталось в свете в его памяти? Однако ж как не было ни одного храброго человека, который бы не оставил из подвигов своих плода, полезного потомству, то и *Агрикан положил основание к славе вашей* (Добрыни. — Л. К.), кою необходимо должны вы приобрести, владея копием Нимродовым (I, 111–112).

Проснувшийся Тароп-слуга рассказывает историю Агрикана. В отличие от татарского князя Агрикана, убитого в поэме Боярдо Роландом, славянский богатырь Агрикан имеет другую историю кончины и погребения. Рассказывает Тароп-слуга:

Проехали мы с ним все море Казарское (Каспийское), всю землю Заяицкую и всю землю Закамскую, побили войски сильные и покружили могучих богатырей <...> Наконец Агрикан преставился. Перед смертью он учинил завещание, чтобы я проклинал клич во всю землю и созвал бы сильных, могучих богатырей, чтоб они похоронили одного близ устья Сакмары-реки и, сделав по нем тризны, переведались между собою о его сокровищах. Кто останется победителем, тому и палата сия, тому и я, верный Тароп-слуга <...> Оные съехались, предали тело земле со всякою честью, насыпали над могилою высокий курган и отправили тризны. Потом выбрали для побища то место, где ты видел множество костей человеческих (I, 106–108).

³⁶ См. об этом: *Криничная Н.А.* Персонажи преданий: Становление и эволюция образа. Л., 1988. С. 143.

Но в целом представленная Лёвшиным намеренно неполно биография Агрикана не противоречит истории татарского князя из поэмы Боярдо. Тароп подчеркивает в своем рассказе, что не знает, откуда богатырь:

Откуда родом был славный и сильный богатырь Агрикан, почти никто не ведает, а известен он по великим делам своим <...> Я верно служил ему 12 лет <...> но я не мог узнать, откуда Агрикан родом был и как величали его по отечеству (I, 106–107).

Известно лишь, что тот происходит из славянского рода-племени. В числе сокровищ кладовой Добрыне достается конь Агрикана (во второй повести он его дарит Чуриле Пленковичу) и необыкновенное «копье Нимродово» («никакое оружие, ниже очарованное, не может выдержать его ударов; напротив, само оно ни от чего не сокрушится»³⁷) (I, 112).

Нельзя утверждать совершенно, что Лёвшин «перевел» героя поэмы Боярдо в пространство своей повести. В то же время представляется, что автор дает читателям повести возможность отождествить Еруслана Лазаревича с героем рукописной повести, а славянина Агрикана — с героем романа Боярдо. Он намеренно воспроизводит некоторые детали, связующие его текст и предшествующую литературную традицию. Таким образом, «богатырские сказки» Лёвшина дополняют уже известные сюжеты новыми подробностями (например, смерть Еруслана Лазаревича или приключения Агрикана на русской земле с другой версией гибели).

Последняя часть странствия Добрыни приходится на его приключения в болгарском *столичном граде* Боогорде, где правит Тревелий, ставший тираном под влиянием

³⁷ Культ оружия и боевого коня, пришедший в рыцарский роман из эпоса, нередко служит причиной поединков и войн. В поэме Боярдо предметом прения становится и золотое копье Аграила — «очарованное оружие, имеющее силу выбивать из седла самых крепких рыцарей» (*Боярдо М.М.* Влюбленный Роланд. Т. 1. С. 16). Агрикан у Лёвшина владеет Нимродовым копьем, а древнерусской литературной традиции известен некий «Агриков меч» из «Повести о Петре и Февронии» (сходство указано В.В. Сиповским). К сожалению, какие-либо комментарии к происхождению названия меча остались нам неизвестны.

Тугарина. Подобно Еруслану Лазаревичу, поступившему на службу к Вольному царю, Огненному щиту, Пламенному копью, Добрыня остается у тирана в услужении и становится хранителем оружейной палаты с тем, чтобы добыть себе волшебное оружие. Согласно предсказанию Добрады, он одержит победу над предназначенным противником — Тугарином Змеевичем, если добудет «меч Сезострисов»:

Если ты оный получишь, не будет для тебя на свете ни спорика, ни поборника. Примета же, по которой найдешь ты меч оный: при первом взгляде на него твой собственный меч спадет с тебя, а оный поколеблется <...> Она повелела мне с того ж дня начать в свете мое странствование, искать меча Сезострисова и не прежде основать жилище себе, как убью великого очарованного исполина (I, 74–75).

Пришедший из эпоса мотив единственного, предназначенного оружия в рыцарском романе дополнен генеалогией оружия и наречением собственным именем:

Сей меч <...> есть составленный из одних талисманов древними египетскими мудрецами <...> утрачен на сражении египетским царем Сезострисом <...> есть истинный бич на всех чародеев и очарования (I, 75)³⁸.

³⁸ Еще иллюстративнее история нимродова копия: «Нимрод царь вавилонский, который был исполин из числа воевавших противу Перуна, и притом великий чародей. Когда они громостили горы на горы, желая взойти на небо и овладеть жилищем богов, при низложении всех их громовым Перуновым ударом остался жив только одни Нимрод, ибо ему отшибло только ногу. Он успел схватить отломок громовой стрелы и скрыться с оным в ущелии земном. Из сего отломка <...> сковал он копие сие, но гнев богов постиг его за сие святотатство <...> похитя оное у сонного Нимрода, убил его агарянский витязь Дербал. По смерти дербаловой, получил оное по завещанию Навуходоносор-царь и, наконец, Кир, царь персидский, по завоевании Вавилона нашел оное в царской сокровищнице. Когда Кир погиб от царицы саков, копье сие похищено волхвом Зороастром, или Цердучем», который прячет копье в утесе Рифейских гор; затем его добывает исполин Аримасп, у Аримаспа копье отвоюет Агрикан (I, 112–116). Выдвигая предположение о том, что, возможно, Лёвшин использовал в данном случае предания о богатейшем оружии (молоте/ палице/ булаве) громовика — бога грозы, в том числе «палице Перуна», зафиксированные, в частности, новгородским летописцем (см.: *Криничная Н.А. Персонажи...* С. 136).

Вставная повесть, содержащая рассказ о подвигах Добрыни Никитича, заключается его словами о целях приезда ко двору Владимира: «Я пришел посвятить себя на всю жизнь мою в верные услуги твоего величества и начать оные истреблением Тугарина» (I, 125). С этого момента сюжет вливается в былинное русло — следуют приготовления к бою и сам бой. Предваряя описание выезда Добрыни Никитича, автор говорит о необходимости обратиться непосредственно к былинам: «Но должно учинить описание особы его, оставленное нам в песнях, в похвалу его сочиненных и воспеваемых чрез многие веки в пример витязям времен позднейших» (I, 129). Однако Лёвшин не возвращается к фольклорному эпосу и ритмизованной прозе. Кульминационный накал потребовал другого языка — описание боя дано в рамках высокого литературного жанра лироэпической поэмы. День битвы открывает картина утра, знакомая по другим образцам героической эпопеи:

Т. Тассо

«Освобожденный Иерусалим»

Как только прохладность утра возвестила скорое приближение дня, и Аврора начала украшать свою главу златами и багряными лучами, вопли радости разпространились по всему стану <...> Иерусалим открылся их зрению³⁹.

«Повесть о Добрыне Никитиче»

Багряная Зимцерла распростерла свой пламенный покров на освещающееся небо и разноцветными огнями устилала путь всемирному светилу, которое осияло нетерпеливых киевлян, уже ожидающих решения судьбы своей на стенах градских (I, 128).

Присутствие зрителей, несвойственное для фольклорной эпической ситуации, является неизменной деталью позднего эпического произведения. Реакция зрителей столь же важна, как и ход битвы:

Т. Тассо

«Освобожденный Иерусалим»

Зрители устранились от битвы, с той и другая страны сохраняли глубокое молчание⁴⁰.

«Повесть о Добрыне Никитиче»

Трепещущие сердца зрителей и очи обращены на своего витязя, все исполнены ожидания (I, 133).

³⁹ Тассо Т. Освобожденный Иерусалим, ироическая поэма италийского стихотворца Тасса / Переведена с французского Михайлом Поповым. СПб., 1772. Ч. 1. С. 94.

⁴⁰ Там же. С. 160.

Описание витязя, его воинского облачения и коня также далеко от фольклорной традиции:

Красота молодости и грозная неустранимость соединились в чертах лица его <...> курчавые светлые власы колебались рассыпаны из-под шелома блестящего <...> Горящая от злата броня совокупляла пламень свой с пылающим в сердце витязя (I, 129–130).

Подобно тому, как в поэме Тассо в решающей битве у стен Иерусалима духи ада помогают магометанам в борьбе против христиан, Тугарина опекает сонм демонов:

**Т. Тассо
«Освобожденный Иерусалим»**

Князь демонский побледнел от страха <...> Адские духи, рассыпавшись по его велению по воздуху, собрали ото всех стран мрачнейшие и густейшие облака; испустили яростные ветры и низпустили на главы своих врагов ужаснейшую грозу, каковую только возмог произвести ад во своем гневе⁴¹.

**«Повесть
о Добрыне Никитиче»**

Князь адский со всем сонмищем своим в виде ужасных змиев является <...> Громы гремят, вихри наполняют мраком чистое поле ратное, а изумленные зрители со стен чают видеть разрушение природы (I, 137).

У Лёвшина былинная фантастика как носительница языческого мировоззрения претерпевает изменения в соответствии с поэтикой рыцарского романа и эпической поэмы и содержит стадийно более поздний, христианизированный вариант происхождения чудесного: парение Тугарина на бумажных крыльях объясняется помощью «адовых сил»:

Тугарин возревел, и духи, сберегая <...> плод своей злобы, поднимают оный на воздух. В мгновение не видно стало змиев, и является только Тугарин, парящий на *крылах бумажных*. Он опускается к горе Киевской, отрывает великую оной часть <...> Тароп видит опасность господина своего. Он вынимает стрелу свинцовую, окропляет оную водами бугскими, напрягает лук и поражает чародейные крылья Тугарина. Силы адские отжениются и оставляют исполина, который упускает камень и стремглав разитя о землю (I, 138, 140)⁴².

Примечание, в котором автор цитирует сохранившийся отрывок былины, позволяет читателю сопоставить его с

⁴¹ Тассо Т. Освобожденный Иерусалим... Ч. 1. С. 201.

⁴² Напомним, что в былине помощь приходит по молитве в виде дождя.

основным текстом повести и понять принципы обработки Лёвшиным былинной фантастики:

К крайнему моему сожалению, в пожарный случай погибло у меня собрание древних богатырских песен, между коими и о сем подвиге Добрыни Никитича. Голос оной и отрывки слов остались еще в моей памяти, кои прилагаю здесь (следует нотная запись. — Л. К.) <...> Издалеча, издалеча во чистом поле, / Как далее того на Украине, / как едет-поедет добрый молодец. / Сильный могуч богатырь Добрыня, / А Добрыня ведь-то братцы, Никитьевич, / И с ним едет Тароп-слуга <...> (После сего описывается приезд его к князю Владимиру, сражение с Тугарином, но подробно слов песни я не помню.) У Тугарина-собаки крылья бумажные, / И летает он, собака, по поднебесью. / (Конец) Упал он, собака, на сыру землю, / А Добрыня ему голову свернул, / Голову свернул, на копье взоткнул (I, 138–140, прим.).

Обработка былинной фантастики укладывается в общие для теории христианской героической поэмы представления о границах использования языческих чудес. В «Рассуждении о героической поэме» (1594) Т. Тассо писал:

Но поскольку все эти чудеса, а точнее чародейства, никак естественным образом произойти не могут, то их источник надлежит искать в каком-нибудь сверхъестественном влиянии или демонической силе, если же источником такой силы мы именуем языческое божество, то в большой степени отказываемся от правдоподобного, вероятного или, скажем, возможного⁴³.

Лёвшин детализирует и драматизирует описание победы Добрыни:

Добрыня Никитич совершает судьбу его. Он сходит с коня, наступая ногою на горло чудовищу и сильною своею десницею срывает страшную голову от дебелих плеч и, вонзая на копие, возглашает победу, а Тароп подтверждает оную, вострубив в рог ратный. Чудовище, кончая жизнь, трепеталось толь жестоко, что выбило ногами превеликую долину, поднесь еще на месте оном видимую, а кровь его на три часа произвела в Днепре наводнение (I, 140–141)⁴⁴.

⁴³ Тассо Т. Рассуждения о героической поэме // Литературные манифесты западно-европейских классицистов / Под ред. Н.П. Козловой. М., 1980. С. 114.

⁴⁴ Мы уже отмечали стремление автора сборника маркировать свое повествование знаками достоверности. С другой стороны, следует отметить и противоположную тенденцию лёвшинского повествования, а именно гро-

Боем и победой над Тугарином Змеевичем исчерпывается фабула, но не завершается сама повесть. Как и в других богатырских повестях, Лёвшин стремится очертить биографию богатыря целиком, компенсируя характерную черту русского героического эпоса, в котором «нет установки на воссоздание последовательных этапов» жизни эпического героя⁴⁵. Заключительные слова «богатырской сказки» повествуют о последующей службе и подвигах Добрыни Никитича при дворе князя Владимира.

Эпический сюжет на тему змеборчества был исчерпан уже в первой повести сборника Лёвшина. В следующих повестях, посвященных русским богатырям, эпическая тема защиты «своего» мира (единоборство с фантастическим противником, отражение вражеского нашествия) находится на периферии богатырских деяний (хотя обязательно упоминается в числе заслуг героев) и уступает место рыцарской авантюре.

Победой над змеем открывается вторая повесть сборника — «**Повесть о сильном богатыре Чуриле Пленковиче**» (далее — «Повесть о Чуриле Пленковиче»). Появление нового богатыря и его подвиг становятся возможными благодаря отлучке Добрыни Никитича. В это время Добрыня Никитич усмиряет косогов: «Он отправился только со своим Таропом-слугою и исполнил, как уже сказано в прошедшей повести. Между тем, в России не помышляли ни о чем кроме веселостей, и двор великого князя был оных стечение» (I, 148). Шум и свист над Киевом возвешают появление *Змия*, опустошающего окрестности. Владимир обещает награду, и многие витязи терпят неудачу; пустынник предсказывает, что Чурила, сын киевского кожевника Пленко, способен победить змея. Вельможи отыскивают Чурилу. Развитие сюжета сходно с героической сказкой о Никите Кожемяке, а исходная точка сов-

тесковое следование масштабу героического эпоса. Порой, эти две тенденции прихотливо переплетаются, что наглядно показывают заключительные слова приведенной цитаты. Эти особенности сказочно-исторического повествования Лёвшина будут рассмотрены нами в третьей главе.

⁴⁵ Путилов Б.Н. Героический эпос... С. 76.

падает с выбором поединщика в бое отрока-кожемяки с печенегом при реке Трубеже в летописном рассказе. В обоих эпизодах отсутствие поединщика среди воинов заботит князя Владимира, помощь приходит с неожиданной стороны:

«**Повесть временных лет**»

...И приде един стар муж ко князю и рече ему: «Княже! Есть у мене един сын меншей дома... От детства бо его несть кто им ударил. Единою бо ми и сваряшу, и оному мьнуцю усние, разгневавсья на мя, преторже череву рукама». Князь же се слышав рад быстьб и посла по нь, и приведоша и ко князю...⁴⁶

«**Повесть о Чуриле Пленковиче**»

Пустынник неизвестный <...> является пред Владимиром. Он объявляет ему, что в недрах Києва обитает кожевник, Пленко называемый, что онаго сын Чурило только в силах истребить змея <...> Князь посылает вельмож <...> По долгом искании находят жилище онаго кожевника, видят и застают молодого Чурилу. Осьмнадцать только лет имел он от рождения, но рост и ширина плеч его были чрезмерны. Он мял шесть кож воловых с таковою удобностию, как бы были то шкурки белок, и, неосторожно потянув, перервал оные надвое... (I, 152).

Чурилу отличает сила, кротость и благодинае. Отказавшись от оружия и богатырских доспехов, он рвет толстое кленовое дерево с корня. Богатырский подвиг — победа над змеем, что составляло содержание предыдущей повести, во второй повести укладывается в несколько абзацев. Бой Чурилы со змием завершается скорой победой и принятием в богатырский орден:

Он приближается к пещере, где обитает чудовище, призывает богов на помощь и кричит для возбуждения змия. Сей <...> с престрашным свистом стремится из норы и нападает <...> Неустрашимый юноша явил в час тот, чего имела в нем ожидать Россия. Он <...> поражает змия в самую голову своею дубиною <...> толь сильно, что раздробляет оную в мелкие части <...> Возвращается торжествующ и приемлет великую милость от Владимира, который объявил онаго богатырем своим (I, 154–156).

⁴⁶ Цит. по современному изданию: *Повесть временных лет*. СПб., 1996. С. 55.

Итак, Чурило Пленкович начинает свою службу у князя Владимира с победы над змеем. Последующие события включают повествование в топос рыцарского романа, герой отправляется в рыцарское странствие. После двух лет мирной жизни при дворе князя Владимира Чурило «просил дозволения у своего государя посмотреть света и испытать <...> руки своей над богатырями чуждыми» (I, 156–157). Мотив приключения был знаком и эпическому миру⁴⁷, однако именно в рыцарском романе он становится ведущим. «Все главные герои рыцарских романов — это именно странствующие рыцари, поэтому в романе такое большое место занял мотив приключения, “авантюры”». Прежде чем отправиться в странствие, герой повести получает в подарок от Добрыни Никитича богатырского коня, в описании выносливости которого обнаруживаются следы восточно-славянской фольклорной традиции:

**«Повесть
о Еруслане Лазаревиче»**

...одна на меня кручина, батюшко, великая: ходил я по твоим стоилам и по конюшням <...> не мог себе лошатки vybrати, коя б мне по обычаю и могла бы мне послужить⁴⁸.

**«Повесть
о Чуриле Пленковиче»**

Сей подарил ему коня Агриканова и учинил его (Чурилу. — Л. К.) чрез то способным к странствованиям, к чему имел он нестерпимое желание, но не мог никак удовлетворить себе, понеже не было ни одного коня в стадах княжеских, который бы удержал хотя наложенную его руку. Один только Агриканов конь мог переносить его на себе чрез заборы (I, 156).

С этого момента сюжет повести вливается в авантюрное русло. В первом приключении повторяется столь любимая автором «Русских сказок» ситуация похищения красавицы чародеем или разбойником (В.В. Сиповский подсчитал, что данная сюжетная ситуация, принадлежащая сюжетному фонду рыцарских поэм, повторяется в сборнике 16 раз⁴⁹).

⁴⁷ Путилов Б.Н. Героический эпос... С. 41.

⁴⁸ Памятники... С. 302.

⁴⁹ Сиповский В.В. Очерки... С. 223.

Чурило Пленкович, строгий наблюдатель заповедей богатырских, помня наставления учителя своего Добрыни, возрадовался случаю защитить гонимую девицу, ибо знал, что нежный пол первое имеет право на покровительство богатырское (I, 158)⁵⁰.

Чурило спасает дочь священника порусов Прелепу от преследования волшебника Кривида, борется сначала с его помощниками — Дубыней, Усыней, Горыней, известными по сказочному эпосу, а затем и с самим Кривидом. Из всех богатств Кривида он выбирает свинцовую дубину. Проехав Варяжскую землю, леса Порусии, «странствующий по свету и ищущий приключений» богатырь (I, 174) прибывает в государство гертрурское (флоренское). Он побеждает захватчика престола — обладающего длинными руками скифского богатыря Сумигу, возвращает королевство его владельцу, а для себя добывает волшебный щит, «сжимающийся и расширяющийся на величайшую обширность и сделанный из непроницаемой стали некоторым древним мудрецом» (I, 175). Совершив подвиги, «торжествующий своими славными победами» Чурило Пленкович возвращается служить князю Владимиру (I, 183–184).

Поведение Чурилы Пленковича, деревенского увальня, соответствует богатырскому кодексу, с которым познакомил его Добрыня Никитич, — покровительство нежному полу, защита обиженных. Однако следование правилам рыцарского «вежества» изображено юмористически. Взаимоотношения с девицей соответствуют характеру Чурилы, отразившемуся в его имени:

Победа свершилась. Обрадованная девица упала на колени пред своим защитником, и думаю, что готова была <...> следовать за толь сильным покровителем <...> Но Чурило не был слаб предаться оковам любви и помышлял только об освобождении заключенных ее родственников (I, 166–167).

В отличие от описания боя Добрыни и Тугарина, для поединка Чурилы и скифского богатыря Сумиги Лёвшин

⁵⁰ Ср.: «Помощь попавшим в беду молодым девицам всегда считалась среди героев куртуазных романов делом почетным, как нельзя лучше отвечающим задачам рыцарства» (Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман... С. 223).

использует другой регистр лироэпического жанра — стилистику бурлескной поэмы:

Ужасное побоище началось тогда <...> Сумига бросился на богатыря и, обвив около него руки в девять раз, жал его в страшных своих объятиях. Великое искушение терпели тогда бока Чурилыны, но, к счастью, руки его остались свободны, которыми и начал он бить Сумигу под живот толь жестоко, что принудил он его спастись бегством. Богатырь, схватя свинцовую свою дубину, поражае оную в догон, так что Сумига несколько раз спотыкался <...> Сумига <...> поспешно сунул руки в палаты свои, отстоявшие от того места верстах в трех, схватил свой щит и, упав под оный, накрылся. Досадно Чуриле было лишиться своей жертвы <...> Он толкал ногою; щит не трогался. Бил дубиною бесплодно. Одно оставалось средство ударить с разбегу лбом, что и учинил он удачно; хотя на лбу и вскочил изрядный желвак, но щит отлетел сажен на сто. Утомленный Сумига не действовал уже руками, и богатырь сорвал ему голову. После чего, взяв щит, с превеликим удовольствием пошел возвратить Марбоду государство его (I, 178–179).

Самая короткая повесть богатырского цикла «Русских сказок» — «Повесть о Чуриле Пленковиче» — прошита скрепами, соединяющими ее с первой и третьей повестями. Автор интригует читателя своими сообщениями о том, что некоторые события этой повести будут иметь продолжение в следующей:

Уверяют, что по наступлении ночной темноты первое Прелепино слово было в заклинаниях к богатырю — сохранить почтение к ее полу. Я похваляю осторожность сию, ибо без такового припоминания Чурило, может быть, не догадался, что должно ему наблюдать, опочивая с красавицею в глубоком лесу. Я умолчу до другой повести о следствиях учтивости Чурилы Пленковича и продолжаю сию (I, 167–168).

Итак, Чурило Пленкович прощался с ними. Прелепа проливали слезы, теряя своего избавителя, и имела к тому причину, ибо чрез девять месяцев <...> Однако я не скажу теперь ни слова; последующая повесть уведомит нас (I, 173).

Сюжет третьего произведения — «Повести об Алеше Поповиче — богатыре, служившем князю Владимиру» (далее — «Повесть об Алеше Поповиче») — развивается сообразно закрепившейся в эпосе репутации Алешы Поповича как задорного и лукавого богатыря: «Сей богатырь не столько славен был своею силою, как хитростью и забавным нра-

вом» (I, 187). Заметим, что в рукописном списке «Истории о Илье Муромце», датируемом серединой XVIII в., об Алеше Поповиче говорится, что он «пересмешлив был»⁵¹.

Эпический мотив чудесного рождения изменен Лёвшиным в антиклерикальном духе, свойственном эпохе Просвещения. Через вещание идола суеверной толпе предсказана версия чудесного рождения героя от божества:

...Первосвященник долженствовал для сокрытия стыда своего объявить всенародно, что Прелепа имеет тайное обхождение с богом страны той Попоензою, или Перкуном <...> Ваидевут умел умножить суеверие порусов, заставя идола дышать огнем и возгласить, что <...> Попоенза доставляет им от плоти своей непобедимого защитника, который уже во чреве Прелепы имеет родиться чрез неделю и назван быть Алеса Попович (I, 187–188).

После этих слов следует авторское примечание: «Сие имя простым народом испорчено и обращено в Алешу Поповича» (I, 188). На этом примере мы видим, как Лёвшин через сочинение истории о наречении известного читателям фольклорного героя распространяет знакомый сюжет: Добрыня наречен от волшебницы-воспитательницы Добрады; Алеша — и потому, что он внук жреца «попович», и потому, что якобы сын божества Попоензы.

Эпические детские «шутки» богатыря и связанное с ними изгнание тоже претерпевают изменения в соответствии с характером героя:

Девять лет исполнилось детищу Перкунову, и пакости, им делаемые, были уже несносны. Он шутил без разбору — как над истинным дедом своим, так и над мнимым родителем (I, 192).

За шутками следует изгнание. Прелепа открывает сыну правду о его настоящем отце и велит ехать в Киев. Так начинается странствие Алешы Поповича:

Изгнанный Алеша шествовал в Россию, и хотя имел только тринадцать лет тогда, но рост его и сила были чрезвычайны. Дубина и жреческий нож составляли его оружие (I, 195).

На пути в Киев Алешу ждут три приключения: он похищает честь у спящей Царь-девицы; побеждает кимбр-

⁵¹ Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г. Былины... С. 344.

ского богатыря Ареканоха; встречается в непроходимом лесу с беспокойным мертвецом — паном Твердовским.

В литовских полях Алеша видит шатер, у которого пасется богатырский конь. Невольник рассказывает, что Царь-девица «ездит по свету, побивает богатырей <...> и недавно, проезжая Русскую землю, наделала ужасные разорения. Богатыри наши Добрыня Никитич и Чурило Пленкович не случились на тот час, ибо поехали на игры богатырские к князю болгарскому» (I, 196–197). У спящей красавицы Алеша похищает девичью честь. Лёвшин воспроизводит в образе Царь-девицы характерные черты девы-воительницы: «Богатыри не выдерживают ее ударов, а конь <...> может сыскать духом <...> Она ездит по свету, побивает богатырей» (I, 196). Встреча с девой-богатыркой, которая входит в эпическую тему героического сватовства⁵² и встречается в сказочном фольклоре⁵³, у Лёвшина приобретает гривуазные черты:

Посмотрим сию богатырку, — говорил он сам себе <...> И вошел в шатер с твердым намерением отомстить за обиду той земли, где отец его был в чести и славе <...> Он приблизился к кровати, девица спала крепко. Сама Лада, богиня любви, ничуть не имела столько прелестей, колико оных представилось ему. Он поражен был оными и должен уже был отмщать и за себя (I, 198).

Возможно, что репутация бабьего насмешника, которая закрепились за Алешей Поповичем в поздних былинах⁵⁴ — случай влияния литературы на устную традицию.

⁵² См. об этом: *Путилов Б.Н.* Русский и южнославянский героический эпос. С. 87. Следует отметить, что образ девы-воительницы перешел из эпоса в литературный жанр героической эпопеи. Пример — поэма Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

⁵³ Е.А. Тудоровская указывает на то, что сюжет русской народной сказки «О молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» был широко распространен в печатных сборниках XVIII в.: у прекрасной богатырши молодец во время сна похищает чудесное снадобье, а заодно и ее девичью честь; затем следует нападение девицы на княжество и требование выдать обидчика (*Тудоровская Е.А.* Сказка о Борме Ярыжке (Вавилонское царство) // *Русский фольклор.* М.; Л., 1976. Т. 16. С. 180, 182). Сюжетная ситуация «герой похищает девичью честь» повторена в повести о богатыре Булате (в четвертой части сборника, вышедшей три года спустя).

⁵⁴ *Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г.* Былины... С. 413.

Следующий эпизод рыцарского странствия Алеши Поповича разворачивается в царстве аланов. Алеша побеждает кимбрского богатыря Ареканоха, который осадил город и потребовал выдать ему царскую дочь в жены. Потешный бой завершается сценой, образцом для которой послужила былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник»: «Алеша Попович снял с него оружие и доспехи, связал его в корчажку и, второча позади седла своего, привез к царю аланскому» (I, 208).

В уплату за службу Алеша требует у аланского царя признания сюзеренитета Владимира: «...но обещайте мне <...> признать, что один Владимир-князь киевский Всеславьевич должен подавать законы всему свету, что нет в свете сильнее, могучее богатыря его Чурилы Пленковича и что сын Чурилин Алеша Попович свободил царство аланское от гибели», — после чего аланский царь направляет посольство ко Владимиру (I, 201).

Путь Алеши Поповича в Киев лежит через *Великую Польшу*. Здесь он встречается с беспокойным покойником — паном Твердовским, заложившим душу дьяволу и потому чинящим препятствия путникам, побеждает самого Вельзевула, а заодно помогает польскому шляхтичу соединиться с возлюбленной.

М.П. Алексеев считал источником Лёвшина западно-европейские книги⁵⁵, но исследования последних десятилетий обнаружили сказание о пане Твердовском, имевшее рукописное хождение в России XVIII в.⁵⁶ Написание имени польского волшебника «Твердовский» в повести

⁵⁵ *Алексеев М.П.* Славяно-романо-германские параллели. 2: К сказаниям о пане Твардовском в русской литературе // *Славянские литературные связи.* Л., 1968. С. 194. Он считал, что до знакомства с балладой Мицкевича и ее переработкой на Украине именно повесть Лёвшина долгое время служила источником распространения в России сюжета о пане Твардовском.

⁵⁶ *Бегунов Ю.К.* Сказания о чернокнижнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и новонайденная «История о пане Твардовском» // *Советское славяноведение.* 1983. № 1. С. 78–90. Исследователь считает рукописную «Историю» оригинальным произведением, «свободным сочинением на тему о Твардовском» (С. 84). Рукопись датирована им 20-ми гг. XVIII в.

Лёвшина позволяет Алексею сделать вывод, что тот был знаком с традицией русской рукописной повести⁵⁷.

Победа Алеши Поповича над Вельзевулом влечет освобождение Твердовского от обязательств перед князем ада. Чернокнижник дарит герою в благодарность волшебный перстень, делающий невидимым, ложится во гроб и обращается в прах. Е.Б. Смилянская обращает внимание на то, что в повести В.А. Лёвшина Твердовский оказывается в роли дарителя, что, по мнению исследовательницы, косвенно свидетельствует о состоявшейся русификации образа чернокнижника Твардовского, об освоении русской культурой заимствованного сюжета о пане Твардовском⁵⁸. Ю.К. Бегунов отмечает, что «среди польских сказаний о Твардовском не зафиксировано ни одного, где бы богатырь сражался с бесами у гроба чернокнижника». «В настоящее время, — заключает исследователь, — мы не можем судить о том, воспользовался ли Лёвшин заключительной частью «Истории о пане Твардовском» <...> поскольку в нашем распоряжении нет всего текста «Истории»⁵⁹. Со своей стороны мы можем отметить, что в повести из «Русских сказок» начальный эпизод с паном Твердовским строится по схеме, повторяющей первый выезд героя на богатырские подвиги в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике: герой выбирает дорогу, по которой никто не ездил 30 лет; путь его лежит через непроходимые леса, в которых его ждет встреча с противником, чинящем препятствия путникам⁶⁰.

Расположа проехать сквозь великую Польшу, спрашивал он, прибыв в оную, о ближнем пути. Указывали ему кратчайшую доро-

⁵⁷ Бегунов Ю.К. Сказания... С. 85.

⁵⁸ См.: Смилянская Е.Б. Университетские фрагменты «Истории о пане Твардовском» (к изучению «фаустовской» темы в русской литературе первой половины XVIII в.) // Из фонда редких книг и рукописей Науч. б-ки Московского ун-та. Исследования и материалы: Сб. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1993. С. 194.

⁵⁹ Бегунов Ю.К. Сказания... С. 81, 85.

⁶⁰ Для сюжета былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике мотив «борьбы героя с врагом-чудовищем, заложившем дорогу к столичному городу», относится к разряду обязательных (Путилов Б.Н. Русский и южнославянский эпос... С. 62).

гу, но уверяли, что она с 30 лет учинилась непроходимой, и объявляли причину оного, что в середине леса, простирающегося на сто верст, находится древнее капище, в коем погребен великий волшебник польский, который умерщвляет всех мимоходящих (I, 209–210).

Наконец, Алеша Попович прибывает в Киев, «стены киевские прияли <...> богатыря, о котором слава носилась по всей России» (I, 236). Через некоторое время к стенам города является Царь-девица и требует выдать обидчика. С помощью волшебного перстня Алеша проникает в ее шатер и склоняет красавицу к милости. Повесть завершается свадьбой.

В «Повести об Алеше Поповиче» образ главного героя близок типу плута не только через своеобразие богатырского характера, но и через прямую соотнесенность некоторых его приключений с сюжетами бытовой сказки. И.П. Лупанова обращает внимание на то, что встреча Алеши Поповича и сцена угощения разбойников (I, 219–222) повторяют распространенный сказочный сюжет о «Бесстрашном»⁶¹.

К новеллистическому сюжету восходят шутки Алеши с супругами: герой надевает волшебный перстень и ложится между ними (I, 234–235). Таким образом, последнюю богатырскую повесть первой части сборника с героем, приближающимся к образу плута, закономерно сменяют три сказки о ворах.

Перейдем к выводам по данному параграфу. Для восполнения таких характерных для русского эпоса черт, как краткость формы, нецикличность⁶², В.А. Лёвшин привлекает топику рыцарского романа, волшебной и бытовой сказки, на этом основании создавая обширное повествование. Процесс трансформации эпического героя в рыцаря затрагивает все уровни повествования, начиная с сюжетной схемы и заканчивая типом героя, мотивами его поведения и характером фантастики. Положив в основу своей повести о Добрыне Никитиче

⁶¹ Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959. С. 21.

⁶² Мелетинский Е.М. Введение... С. 108.

эпическую тему борьбы со змеем, Лёвшин вначале идет по пути кумулятивного приращения сюжета (утроение змеборчества в первой вставной повести). Им используются мотивы, общие для эпоса и рыцарского романа, — борьба с чудовищами и захватчиками, добыча коня и оружия. В качестве кульминации рыцарского странствия в его повести выступает эпическое змеборство, детализированное при помощи героической эпопеи. Эпический герой, преобразившись в рыцаря, получает внутренний побудительный мотив к совершению подвига — следование добродетели. Образ его противника сохраняет черты фантастического чудовища, хотя и смыкается с образом чародея.

В первой повести сборника — О Добрыне Никитиче — сохраняется баланс эпоса и романа. Затем сюжет странствия в поисках приключений во второй и третьей становится главной повествовательной единицей, что присуще рыцарскому топосу. Общие мотивы жанра волшебной сказки и волшебного-рыцарской поэмы составляют событийный ряд повестей (спасение девиц от преследований чародея, добыча волшебного оружия, сражения с богатырями, волшебниками, захватчиками, применение волшебных предметов — талисмана, перстня, который делает невидимым). В то же время для завязки или разрешения конфликта Лёвшин привлекает сюжетные ходы русских былин: 30 лет не хоженная дорога в приключении с паном Твердовским, приторочивание к седлу богатыря Ареканоха — как образец обращения с побежденным врагом.

Образ идеального рыцаря (Добрыня Никитич) сменяется неуклюжим Чурилой Пленковичем, над неотесанностью которого автор подтрунивает, и близким к типу плута Алешей Поповичем. Тема рыцарского следования добродетели отходит на второй план, чтобы возобновиться в последних частях сборника.

2.3. Переосмысление жанра волшебного-рыцарского романа в последних частях сборника («Повесть о Василье Богуслаевиче», «Повесть о дворянине Заолешанине» и «Повесть о богатыре Булате», ч. V–VI, IX)

В начале пятой части сборника В.А. Лёвшин возвращается к национальному эпическому материалу повестью о Василии Богуслаевиче. Исследователи считают это произведение наиболее близким к былинному эпосу из всего сборника⁶³. В основе двух других повестей о богатырях — дворянине Заолешанине и Булате — лежит канон волшебного-рыцарского романа, однако в поиске материала, помимо литературных образцов, автор обращается к волшебной фольклорной сказке и летописной легенде. Л.В. Омелько отмечает «традиционный характер» и «тенденциозность» последних частей сборника Лёвшина в отличие от первых, «пронизанных юмором и фантазией автора»⁶⁴. Как мы намерены показать, в богатырских повестях последних частей сборника усилено внимание к теме власти, вопросам мудрого правления и тирании, условиям благополучия подданных, а также переосмыслиется сюжет о рыцарском странствии.

В «Повести о сильном богатыре и старославенском князе Василье Богуслаевиче» Лёвшин переосмысливает известный былинный сюжет о противостоянии Василия Буслаева и новгородцев с позиции отстаивания героем своего права на наследование власти, перешедшей к нему от отца⁶⁵. Сохранив все былинные эпизоды и строй ритмической прозы на протяжении всего повествования,

⁶³ Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 68; Астахова А.М., Митрофанова В.В. Былины... С. 74.

⁶⁴ Омелько Л.В. В.А. Лёвшин и его «Русские сказки»: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. С. 170.

⁶⁵ Об интересе к новгородской теме см. в журнале «Русская литература» (Княжин, Радищев в статьях Стенника). Астахова А.М., Митрофанова В.В. Былины... С. 74; Омелько Л.В. Лёвшин и его «Русские сказки»: Дис. ... С. 157.

обретает двух богатырей — названных братьев, которые по силе могут заменить целое войско. Обработка Лёвшиным былинного сюжета идет в направлении усиления эпических черт героев и своеобразия богатырского поведения:

Былина

Вначале был Костя Новоторженин,
Пришел он, Костя, на широкой
двор,

Василей тут ево опробовал:
Стал ево бити червленым вязом,
В половине был налито
Тяжела свинцу чебурацкова,
Весом тот вяз был во двенадцать
пуд;

*А бьет он Костью по буйной голове,
Стоит тут Костя не шевел(ь)нится,
И на буйной голове кудри
не тряхнутся.*

Говорил Василей сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин,
А и буди мне названой брат
И паче мне брата родимова!»⁷⁰

Описание встречи второго товарища Василия Богуслаевича повышает градус эпического гротеска — удаль в питье, проявление радости от встречи с новым товарищем и его апробирование в бою:

Появляется тут вдоль по улице Новгородец Патанюшка, он мал собой, невеличек, и на одну ногу прихрамывает. Приходит он к дубовым чанам, он бросает вон золоты чары, подымает чан зе-

шена, / И не смел Василей показатися к ним, / Еще тут пришло семь братьев Сбродовичи, / Собиралися-соходилися / Тридцать молодцов без единова» (*Древние российские стихотворения...* С. 49).

⁷⁰ Там же. С. 49.

лена вина одной рукой, выпивает его одним духом до суха. Он выпивши разбивает чан о сыру землю, и того чана не осталось ни щепочки. Увидев то Василей Богуслаевич, вспрыгнул он из окна от радости, закричал громким голосом: ох братец мой Фома Толстой, сын Ременников! пойдем встретить молодца удалова; вон пришел к нам третий брат! — Они схватывают палицы булатныя, во которых весу по пятидесят пуд; бегут с высоко терема в широки ворота, прибегают они ко Потанюшке, а на Патанюшке головушка не тряхнется. Тогда взяли богатыри Патанюшку под белы руки, повели его на широкий двор, на крыльцо красное, во теремы золотоверхие. Там они поцеловалися, и дали друг другу клятву крепкую, чтоб бытии им всем братьями, и бытии их душам за единою (V, 9–10).

Следующие эпизоды былины — участие дружины в Никольской братчине, заклад и бой с новгородцами. Лёвшин вводит перед эпизодом пира совет посадников, который случайный характер пира и заклада в былине изменяет на заговор посадских людей при помощи вина выведать планы княжича:

...Сие детище не удалое, пропадает от него земля Славенская, опустеет Княжество Руское: Василей Богуслаевич дошел едва-ль лет пятнадцать, а уж замыслы его не робяцкие, и забавы его необычныя. Прежде он своими шутками осиротил людей сметы нет; а теперь прибирает к себе богатырей из всея земли Руския. В чем будет его такова дума? Он хочет нас прибрать во свои руки, и владеть нами своею волею. Пропадет наша вся слава добрая! насмеется нам белой свет, что мы мудрые посадники, покорилися малому детищу! ... во хмелю он промолвится, и что есть на сердце, он все выскажет. Коль приметим мы, что не кормилец он земли Славенския, мы сорвем ему голову со могучих плеч. Нас белой свет не осудит в том, не один он роду Княженецкаго на белой Руси; мы помыслим себе князя по сердцу. Будеж нет; проживем мы братцы и своим умом (V, 11–13).

В былине пир, на котором кулачный бой выливается в драку, заканчивается закладом между дружиной Василия Буслаевича и новгородцами о том, кому платить дань:

Говорит тут Василей Буслаевич:

«Гой еси вы, мужики новгородския,

Бьюсь с вами о велик заклад:

Напущаюсь я на весь Нов-город битися-дратися

Со своею дружиною хоробраю —
 Тако вы мене с дружиною побьете Новым-городом,
 Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,
 На всяк год по три тысячи;
 А буде же я вас побью и вы мне покоритесь,
 То вам платить мне такову же дань!».
 И в том-та договору руки оне подписали⁷¹.

В лёвшинской повести вместо заклада на пиру реализуется другая эпическая ситуация — похвалы, к которой принуждают сотрапезники и правдивость которой эпический герой впоследствии должен доказать:

Ему подносят стопу вина заморскова <...> он в полсыта наедается и в полпьяна напивается; он сидит, как красна девушка, не молвит он ни одного слова. Уже посадники не веселее, начинают они похвалы держать. Иной хвалится добрым конем; иной хвалится молодой женой, иной силою и богатством, иной храбростью и мудростью: один лишь Василей Богуслаевич ни чем не похваляется. Тут встают со скамьи первые посадники, Чудин да Сатко богатой гость, они вопят громким голосом:

— Ты гой еси наш батюшко Василей Богуслаевич! что ты так приуныв сидишь? Что ни чем ты не похвалишься? Им ответ держал младой княжич: ох вы люди почетные, посадники новгородские! Чем пред вами мне похвалитесь? Я после государя моего батюшки сиротою остался малешенек, государыня моя матушка во вдовстве живет. Хотя есть у меня золота казна, имение и богатство; то не я собрал, а мой батюшко. Когда буду я в поре-времени, тогда буду я похваляться (V, 15–16).

Вопреки наказу матери не хвалиться и не грубить посадникам, опасаться их хитрости и лести, опоенный Василий Богуслаевич хвалится покорить Новгород:

Таковым речам посадники удивились; начали меж собою перешептывать. Наливают они братину зелена вина, начинают пить приговаривая: «Кто друг великому Новуграду, и всей земли Славенския, тот пей братину до суха». Подают они братину Василью Богуслаевичу. Уже нельзя ему было отговориться <...> и стал он от того на веселее <...> Тогда заиграла в нем хмелинушка, закипела в нем кровь молодецкая, взговорил он им таковы речи: «Ой еси вы посадники Новгородские! се похвала Василья Богуслаевича, что сидеть ему над землей Славенскою и княжить над Рускою; быть Новуграду все-

⁷¹ Древние российские стихотворения... С. 50–51.

му за ним; он будет брать пошлины датошныя со вся земля, с лову заячья и гоголиного, все посадники перед ним поклонятся: он принудит всех своею рукою богатырскою» (V, 17–18).

В литературной обработке конфликт укрупнен до спора о том, кому владеть Новгородом, быть ли княжескому единоличному правлению. Примечание автора к обозначению областей владения — землей Славенской и княжеством Русским — дает представление читателю об обширности северных земель, впоследствии ставших частью Московского царства и входящих в современную Россию: «В древности область Стараго Славенска, или Новаграда, простиралась от пределов Польши до Семигалии, по берегам Варяжскаго моря, и до города Архангельскаго, и захватывала великую часть великой России. Княжество ж Руское составляло особливую державу, в которой город Старая Руса был столичный; основал оный князь Рус, брат Славенов. Сии были потомки Асана, пришедшаго с несчисленным народом из Востока, покорившаго народы Финскаго племени, населявшаия места нынешняия России, и подавшие основание к учреждению самодержавных областей» (V, 18).

Следующим былинным эпизодам боя, посольства к Амелфе Тимофеевне с просьбой унять сына и тем спасти Новгород и помещения сына в погреб в повести Лёвшина соответствуют эпизоды запираания Василя Богуслаевича в погреб с тем, чтобы спасти его от расправы новгородцев, посольства матери к новгородским посадникам и их бесчестное поведение:

Былина

«Матера вдова Амелфа Тимофевна!
 Прими у нас дороги подарочки,
 Уйми свое чадо милоя
 Василья Буславича!»
 Матера вдова Амелфа Тимофевна
 Принимала у них дороги подарочки...
 Прибежала девушка-чернавушка,
 Сохватила Ваську во белы руки,
 Потатила к матушке родимья.
 А и та старуха неразмышлена
 Посадила в погребы глубокия

Молоды Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными⁷².

«Повесть о Василье Богуслаевиче»

«Где тебе, вешает она, биться одному противу силы Новгородская? погубил ты меня в старости». Сказав сие схватывает его в беремечко, и мчит в погреба белы камены, задвигает двери засовами железными, засыпает их песками сыпучими, оставляет его тут хмель высыпати; а сама идет в свою казнохранительницу, берет она золото блюдо, насыпает на него каменя самоцветнаго, и едет в Великой Новгород ко посадникам. Она кланяется им до пояса, поставляет золото блюдо на дубовый стол, говорит им речи умильныя <...> От сего посадники возгордились, говорят они своей Княгине невежливо: «Поди ты вон баба старая, не пойдешь, ин вышлем тебя с нечестию. Нам не надобно злата, серебра, ни каменя самоцветнаго, дорога нам похвальба Богуслайченкова, нам надобна его буйна голова». За такое дурно честная жена припечалилась... (V, 20–21).

В былине пока герой сидит в погребе, в бой с новгородцами вступает дружина и девка-чернавка, а в литературной обработке бой с посадскими и мужиками ведет одна чернавка-богатырка. Описание ее боя развернуто по известной эпической модели:

Былина

А ево дружина дружина хоробрая
С темя мужики новгородскими
Дерутся-бьются день до вечера.
А и та-та девушка-чернавушка
На Вольх-реку ходила по воду,
А [в]змолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка-чернавушка!
Не подай нас у дела ратнова,
У тово часу смертнова!».
И тут девушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовая,
Брала коромысла кипарисова,
Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новгородским,
Прибила уж много до смерти.
И тут девка запышалася...⁷³

⁷² Древние российские стихотворения... С. 51.

⁷³ Там же. С. 51–52.

«Повесть о Василье Богуслаевиче»

...Идет то сила Новгородская на улицу на Рогатицу <...> окружили то посадники и мужики Новгородские широкий двор Василья Богуслаевича. Выбивают они широки ворота из пяты. Валяются они на обширный двор.

Тут с ними встретила девчоночка, чернешенька, малешенька; она шла из избы приспешныя в реку Волхов по воду. На плече у ней коромыслице, нетяжело и нелегкое, всего весу в нем триста пуд. Увидевши то невежество, скричала она к мужикам и посадникам: «Ох б---вы дети, неудалые, сметь ли бы вам ходить на широкий двор не спрашаючи?..» Не дали ей докончить слов; принялись ее колотить в дубины вязовыя. За ту шутку девчонка осердилася, бросает она ведры дубовыя, берет в руки свое коромыслице, гонит она их с широка двора на улицу на Рогатицу. *Где лишь раз махнет, тамо улица, в другой хватит с переулочками. Побивала девчонка тысячу, добивалася она до трех полков.* Уже руки ея примахалися, коромыслице изломалася... (V, 22–23).

Во время боя чернавки два названных брата Василия Богуслаевича спят, они не желают прервать богатырский сон, будучи уверены в том, что их товарищ может справиться один. Они поступают в соответствии не с общепринятыми представлениями о товариществе, но с нормами богатырского поведения:

...Бежит она на широкой двор во теремы высокие <...> кричит громким голосом: «Вы гой еси богатыри могучие, что вы спите почиваете; на вашего брата названаго нападает вся сила Новгородская; уже выломали ворота на широкой двор; приступают к погребам белым каменным, где поживает Василей Богуслаевич». Ей в ответ сказали Фома Толстой, сын Ременников со Потанюшкой: «Не сила то Новгородская нападает на нашего брата названого, *налетели то комары из болот Каростанских; пусть пробудят они ево жуужанием, а не честь будет богатырская нам боронить богатыря от болотных мух.* Он прогонит их одним замахом». Сие молвивши завернули они буйны головы во подушки пуховыя (V, 23–24).

Пробудившийся герой вступает в бой, схватив что попало под руку. В литературной обработке автор психологически мотивирует поведение героя и выбор оружия:

Былина

Ото сна Василей пробужается,
Он выскочил на широкой двор,

«Повесть о Василье Богуслаевиче»

Между тем Василей Богуслаевич от крика, от вопля народного

Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная...⁷⁴

пробужается; он вскакивает на
резвы ноги и потряхается <...> У
молодаго Княжича нет оружия, ни
сбруи ратных. За своим стемля-
ным вязом показалось ему далеко
идти; ибо те вязы были у него в вы-
соком тереме; он схватывает ось
дубовую необделанную (V, 24–25).

Далее в лёвшинской повести посольство новгородцев к Амелфе Тимофеевне зеркально повторяет эпизод встречи новгородцами матери героя с нечестием: новгородцы просят унять княжича, «чтоб оставил он людей хотя на семена», но княгиня отказывается помочь. Следующий эпизод соответствует былинной встрече героя со старцем-пилигримом. Немотивированному появлению в былине старца духовного звания с колоколом вместо шлема в литературной обработке соответствует выставление новгородцами старца, бывшего богатыря, который тридцать лет не выходил из терема:

Былина

Побежал Василей по Нову-городу,
По тем по широким улицам.
Стоит тут старец-пилигримишша,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд,
Кричит тот старец-пилигримишша:
«А стой ты, Васька, не попорхивай,
Молоды глаздырь, не полетывай!
Из Волхова воды не выпити,
Во Новее-граде людей не выбити;
Есть молодцов сопровит тебе,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем!».
Говорил Василей таково слово:
«А и гой еси, старец-пилигримишша,
А и бился я о велик заклад
Со мужики новгородскими,
Апричь почес(т)нова монастыря,
Опричь тебе, старца-пилигримишша,
Во задор войду — тебе убую!».

⁷⁴ Древние российские стихотворения... С. 52.

Ударил он старца во колокол
А и той-та осью тележною, —
Качается старец, не шевелнится,
Заглянул он, Василей, старца под колоколом —
А и во лбе глаз уж веку нету⁷⁵.

«Повесть о Василье Богуслаевиче»

Тамо жил старчище многолетище; воевал он при прежних Князьях, побивал он силы ратных, разорял грады крепкие; но когда обуяли его леты древния, не выходил он из теремов своих ровно тридцать лет. К нему припадают посадники, и молят его спасти свою отчизну, и унять младаго Княжича. Долго старчище не слушал их; однако на кручину их умиляется. Поднимается с дубовой скамьи, идет он на соборной двор; там снимает он с Вечи большой колокол, которой колокол шести сот пуд; надевает оной на буйну свою голову вместо шапочки. Оттоле шествует во чисто поле, к той быстрой реке, где Василей Богуслаевич остальную рать доколачивал. Он подошел к нему, закричал громким голосом: «Ты гой еси Богуслаев сын! не за свои ты шутки принимаешься. Перестань шалить при старом муже!» От таких речей молодой витязь прогневляется, набегает он на старчища-многолетища, бьет рукою крепкою во тяжел колокол. Красная медь разсыпается; присягает старой муж к земле; он молит, просит пощады своей. «Ох ты сильной могуч богатырь! Не чаял я такой силы в твоей младости! я живу на свете сто лет и двадесять, не видел я себе спорника и поборника, днесь пропала моя слава богатырская...» Василей Богуслаевич <...> обнимает его в белых руках и отпустил домой с честью (V, 26–28).

В литературной обработке утрата колокола становится символом утраты Новгородом вечевоего правления и восстановления княжеской власти. Следующий эпизод подводит итог противостоянию Новгорода и героя, в былине это исполнение заклада, в повести Лёвшина — восстановление княжеского правления:

Былина

А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирился,
Понесли оне записи крепкия <...>
«А и рады мы платить
На всякой год по три тысячи,
На всякой год будем тебе носить
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,

«Повесть о Василье Богуслаевиче»

В ту пору, познав посадники свою беду неизбежную, и завидев гибель скорую, бросаются в Новгород, во теремы Тайницкие; они пишут крепки записки, чтоб быть Василью Богуслаевичу князем над всем Новым Градом, землей Славен-

⁷⁵ Древние российские стихотворения... С. 52.

С молодых повенешное,
С девиц повалешное,
Со всех людей со ремесленных,
Опричь попов и дьяконов»⁷⁶.

В былине герою сообщает новости девка-чернавка, в повести Лёвшина на просьбы новгородцев откликаются его названные братья, которые держат наготове вязы, «буде бы ослабел в рати братень их», они приносят новости, знаково именуя своего товарища батюшкой князем:

Они идут в поле со посадники; не дошед к месту побоища, кладут на голову запись крепкую и кричат громким голосом: «Здравствуй батюшко наш Славенской Князь Василей Богуслаевич! перестань губить свою отчину: покорилась тебе земля Славенская и все княжество Руское! поклонились к ногам твоим посадники; вот их запись крепкая, чтоб владеть тебе по своей воле над всем Новым градом со всеми землями и областями.» Они сказали сие, со всеми посадники у ног его повалилися (V, 29–30).

Былина завершается пиром, которым дружина Василя Буслаева отмечает свою победу. При этом подчеркнут незаслуженный материальный достаток героя, на спор отвовавшего себе и дружине содержание от Новгорода. Он собирает свое благосостояние через торговлю, случайный характер своего везения, не имеет никаких других достоинств и преимуществ, кроме силы.

Скричат тут робята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буславича,
Не упита, не уедено,
В красне хорошо не ухожено,
А цветнова платья не уношено,
А увечье на век залезено!»⁷⁷

В последних строках лёвшинской повести герой из молодого горячего богатыря-княжича превращается в мудрого правителя:

Тут Василей Богуслаевич укротил свой сильной гнев. Он простил и пожаловал всех, кто остался от побоища. Он владел над Новым градом с мудростью и милостью. Никто не смел на него подня-

⁷⁶ Древние российские стихотворения... С. 53.

⁷⁷ Там же. С. 54.

тисся, все соседи дальние присылали к нему мирных послов со дары многими. Вся Чудь платила ему дани со верностью (V, 30).

Подобно князю Владимиру Киевскому из первой части сборника князь Славенский и Русский Василей Богуслаевич мирно правит, полагаясь в защите своей земли на товарищей-богатырей:

Он не держал рати многия; его рать была в его братениках Фоме и Потанюшке. Созывал он богатырей и витязей со всего света Белаго, с кем бы силы опровергати; но не выискалось ему спорника, ни противоборника. Он княжил леты многия, проживал годы мирные. Не оставил он по себе роду, племени; лишь оставил он свой стемляной вяз на память великому Новутраду (V, 30).

Утрата вечевоего колокола и установление единоличной княжеской власти (исторически — в правление царя Ивана III) через переосмысление былины отнесены Лёвшиным к более раннему периоду русской истории. Обработка былинного материала для повести шла в соответствии с идеологическим заданием автора, а также в направлении усиления эпических черт героя и его товарищей, вплоть до гротеска, поиска психологических мотивов поведения героев и логического связывания былинных эпизодов.

«Повесть о дворянине Заолешанине — богатыре, служившем князю Владимиру» (далее — «Повесть о дворянине Заолешанине»), быть может, не принадлежит к самым удачным опытам Лёвшина: ее сюжет необычайно разветвлен и затянут. Однако она интересна тем, что в ней, сохраняя канву волшебного-рыцарского романа, автор изменяет сюжет о рыцарском странствии. В этой части нашей работы мы проанализируем, какого рода изменения претерпевает канон волшебного-рыцарского романа у Лёвшина и чем они обусловлены.

В русской фольклорной и рукописной традиции с именем дворянина Заолешанина не связано никакого самостоятельного сюжета, он упоминается в числе богатырско-го посольства в Царьград в «Сказании о семи богатырях». Этот образ в лёвшинской повести своей идеальной разработкой напоминает героя первой повести, учредителя богатырского ордена — Добрыню Никитича.

В отличие от следующей, проникнутой пафосом государственного строительства «Повести о богатыре Булате»,

эта повесть имеет сюжет о поиске возлюбленной. Содержание ее составляют две истории: о любви Громобоя и Миланы и приключениях их сына Звенислава, прозванного дворянином Заолешанином. Конечная цель ряда приключений — это соединение с возлюбленной⁷⁸, однако в развлекательном сюжете заключено переосмысление рыцарского странствия как ментального следования по пути добродетели. Мы не будем останавливаться на всех коллизиях сюжета, а сосредоточимся на приключениях главных героев.

В истории Звенислава осуществляется уже знакомая нам по «Повести о Добрыне Никитиче» схема: герой воспитывается у волшебницы, его обучают наукам и воинскому искусству; затем герой пускается в странствие, добывает оружие и совершает подвиги. Отлученный от родителей Звенислав, получивший в последующем прозвание дворянин Заолешанин, воспитан волшебницей Добрадой «за лесами клязмскими», его пестуют русалки и вскармливает львица (V, 119).

Шести лет Звенислав имел уже рост обыкновенного человека и такую силу, что великий дуб мог сбивать кулаком с корня. Разум его соответствовал росту, он развился прежде времени (V, 120–121).

Звенислав перенесен Добрадой «в палаты двенадцати мудрецов, стоящие на Востоке, на неудобовосходимой горе истинны» (V, 121). Через 10 лет, получив наставления «во всех знаниях, науках и упражнениях тела», он являет собой «образец учености, благонравия, храбрости и богатства» (V, 122). Отпуская воспитанника в дорогу, волшебница произносит напутствие, суть которого в призыве к нравственному самосовершенствованию через *терпение, бодрость духа и умеренность*:

Участь твоя не из лучших, ибо ты спокойства до тридцатилетнего твоего возраста иметь не будешь. Поколь достигнешь ты сего време-

⁷⁸ М.Л. Андреев рисует путь развития рыцарского романа как тяготение к одному из двух полюсов — эпосу или роману или как компромисс между ними. Для первого характерны эпические мотивировки защиты своего мира, защиты веры и родины, для второго — интерес к индивидуальной судьбе, путь за славой и во имя дамы сердца. Позднее сближения двух топов проявилось в следующем: «то, что было романом, — утрачивает проблематику духовного становления, а то, что было героическим эпосом, берет у романа экзотику, фантастику, авантюризм <...> индивидуализм» (Андреев М.Л. Рыцарский роман... С. 54–55, 242).

ни, ты не узнаешь и не увидишь своих родителей; беды и опасности будут сопутствовать делам твоим, и *одна только добродетель* будет тебе в том помощницею <...> Оборона твоя противу всех злоключений должна быть твоя храбрость и великодушие. *Терпи все случаи, будь бодр в бедах и умерен в щастии* <...> Когда исполнится тебе тридцать лет, и я увижу, что ты не уклонишься от добродетели, я увенчаю твое мужество и возвращу тебя твоим родителям. Не спрашивай у меня ничего и шествуй, куда хочешь. С сего часа ты начнешь быть богатырем, ибо в сие звание я тебя посвящаю (V, 122–124).

Внутренний путь нравственного совершенствования, который предстоит совершить Звениславу, выливается в испытание трудностями рыцарского странствования. Оно состоит из цепи следующих эпизодов: добыча коня Златокопыта и меча Самосека, встреча с возлюбленной, ее исчезновение и поиски, во время которых Звенислав совершает свои подвиги (в том числе — освобождает земли от захватчиков, возле Старого Славенска беседует с тенью князя Тугоркана, в Дании меряется силами с исполином Стеркатером), приезжает в Киев и остается на службе князя Владимира (следует перечень подвигов — походы и сражения с чудовищами). Добрыня, Чурила и Алеша упоминаются в повести как соратники героя. Когда во владениях Владимира устанавливается мир, его охватывает грусть, и он просит уволить его со службы. Доверясь коню, он едет на поиски возлюбленной и пребывает на волшебную гору, где ему является волшебница Добрада, в лице которой промысел небес вознаграждает героя за проявленную добродетель и воссоединяет с родителями и возлюбленной:

Вы соответствовали всегда моим попечениям и заслужили *милость богов, укрепясь в добродетели*. Держитесь оной навсегда и почитайте *промысел небес*, которые, невзирая на свою благодать, *подвергают нас бедствиям, дабы мы чрез оныя очищались от пороков* (VI, 142).

В начале повести странствие за славой, желание «отвечать своей храбрости» (V, 125), казалось бы, движут Звениславом. Однако постепенно герою, а вместе с ним и читателю открывается, что путь богатыря осуществляется согласно предназначению свыше, и все, что с ним происходит, — происходит по воле Провидения. Водительство

высших сил оказывает влияние на все судьбы в повести. То, что сначала предстает как случайное, открывается по ходу сюжета как предназначенное. Повесть начинается тем, что будущий отец Звенислава, Громобой, преследуемый скукой, необъяснимо увлекается псовой охотой настолько, что «проводит целые дни в густых лесах» (V, 32). Позже Добрада признается, что не случай, а ее волхование приводят Громобоя туда, где обитает красавица-невидимка Милана. А затем волшебница в образе невольника лишь «удачно управляла всеми стечениями обстоятельств» (V, 113). В завершающей повесть речи Добрада открывает Звениславу (который был рожден вопреки запрету в день богини Дидилии и якобы за это отлучен от родителей), что все испытания судьбы, все⁷⁹ «мшнения» богов служили к исполнению предназначенного. Лёвшин устами волшебницы развенчивает ложные представления о роке и слепой судьбе, в доступной форме излагая философию оптимизма Г. Лейбница:

Никогда боги неправедны быть не могут, и смертные заблуждают, если приписывают им жестокости. *Уставы провидения их всегда клонятся к добру человека* <...> Ни ты, ни отец твой не раздражили меня никогда; итак, знай, что приемлемое тобою за мое мшнение есть неложный довод благосклонности к тебе небесной. Ты предназначен был к уничтожению многих несчастных происшествий в мире сем <...> Теперь ты окончал; тридцатилетний твой возраст дозволяет уже тебе вкусить благополучие, для того что ты во все время жизни своей вел себя *благоразумно и добродетельно* (VI, 115–117).

Идея постоянного присутствия Провидения в судьбе человека и конечного вознаграждения добродетели (в данном случае — покоем и благополучием) составляет нравственный урок повести. Приключения, которые ждут героя в пути, осмысляются как испытание характера на постоянство, на верность избранному пути. Именно поэтому,

⁷⁹ Ср.: «...особенно живучей в истории романа оказалась именно композиционно-организующая идея испытания. Мы встречаем ее в средневековом рыцарском романе, как раннем, так и позднем» (Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М.М. *Литературно-критические статьи*. М., 1986. С. 144).

помимо таких рыцарских качеств, как воинская сноровка, храбрость и великодушие (V, 123), герою требуется проявить разумность и приверженность добродетели, проявить терпение в испытаниях судьбы. Являющаяся в образе невольника Добрада не устает повторять Громобоею: «*терпение* только и *рассуждения* вам помогут» (V, 63). С призыва к терпению и умеренности начинается наставление Добрады и его сыну Звениславу:

Терпи все случаи, будь бодр в бедах и умерен в щасти; не забывай справедливость, держи всегда свое данное обещание и не делай никому того, чего себе не хочешь. Защищай утесняемых, почитай женский пол... (V, 123).

Терпение, стойкость к ударам судьбы должны проявить и другие герои повести, оракул боговещалища отвечает героине:

...Во ожидании благополучных дней твоих *великодушна* будь к *несчастиям*, ибо *небеса* ничего даром не посылают (V, 231).

Сюжет повести складывается как испытание героя на обозначенные качества и одновременно как свершение воли Провидения. Типовая ситуация испытания, характерная для рыцарского романа (лес с дикими зверями, поле со змеями, бурный поток⁸⁰), в этой повести нередко оказывается подчеркнуто сконструированной, бутафорской. Испытание организуется согласно топике рыцарского романа, но в конце открывается, что это театрализация. В качестве примера рассмотрим преодоление препятствий во имя возлюбленной. Чтобы очарование спало с Миланы, Громобоею необходимо преодолеть море с чудовищами, огненную реку и ад — таково одно из условий. Описывая опасности, Добрада подвергает испытанию мужество Громобоя:

Находите ль вы в себе довольно отважности подвергнуться смертельным опасностям, чтоб разрушить остатки очарования <...>? <...> Вам должно сражаться со всею лютейшею волшебною силою, со всеми стихиями; одно щастие может спасти вас от известной смерти (V, 74–75).

⁸⁰ Михайлов А.Д. *Французский рыцарский роман...* С. 235–236.

Ужасные испытания оборачиваются искусной бутафорией:

Они шли дремучим лесом, где, однако, не встретилось с ними никакой опасности. При первом взгляде за оным представилось Громобой волнующееся море, и выскакивающие из оногo чудовища разевали страшные свои пасти...

— Ты шутишь надо мною, — сказал Громобой <...> — Здесь только игрище, и я вместо моря и волн упал на растянутую холстину, кою поддували мехами.

— Нет, государь мой, — отвечал невольник, — благодарите вашей отважности; без нее вы не разрушили бы сея очарованная бездны, и волны ея иль чудовища, конечно бы вас поглотили. Но впереди там уж не очарование: с природою вам надлежит сразиться, ступайте (V, 75–76).

Громобой следовал, и вдруг преужасная пламенная река пролилась впереди их. Сверкание пламени было ужасно, и казалось, что растопленная медь готова была обратить в пепел каждого приближающегося.

— Вам должно перейти эту реку, — сказал невольник, остановясь. — Здесь уже мужество вам не поможет <...> не лучше ль возвратиться?..

— Слабый, — молвил Громобой с досадою, — разве забуду я, что смерть моя полезна Милане? Сказал сие и бежал в огонь.

Он вдруг остановился и искал, чем бы побить невольника, представлявшее издали огненную реку был ряд впуклых зеркал, поставленных на дрожавших пружинах так противу солнца, что отвращенные оногo лучи ударялись прямо в глаза приближающемуся (V, 76–77).

...Впереди их блеснул свет, и ад, или престрашное чудовище разинуло рот. Дьяволы с пламенниками бегали пред оным. Всех родов змеи и чудовища <...> готовы были растерзать острыми своими когтями <...> Громобой <...> призвал на помощь имя Миланы и храбрость россиянина, обнажил свою саблю и шествовал сражаться со смертию <...> «О боги! — вскричал он яростно. — Я отдался в обман сему бездельнику!» Ад сей был только написан красками на великом занавесе <...> а дьяволы — наряженные люди, ибо с одного из них свалилась личина...

— Не сердитесь, — сказал ему невольник приближась, — <...> сия игрушка была *опыт вашей храбрости*, она разрушила талисман, содержавший действительное волшебство и судьбу вашу с Миланою (V, 75–80).

Здесь мы наблюдаем несколько иной подход к характерной для рыцарского романа сюжетной ситуации «преодоления препятствий во имя возлюбленной». С одной

стороны, это дань условности мира рыцарского романа, а с другой — попытка преодоления его общих мест. Думается, что для Лёвшина, вышивающего по канве рыцарского романа, становится особенно важно подчеркнуть психологическую сторону побед героя — Милану спасает от чар прежде всего терпение и решимость героя.

Нужно отметить, что в повести есть место и обычным подвигам, и в основном герои сталкиваются с настоящими препятствиями. Примером может служить эпизод встречи героя с железным исполином на мосту через ров. В этом испытании герою помогает, напротив, — нетерпение:

Звенислав <...> бежал по мосту <...> Выскочил <...> стальной исполин с двенадцатью руками, держащий в каждой из оных по мечу <...> Целый день прошел почти в сем сражении, руки отлетали прочь десятками и вырастали опять сотнями, удары их становились жесточее.

— Долго ли мне биться с тобою, проклятое чудовище! — вскричал Звенислав, схватя исполина за ноги и удара его о стену, отчего оный разлетелся в дребезги (VI, 110–113).

Нельзя не заметить проскальзывающей авторской иронии над романном «вдруг»: досада героя и неразумное, немотивированное поведение приводят к внезапному разрешению коллизии: Звенислав бился целый день с исполином, а одержал победу разом, ударив его о стену.

Требование терпения в посылаемых свыше испытаниях неразрывно связано с темой тайны, скрытого от героя до поры значения событий в его судьбе. То, что сначала предстает в одном свете, на поверку (как рассмотренные нами выше бутафорские опасности) оказывается своей противоположностью. Нередко развитие сюжета в последних повестях осуществляется через нарушение сюжетной инерции. Героям, а вместе с ними и читателю, не раз приходится отделять мнимое от сущего, не раз происходит полная смена знаков и предлагается новое объяснение происходящего, вскрывается подоплека той или иной сюжетной ситуации. Приведем примеры изменения русла сюжета. Говорящее дерево — заколдованная Бабой Ягой Любана — сообщает Звениславу, что для снятия очарова-

ния нужно убить крылатого «змия» и достать у него желчь. Богатырь преследует его и настигает в жилище Бабы Яги:

Витязь не устрашается и вонзает меч в гортань его, но сей меч без вреда проглочен змием. Надежда только на копие, оно ударено в грудь чудовища и сокрушилось о твердую чешую его. Что осталось для Звенислава? Одна только неустрашимость <...> он бросается на змия <...> и раздирает чудовище наполю <...> и в сие мгновение густой дым покрывает труп чудовища (V, 144).

Как мы видим, до сих пор сюжет развивался в русле змееборческого сюжета. Однако в этой точке осуществляется поворот к новому сюжету в духе волшебного-рыцарского романа:

Богатырь в изумлении отступает прочь, дым поднимается на воздух, труп исчезает, и еще более удивленный Звенислав видит на оном месте стоящего прекрасного воина <...> воин бросается к нему с объятиями: «Избавитель мой!..» (V, 144–145).

Тарбелс повествует Звениславу историю своего обращения в змия: влюбленная в него Баба Яга превращает в дерево возлюбленную Тарбелса Любану, обернувшись в змия, глотает Тарбелса и переносит в очарованный сад. Герою разрешено гулять по всему саду, но есть только одна запретная дверь. Тарбелс нарушает запрет и находит за дверью описание происхождения Бабы Яги и заключительную надпись: «Но как введено уже, чтоб тайна, открываемая противу желания женщины, была наказываема, то и ты за непослушание к Бабе Яге превратись» (V, 246). По волхванию Добрады и к огорчению Бабы Яги Тарбелс превращен в змия. Условие возвращения в человеческий образ — убийство змия. Баба Яга налагает чародейство:

...Ударила она меня своею чародейною кочерью, отчего я такую получил злобу, что не желал кроме поглощать и терзать <...> Кой час кто появлялся в сей пустыне, я получал свободу вылетать из сада, стремился и поглощал; но, возвращаясь в двор Бабы Яги, к чему побуждала меня неизвестная мне сила, чувствовал такую тошноту, что извергал поглощенных и, приходя тогда в память, мерзил сам собою и скрывался в мой сад <...> В последний раз, когда настало время моего избавления, почувствовал я побуждение лететь <...> Я чувствовал весь ужас смерти, когда вы за мною гнались. Но

как вы со мною сразились, я не имел уже памяти, и как бы из глубокого сна очнулся, когда вы разорвали змия (V, 249, 251).

В вышеприведенном примере ярко обозначена ирония по отношению к сюжетике волшебного-рыцарского повествования и стремление нарушить традиционную сюжетную инерцию. (Тенденция к ветвлению сюжета, повторим еще раз, усиливается в последних повестях сборника.)

Комическое воплощение мотива тайны и постепенного открытия правды реализовано во вставной повести, посвященной приключениям помощника Звенислава Слотана. Последний выступает на протяжении всей повести антиподом Звенислава (его отличает непостоянство в любви), сюжетная линия этого героя развивается в юмористическом ключе: то его водит за нос ведьма, то за неверность он обращен волшебницей-женой в коня и т.п.

Приключения Слотана имеют много общего с эпизодом «Неистового Роландо» Л. Ариосто, условно называемым «Остров Альцины» (соответствует VI и VII песням поэмы). Установить непосредственный источник Лёвшина пока не представляется возможным: ко времени соиздания «Русских сказок», издания полного перевода поэмы Ариосто на русский язык еще не существовало⁸¹, хотя рукописные списки с пересказами из нее находились в большом распространении⁸². Многие европейские авторы использовали мотивы сюжетной линии Альцины — Руджьера, например, помимо упомянутого Казотта, Вольтер и Лесаж, из русских литераторов — Чулков. Но никто из них не воспроизводит сюжетную схему полностью. Напомним содержание интересующего нас фрагмента поэмы Ариосто. Фея Альцина привлекает мужчин на свой остров колдовством; Руджьера встречают девицы несказанной красоты, среди которых всех прекраснее хозяйка — Альцина; ее царство — царство веселья, праздности, любви, изобилия; Руджьер очарован Альциной, они становятся любовниками; вол-

⁸¹ Полный перевод, осуществленный с французского П.С. Молчановым с переложения Ж.Б. Мирабо (1741), вышел в конце XVIII в.: Неистовый Роланд, героическая поэма г. Ариоста. Кн. 1–3 / Пер. с фр. М., 1791–1793.

⁸² Горохова Р.М. Ариосто... С. 457–480.

шебный перстень помогает Руджьеру избавиться от наваждения и увидеть Альцину в настоящем виде:

...quanto
di beltà Alcina anvea, tutto era estrano: estrano avea, e non suo, dal
piè alla treccia <...>

ritruova, contra ogni sua stima, invece de la bella, che dianzi avea lasci-
ata, donna si laida, che la terra tutta né la più vecchia avea né la più brutta.

Pallido, crespo e macilente avea Alcina il viso, il erin raro e canuto,
sua statura a sei palmi non giungea: ogni dente di bocca era caduto⁸³...

Лёвшин, сохраняя основу сюжета о волшебнице с фальшивой красотой, которая волхованием заманивает мужчин, усложняет ариостовский сюжет неожиданными поворотами, которые сводятся к многократному повторению мотива обмана и его разоблачения, которое, в свою очередь, оказывается обманом. Приключение Слотана сводится к следующему: герой засыпает у озера, а, проснувшись, видит золотую лодку и в ней красивых девиц, которые увозят его на остров. Там его встречают старухи, которые утверждают, что на самом деле они молоды и красивы, а девицы в лодке — стары и уродливы:

Я увидел у берега стоящую раззолоченную лодку и в то же самое мгновение себя в руках прекраснейших девиц <...> Наконец лодка пристала к острову. Дюжина или две старух стояли у берега и как бы нарочно дожидались, чтобы взять меня в добычу <...> Красавицы захотали громко, сели в лодку и отвалили прочь. Я поглядывал на них с приятностью, старухам сие не было угодно, что я узнал по косям их на меня взглядам.

— Ты очень смешон, — сказала мне одна из них, на которой больше всех кожа сморщилась, — ты пренебрегаешь лучшими прелестями и устремляешь взоры на сих подлячек, которые так гадки (V, 267–270).

Старуха повествует Слотану, что это остров женщин и что мужчин ловят в угождение госпоже; с помощью волшебного порошка и мази госпожа обращает красивых девиц в старух, а состарившихся — в молодых; госпожа из-

⁸³ Ариосто Л. Неистовый Роланд. Т. 1. М., 1993. С. 125: «...вся краса Альцины — заемная, / Не своя, а заемная, от косы до пят <...> Вместо давешней своей красавицы / Урода из уродов, / Таковую старуху, что мерзей не выдумать: / Лицо бледное, кривое, в морщинах, / Волос сед и редок, / Во рту ни единого зуба...» (пер. М.Л. Гаспарова).

бирает себе супруга, но еще никому не понравилась. Девица необыкновенной красоты в окружении дурнушек встречает Слотана. Слотан сомневается в словах старух и увлечен хозяйкой. В опочивальне красавица просит помочь раздеться:

...Я принял должность сию охотно; супруга моя, во-первых, сняла с головы своей накладку, за которою следовали прекрасные ее вьющиеся на плеча локоны, и представили глазам моим голый и ясный шарик <...> богиня моя <...> вынула у себя один глаз, несколько зубов и, сняв перчатку, осталась без левой руки по самую кисть. Я начал приходить в себя из моих любовных восторгов, но составная красавица <...> просила меня отвязать ей ногу (V, 278–279).

«Составная красавица» поведала Слотану, что ей всего 16 лет и она обладает богатствами, но злая волшебница в отместку очаровала ее, чтобы та никогда не была замужем, ее избранникам кажется, что она снимает части тела и «неверные» мужчины убегают; от того, проведет ли он с нею ночь, зависит ее освобождение от чар. Слотан поверил ее словам и «заснул в ее объятиях». Повесть заканчивается самым неожиданным образом:

По обстоятельствам повести надлежало бы мне очнуться в замке отца моей красавицы и встать, чтоб учиниться богатейшим вельможею. Но вообразите, в каком находился я состоянии, проснувшись. Я лежал между вонючих костей некоторых скотов, кои доглядывали собаки, держа крепко в объятиях моих кобылью голову со спинною костью (V, 283).

Проснувшись, Слотан не может понять, сон ли это был или настоящее происшествие. На озере он не видит ни острова, ни золотой лодки. Старик, ловящий рыбу, рассказывает, что это проделки ведьмы. Мотив мнимой старости и мнимой молодости повторен много раз в приключении Слотана, можно сказать, возведен в куб. Герой, а вместе с ним и читатели, склоняются то к одной, то к другой версии происходящего. Всякий раз правдоподобное объяснение событий оборачивается обманом, и чтобы прийти к правде, от читателя требуется та же добродетель — терпение. Как видно, преодоление Лёвшиным предсказуемости сюжетного репертуара происходит через ветвление сюжета и

задаваемую автором постоянную смену интерпретаций эпизодов.

Изменения в заключительных частях сборника, привносящие в них назидательный смысл, связаны, по мнению некоторых исследователей, с увлечением В.А. Лёвшина масонскими идеями. Исследователи расходятся лишь во мнении, по своей ли воле автор вносил такого рода изменения. В.А. Западов и В.И. Сахаров пишут о директивном вмешательстве «старших братьев», последний отмечает правки, внесенные в текст «Русских сказок» на стадии корректуры; Л.В. Омелько склоняется к версии добровольного изменения замысла⁸⁴.

Лёвшинская «Повесть о дворянине Заолешанине» мало похожа на масонский роман с его тайнописью, аллегоризмом и прямыми отсылками к масонской символике, образцом жанра которого в России стали романы М.М. Хераскова. Однако и в ней присутствует, как мы отметили, столь важная для масонской литературы тема духовного самосовершенствования. Вторая волна русского масонства, в которую влился Н.И. Новиков и его сподвижники, во многом мыслила себя в русле христианского православного вероисповедания⁸⁵. Вместо идеи непостоянства судьбы, власти слепого случая, которая была характерна для позднего рыцарского ро-

⁸⁴ Западов В.А. Русская литература последней четверти XVIII в.: Хрестоматия. М., 1985. С. 410; Сахаров В.И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики. Очерки. М., 2002. С. 21; Омелько Л.В. Масонские идеи в прозе В.А. Лёвшина 1780-х годов // Масонство и русская литература XVIII — нач. XIX в. / Под ред. В.И. Сахарова. М., 2000. С. 53–65. Исследование Л.В. Омелько проведено на материалах волшебного-авантюрного романа «Приключения Любомира и Гремиславы» (VII и VIII части «Русских сказок»), фантастической повести «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» и философского трактата «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона, писанное Лвшнм к приятелю его господину З***».

⁸⁵ См.: Стенник Ю.В. Православие и масонство в России XVIII века: (К постановке проблемы) // Русская литература. 1995. № 1. С. 76–92; Руднева О.Н. Лирика М.М. Хераскова и русское нравоучительное масонство // Русская классика: Проблемы интерпретации. Липецк, 2001. С. 3–10.

мана⁸⁶, в основу «Повести о дворянине Заолешанине» Лёвшин положил идею божественного Промысла, близкую как христианскому мировоззрению, так и просветительской философии Лейбница и масонской идеологии. Высказанным в повести мыслям автора мы находим параллели в написанном им в те же годы философском сочинении — «Письме, содержащем некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона»⁸⁷. В своих возражениях Вольтеру Лёвшин отстаивает мнение, что человек не может знать всех Божьих намерений, но *промышляющее Провидение* заботится о человеке:

То, что называем мы злом, нередко бывает истинное добро и часто подает случай к таковым добродетелям, которые должно считать выше нечувствительности и покоя. Намерение Божье во всех вещах клонится к тому, чтоб нас во всем снабдить, просветить и наставить⁸⁸.

Нравственному совершенствованию, восхождению к добродетели — главному назначению человека — служат препятствия на его пути: «Все приключения и самые бедствия, нами претерпеваемые, суть наилучшие средства, чтобы довести нас до истинного благополучия»⁸⁹.

Как и в предыдущих произведениях, в «Повести о дворянине Заолешанине» многие сюжетные ходы повторяются неоднократно. К ним относятся: любовь по портрету (Громобой, Дуберзай), преследование чародемем Сарагуром красавицы-княжны (похищение Баяны, наложение заклятия на Милану), которая получает защиту волшебницы Добрады; комический сюжет о «чудачествах люб-

⁸⁶ См.: Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман... С. 144–145 («рыцарский роман с его рыцарским подвигом, воспеванием смелости испытывал влияние византийского типа романа, в основе которого лежат приключения, вызванные превратностями судьбы, и герой прежде всего должен проявить терпение»). См. также: Алексидзе А.Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII–XIV вв.). Тбилиси, 1979.

⁸⁷ Лёвшин В.А. Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона, писанное Лвшнм к приятелю его господину З*** // Мысли о душе. Русская метафизика XVIII в. / Подготовка текстов, вступ. статья Т.В. Артемьевой. СПб., 1996.

⁸⁸ Там же. С. 232.

⁸⁹ Там же. С. 248–249.

ви», который дважды повторяется в истории Тарбелса (своей любовью его преследует Баба Яга, затем ведьма) и др. Опираясь постоянным набором сюжетных схем, Лёвшин варьирует их сочетание, разворачивает сюжет в разных направлениях, осуществляя свою задачу, — занимательность и поддержание читательского интереса на протяжении всего повествования. Традиционный эпический сюжет развивается им через разложение и трансформацию в другой традиционный сюжет, но уже из фонда волшебной фольклорной сказки или волшебного-рыцарского романа. В этом состоит секрет подвижного волшебного мира богатырских повестей Лёвшина, который складывается с развитием сюжета от кумулятивного наращивания змеборческой линии в первой повести сборника к развернутому повествованию последующих частей сборника.

Традиция широкого использования античных реминисценций ведет начало от европейского волшебного-рыцарского романа⁹⁰; непосредственные предшественники Лёвшина — Чулков и Попов — черпают в античном мифологическом фонде сюжеты для своих повестей на тему славянских древностей.

В «Повести о дворянине Заолешанине» тень Тугоркана рассказывает историю о происхождении и добыче коня Златокопыта⁹¹, сквозь которую причудливым образом просвечивает история Пегаса⁹². Напомним греческий миф: Медуза Горгона, взгляд которой обращает в камень, рождает от Посейдона крылатого коня Пегаса. В повести Лёвшина одноглазый исполин Полифем похищает дочь морского царя царевну Асталию с лицом «зеленой фи-

⁹⁰ Андреев М.Л. Рыцарский роман... С. 114–115. См. так же: Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966.

⁹¹ Ср.: конь Златогрив и меч Сеченец в русском переводе Я.И. Булгакова поэмы Боярдо.

⁹² Источники по греческой мифологии: «Аполлодора грамматика афинейского библиотеки, или о богах» (1725); в переводе В.С. Подшивалова «Аполлодора Афинейского Баснословие, или Библиотека о богах, книга I и II» (1787); «Краткий мифологический лексикон» (1767) М.Д. Чулкова.

нифти», волосами-змеями и взглядом, обращающим в камень, привозит на остров и совершает насилие. Она рождает бессмертного крылатого коня (VI, 40–41)⁹³. Тугоркан прибывает на остров за чудесным конем. Царевна видит свое отражение в зеркальном шлеме Тугоркана и превращается в камень. Согласно предсказанию, по прошествии веков конь и меч будут взяты «на небо... созвездиями» (VI, 50). Следуя традиции, Лёвшин вольно перелагает античный сюжет, неожиданно компоует сюжетные звенья, усложняет сюжет дополнительными ходами (Полифем спасает коня от «разъяренной царевны», накрыв его стальной чашей; ежедневно царевна приходит сразиться со стальным исполином, охраняющим коня, etc.).

Тема государственной власти, мудрого правления характерна для всех богатырских повестей (например, противопоставление в первой повести князя Владимира и болгарского князя-тирана Тревелия), но особенную разработку она получает в поздних частях сборника. В различных вариантах повторяется сюжетная ситуация правителя и его мудрого советника, дается пример тирана, поплатившегося за свои преступления и просвещенного государя, счастливого благоденствием своих подданных. В «Повести о дворянине Заолешанине» это линия Буйслава и Мирослава, правителя и его верного вельможи, реализующая сюжет о неразумном правлении.

Пик разработки государственной тематики приходится на последнюю среди повестей о богатырях «**Повесть о богатыре Булате**». В отличие от пафоса духовного совершенствования «Повести о дворянине Заолешанине» заключительное произведение целиком строится на пафосе государственного становления. В основу сюжета положен эпический по своему происхождению мотив защиты «своего» мира, который получил развитие также и в рыцарском романе⁹⁴. Герой лёвшинской повести отправляется в путь,

⁹³ Образ крылатого коня популярен и в волшебного-рыцарской поэме, например Гиппогриф в поэмах Боярдо и Ариосто.

⁹⁴ По мысли А.Д. Михайлова, в средневековые существовали два типа циклизации сказаний: вокруг священного предмета — религиоз-

вступает в борьбу с противником с тем, чтобы вернуть государству утраченную святыню⁹⁵.

Сюжет разворачивается вокруг двух священных предметов — короны Руса, похищенной у князя Желатуга Царь-девицей, и золотого сосуда, охраняемого чародем Роксоланом от посягательств злых сил. Главному герою (богатырю Булату) поручено вернуть украденный царский венец⁹⁶. Булат отправляется в путь, достигает островов бриттов, над которыми владычествует Царь-девица, похищает венец, а заодно и девичью честь. После годового странствия герой доставляет князю Видимиру святыню, женится на Царь-девице, которая приходит под стены Русы отомстить обидчику (повтор фольклорного сюжета, задействованного в «Повести об Алеше Поповиче»). Повествование усложнено вставными историями о происхождении золотого сосуда и венца, о подвигах Булата иключениях других персонажей. Как справедливо отмечено Л.В. Омелько, «Повесть о богатыре Булате» подводит «своеобразный итог поискам писателя в плане создания национального романа об историческом прошлом и его героях»⁹⁷.

Предметом нашего интереса стала часть повествования, в которой Лёвшин задействовал легендарный материал. Вставная повесть, излагающая историю происхождения венца и золотого сосуда, переносит действие во времена основания русского государства. Это рассказ о том, как братья-князья Славен и Рус основывают две империи со столицами Великой Русой и Великим Славенском, и затем Рус, как глава рода, получает золотой сосуд и венец. В основу этой части повествования были положены два источника — летописная легенда о прародителях Русе и Славене

но-легендарный цикл; другой — складывался вокруг фигуры одного героя — авантюрно-куртуазная циклизация (Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман... С. 208).

⁹⁵ Аналогию между утраченной святыней — золотым сосудом из повести Лёвшина и Чашей св. Грааля проводит В.В. Сиповский, находя много сходства с Артуровским циклом, см.: Сиповский В.В. Очерки... С. 224.

⁹⁶ По мнению Е.А. Тудоровской, имя Булат взято из народных сказок (Тудоровская Е.А. Сказка... С. 180).

⁹⁷ Омелько Л.В. Лёвшин и его «Русские сказки»: Дис. ... С. 162.

и цикл повестей о получении царских регалий, в число которых входят «Сказание о Вавилоне-граде», «Сказание о царских венцах» и «Сказание о князьях владимирских». Лёвшин создает цельный династический сюжет, который в художественном плане должен был упрочить представления читателя о началах русской государственности.

Поскольку предание об основателях рода Русе и Славене (Славене), созданное в Новгороде в XVII в., на протяжении всего XVIII столетия пользовалось необыкновенной популярностью и имело широкое рукописное распространение⁹⁸, с большой долей уверенности можно предположить, что автор «Русских сказок» мог быть знаком с легендой по рукописным источникам.

Сопоставим лёвшинское повествование с летописным преданием о прародителях. Из всех событий, изложенных в новгородской «Истории еже о начале руския земли», автор «Русских сказок» выбрал только один эпизод — о приходе и освоении земель двумя братьями, Русом и Славеном. Именно с них, а не с библейского праотца Мосоха (как в летописном варианте), начинается свое повествование участник тех событий Роксолан — «следуют из долин сенаарских» к северу в поисках «земель для поселения» (IX, 26) (ср.: «земли доброплодной и во обитование нам и родом нашим»⁹⁹). «Русская орда», достигнув Алании, сражается с аланами. Этот эпизод в летописной легенде отсутствует, заселение земель «полуночных стран» родственными племенами славян — роксоланами и аланами — описано М.В. Ломоносовым¹⁰⁰. Вторгнувшись в «пределы нынешней России» (IX, 3), братья основывают «две новые империи» русов и славян с двумя столицами — Великой Русой и

⁹⁸ Сказание о Славене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3. С. 444–447; см. также: Мильников А.С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996.

⁹⁹ Сравнение проводилось по доступной нам публикации «Истории еже о начале руския земли» в кн: Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 203–210.

¹⁰⁰ Ломоносов М.В. Древняя российская история... С. 210–213.

Великим Славенском (IX, 39). В летописи только Словенск (Славенск) назван «Великим», а Руса называется «Старой Русой». Что касается в целом топонимики «Повести о богатыре Булате», кроме вышеназванных городов упомянуты озеро Ирмер, реки Порусья, Полиста и Мутная. В летописной легенде значительное место уделено объяснению топонимов через имена родственников и потомков первых князей (например, озеро Илмер (то же, что Ирмер) названо по имени сестры Руса). В повести Лёвшина топонимические легенды опущены (исключение составляет рассказ о происхождении названия реки Волхов, в полном варианте он дается в другой повести «Русских сказок» — в одном из примечаний к «Повести о дворянине Заолешанине»). Существенной деталью лёвшинского изложения является то, что из двух братьев первенство отдано Русу, «избранному от своих собратий вождем» (IX, 26). В новгородской повести напротив — «из двух братьев-князей Рус занимает в отношении Словена подчиненное положение, что подкрепляется ссылками на топонимические реалии, объясняемые через родственников Словена»¹⁰¹. Имя еще одного персонажа повести Лёвшина, князя Желатуга, было позаимствовано из летописной легенды. В «Повести о богатыре Булате» ему отведена роль слабого, несчастного государя, во времена правления которого страна разоряема междоусобицами. Кроме того, в лёвшинской версии он прямой наследник Руса, его сын. По летописной легенде, внук князя Словена (Славена) Жилотуг «утопе еще детск»¹⁰².

Помимо Руса, Славена и Желатуга участниками легендарных событий становятся персонажи вовсе не знакомые древнерусскому преданию — Аспарух, отец князя Руса и «величайший кабалист своего времени» (IX, 26), и его ученик Роксолан. Любопытен выбор имен. Аспарух — имя ис-

¹⁰¹ Мыльников А.С. Картина... С. 43.

¹⁰² Ромодановская Е.К. Русская литература... С. 206. Не исключено, что персонаж был наделян «биографией» через осмысление его имени (Желатуг — 'желя', 'тужить', вопреки значению древнерусского слова, к которому восходит имя летописного персонажа: «жилотуг» — ручей). Рассказ о нем умещается в нескольких строках, доминанта которого — горе, несчастье, печаль.

торического протоболгарского хана, под предводительством которого была завоевана северная Болгария и основано государство (имя Аспаруха упоминается, например, в труде И. Штриттера¹⁰³). Имя Роксолана тоже весьма значимо.

В русской историографии от Синописа продолжается традиция связывать племена россов и роксолан: «От тех же Сарматских и Славяноросских осад той же народ Росский изыде: от него же нещии нарицахуся Росси, а инии Аляны, и потом прозвашася Роксоланы»¹⁰⁴. Как российский историк М.В. Ломоносов разворачивает аргументацию об упоминании россов под именем роксолан в сочинениях античных авторов¹⁰⁵. Таким образом, в повести Лёвшина Роксолан, чародей, хранитель государственной святыни, оказывается тезоименен основателю государства — Русу.

В повести Лёвшина Аспарух своими чародейными силами содействует победам славян: в то время как Рус и Славен сражаются с аланами, Аспарух и Роксолан «удаляются» волковать в гору Алан, чтобы «учинить свой народ непобедимым». После смерти Желатуга остается его малолетний сын Видимир с верным советником, воспитателем и полководцем Драшко. Несмотря на нарочито славян-

¹⁰³ Штриттер И. Известия византийских историков, объясняющие Российскую историю древних времен и переселения народов. СПб., 1770. Ч. 1: О славянах. С. 100.

¹⁰⁴ Цит. по доступному нам изданию: Синопис, или Краткое описание от различных летописцев. СПб., 1810. С. 12. Татищев склонялся к мнению, что, хотя роксоланы «со многими другими, а более со славяны совокупясь воевали», «от них имя Россия неправильно производить начали. Я сего не отрицаю, что руссы, елико сарматы, с ними одного рода были, но чтоб сказать, что руссы от них произошли или имя приняли, оное никакого доказательства не имеет» (Татищев В.Н. История... С. 282). Будучи частным аспектом споров о норманнской теории происхождения русской государственности, академическая полемика задавалась вопросом о том, к какому языку возводить именование племен. «В середине XVIII в. вопрос о происхождении государства <...> сводился к этническому происхождению правящей династии <...> Происхождение имени Русь Г.Ф. Миллер выводил из термина *россалайна*, которым финны именовали шведов» (Шапиро А.Л. Историография... С. 157). Миллеру возражал Ломоносов.

¹⁰⁵ Ломоносов М.В. Древняя российская история... С. 209–213.

ские имена, упоминания о них в летописной легенде мы тоже не найдем.

Исследователи указывали на связь лёвшинской повести с древнерусским «Сказанием о Вавилоне граде»¹⁰⁶. В.В. Сиповский увидел праобраз лёвшинского венца Руса в шапке Мономаха из «Сказания о князьях владимирских» и в царских венцах из «Сказания о Вавилонском царстве», а праобраз золотого сосуда — в царских дарах из древнерусских повестей — «золотом кубке» и «сердоликовой крабце». В повести Лёвшина восшедший на престол Видмир поручает богатырю Булату возратить корону Руса, потому что «обычай славян не позволяли возлагать диадиму на главу нового государя, кроме той, которую носили его предки» (IX, 5) (ср.: «оттоле и донныне тем венцем венчаются царским величии князи володимирьстии»¹⁰⁷).

Короне Руса сопутствует молва о том, что она, якобы, упала с небес на голову Руса. Возможно, на этот сюжетный поворот оказала влияние скифская легенда, пересказанная В.Н. Татишевым со ссылкой на Геродота: «во время то приключилось, что с неба на землю упали золотые плуг, телега, алебарда и чаша, которое в том месте учинилось, где ныне Скифия». Золотые вещи достаются только одному, самому достойному, младшему брату, после чего «большие братья ему старшинство с правительством уступили»¹⁰⁸. Предшественник В.А. Лёвшина М.И. Попов использовал материал этой скифской легенды во вставной «Повести Липоксая скифа» в «Славенских древностях».

Представляется существенным, что Лёвшин интуитивно определил типологическое родство, с одной стороны,

¹⁰⁶ См.: Сиповский В.В. Очерки... С. 72; Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914. С. 526; Тудоровская Е.А. Сказка... С. 180. Все они ограничили указанием на сходство, и более детального исследования не проводилось.

¹⁰⁷ «Сказание о князьях владимирских» цит. по кн.: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 177.

¹⁰⁸ Татищев В.Н. История... С. 132. «Баснословие чуди» о падении с неба золотых вещей излагает и М.В. Ломоносов в «Древней Российской истории» (С. 199).

сюжетов повестей о Мономаховом венце и о Вавилонском царстве — династического сюжета и скифской легенды, с другой стороны. Ведь легенда скифов, изложенная Татишевым, тоже об основателе рода и атрибутах власти¹⁰⁹. В архаических культах и много позже считалось, что власть «боговенчанна», дается по божественному соизволению¹¹⁰. Падение короны с неба — знак божественной освященности власти. Лёвшин архаизирует известный сюжет о венце Мономаха, возводя его к прямому получению благословения царской власти с неба. Метафора «даровано небесами» ошестествлена в его повествовании, однако, пользуясь древней мифологемой, автор «Русских сказок» не забывает указать и осудить языческое суеверие:

Корона Русова считалась некоею святынею; жрецы уверяли, что она ниспала с неба, и что сей дар богов был единственною причиною благоденствия и побед славенского народа (IX, 5–6).

Осуждение суеверия не мешает работать сказочной фантастике. На самом деле, как дальше узнает читатель, Аспарух вместе со своим учеником Роксоланом, создав «из металлов и стихий» золотой венец и сосуд, инсценировали спускание венца с небес на голову Руса при помощи ковра-самолета и золотой нити. Этот «благонамеренный обман» предназначен для простолюдинов: через «обоготворение венца» «нужно утверждать простолюдинов в предрасудках как для того, чтобы привести их в повиновение, так и затем, чтоб можно было при всяком нужном случае возбуждать их ревность и храбрость под предлогом защищения вещи, кою сочтет он за святыню» (IX, 40).

Прежде венчания Руса Аспарух и Роксолан приносят к истукану Чернобога венец и золотой сосуд, обращаются к нему с молитвой, и огонь из уст Чернобога помещается

¹⁰⁹ Ср.: «Из сих произошли три их народа <...> от младшего короли паралати именованные, начало имеют, но греки их имянуют скифами» (Татищев В.Н. История... С. 132).

¹¹⁰ Мотив чудесного рождения, различных знамений нередко сопровождал рассказы об основателях царств и династий (Фрэзер Д. Фольклор и Ветхом Завете. М., 1985); см. также: Пропп В.Я. Мотив чудесного рождения // Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976; Криничная Н.А. Персонажи... С. 68, 88–90, 92–93.

«невидимо в златом сосуде» и чертит «неизгладимыми буквами должности государя на венце Русовом»:

Монарх! Коль хочешь быть достойным, забудь себя и будь лишь отец, страж и слуга твоего народа (IX, 37).

Концепция божественного происхождения власти предназначена для толпы, в то время как монарху преподается другой урок — «как ему должно вести себя на престоле». Причем эта истина обретается после полного опасностей путешествия к Южному полюсу, что придает ей особую ценность. Таким образом, благополучие державы основывается на том, что «подданные каждое повеление своего государя приемлют как глагол божественный», а государь «следует надписанному на венце» (IX, 41). Формула счастливого, цветущего государства заключается в соединении двух концепций власти — в глазах народа власть остается божественным соизволением, а властитель помнит о своей ответственности перед подданными. Аспарух переписывает наказ Чернобога с венца в «священную книгу, под заглавием: *о должностях государей*, которые поднесь еще читают каждому нововенчанному, и о силе коих простой народ ведать не должен, ибо счастье оно в том заключается, чтоб не знать того, что редкие венценосцы наблюдают» (IX, 47). Народ получает свидетельство богоизбранности монарха, а Рус — основатель рода — прежде всего получает от божества наказ в отношении своих обязанностей¹¹¹. Венец — знак власти — остается святыней и для монарха, в смысле «предписанных на оном законоположений» (IX, 40). Концепция власти, изложенная на страницах повести, восходит к теории договорного происхождения государства, в отечественном варианте — к «Правде воли монаршей» и «Духовному регламенту» Феофана Прокоповича, в которых идея ответственности государя соединяется с идеей божественного происхождения царской власти.

¹¹¹ Это сближает левшинский сюжет с библейской историей о том, как возглавившему исход евреев из Египта Моисею были спущены с небес каменные скрижали с божественными заветами.

Тема династической преемственности русской власти от греческих императоров занимала существенное место в исторических сочинениях XVII века¹¹². В частности, в Синописе помещено пространное повествование, рассказывающее «О сем откуда Российские самодержцы венец царский на себе носить начаша» — о том, как греческий император Алексей Комнин послал Владимиру Всеволодовичу, прозванному Мономахом, крест, царский венец, скипетр и другие «царские знамена и дары»¹¹³. Этот сюжет не был забыт русской историографией XVIII столетия¹¹⁴.

Представляется весьма значимым то, что Левшин объединил два сюжета (об основателях рода Русе и Славене и получении символов власти) в один, отнеся, таким образом, возникновение государственности и установление закона о должном отношении государя к своим обязанностям к древнейшим временам российской истории, хотя бы и в вымышленном повествовании. Рус в повести Левшина выступает одновременно и как глава рода, и — на символическом уровне — как персонификация этноса¹¹⁵. Таким образом, получение им атрибутов власти и наказа — знак божественного благоволения к народу и залог процветания отечества. Не случайно пророчества о судьбах русского государства занимают существенную часть повести о Булате. Например, предсказание Чернобогом будущего «храбрых русов» по Книге судеб:

...Судьба определяет неустрашимость и победы участию твоего народа. Оный покорит страны, в которые шествует; весь север и части востока, юга и запада подвергнутся его власти; прочие же страны и народы вострепешут единого имени. Я всегда буду покровитель его, венца и златого сосуда. Доколь князи русские будут венчаться венцом сим, доколь будут сохранять таинственно пред-

¹¹² См.: Мильников А.С. Картина... С. 106–111.

¹¹³ Синопис. С. 101.

¹¹⁴ См., например, в сочинениях В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова: Татищев В.Н. История... С. 365; Ломоносов М.В. Краткий Российский летописец // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 303.

¹¹⁵ О синкретическом единстве в архаических преданиях предка-родоначальника, вождя, божества и первопоселенца, о взаимоотношениях вождя и персонифицируемого им народа см.: Криничная Н.А. Персонажи... С. 96, 98, 106.

писанные во оном законы, держава и меч их не поколеблются; но восстает твое отечество, когда они от сих уклонятся. Венец их впадет в руки чуждых; борьба, смятения покроют лице славной славенской области <...> Однако я всегда воздвигну ее из ея чаемых развалин (IX, 34–35).

Профетические речи, предсказания поднимают события повести до аллегорического уровня. Возвращение «золотого века», по мысли автора, состоялось в сегодняшнем дне. В заключительных словах повести уместается вся российская история:

Видимир <...> *восстановил славу русов и учинил имя их по-прежнему страшно во всех странах света.* Потомство его следовало правилам венца Русова, и до тех пор шастие государства сохранялось; впоследствии ж, когда оно от них уклонилось, *русы раздробились и обессилили*; златый сосуд стал невидим и надписание на венце русовом загладилось. Однако ж Роксолан предсказывал, что некогда отечество его учинится страшнее свету, нежели когда-либо бывало; что монархи его вспомнят правила аспаруховы и возвратят на землю свою *златый век, что ныне исполнилось* (IX, 330–331).

Собственное рыцарское странствие Булата соткано из повторяющихся мотивов рыцарского романа: вскармливание молоком лвыицы и воспитание у пустынного, который готовит героя к исполнению предназначения; странствие и приключения, в числе которых встреча с девой-воительницей, похищение у спящей девичьей чести, победа над исполином с железной головой, двенадцатиглавым змием и римским войском, и прочее. Знакомый читателям по «Повести о Брунцвике» сюжет о бое льва и змея и помощи героя ослабевающему льву (IX, 18), как это неоднократно происходит у Лёвшина, обрастает дополнительными сюжетными ходами. Оказывается, что возле золотого сосуда на пустынном острове сражаются в образе льва и змея Роксолан и злой чародей Змиулан, причем битва эта происходит еженедельно и являет собой битву между адскими силами и чистыми служебными духами (IX, 87). Роксолан обращается во льва благодаря дару Чернобога — «львиной шкуре со стальными великими когтями», которые могут противостоять чародейной броне Змиулана (IX, 85). Роксолан открывает Бу-

лату, что он специально сотворил бурю и привел его на пустынный остров с тем, чтобы Булат мог получить его наставления и помочь ему сразиться со Змиуланом (IX, 90)¹¹⁶.

В числе встреч Булата голова богатыря Сидона, ученика Еруслана Лазаревича, который, так же как его учитель, лежит среди бранного поля.

Таким образом, рассмотренная нами повесть строится из мотивов волшебного рыцарского романа, хотя идеологический ключ к ней лежит в переработке Лёвшиным легендарного материала.

Историографы XVIII в. в целом отнеслись с недоверием к сведениям из Новгородской степенной книги, содержащей рассказ о Русе и Славене. Строже всех высказался В.Н. Татищев: «Колико сей сказитель, или паче враль, вероятия достоин, я толковать оставляю, но довольно того, что он никакого древнего свидетельства на то не покажет»¹¹⁷. Поэтому в историографических сочинениях, в лучшем-случае, «баснословно вымышленные» имена пратцов лишь упомянуты. Только М.В. Ломоносов изложил вкратце содержание Новгородского летописца. В XVIII столетии легенда о Русе и Славене прекращает свое существование в качестве факта исторической науки¹¹⁸.

В основе процесса эволюции предания, согласно Н.А. Криничной, лежит «метафоризация архаических образов»¹¹⁹. Так, сюжет о божественном освящении власти изменяется в сторону метафорического истолкования: свет, огонь с неба преобразуются в золото, а в позднейших преданиях отливаются в образе золотой короны, которая

¹¹⁶ На заимствование сюжетного мотива битвы между львом и змеем указывали В.В. Сиповский и Е.А. Тудоровская: *Сиповский В.В.* Очерки... С. 228; *Тудоровская Е.А.* Сказка... С. 181. Исследовательница отмечает еще один сюжетный ход, взятый Лёвшиным из «Повести о Брунцвике» — се-стра исполина (принцесса Африка) принуждает героя жить с нею.

¹¹⁷ *Татищев В.Н.* История... С. 311.

¹¹⁸ Зарождение легенды о прародителях, этапы ее эволюции и угасание доверия к ней научной мысли показал А.С. Мильников в своей книге «Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века».

¹¹⁹ *Криничная Н.А.* Персонажи... С. 78.

падает на голову избранника¹²⁰. Помимо короны, нередко царскими знаками становятся такие предметы, как пояс, шапка, кольцо¹²¹. Таким образом, древнерусские повести о получении царских регалий представляли собой позднюю фиксацию этого легендарного сюжета¹²².

Легенда, утратив научную ценность, переходит в арсенал художественной литературы. Сюжет, имеющий давнюю культурную традицию, обладал, несомненно, притягательной силой, будил патриотические чувства и мог обеспечить читательский успех.

В последнем, претерпевшем наибольшие изменения издании сборника 1820 г. «Повесть о богатыре Булате» стоит сразу же за первыми повестями о трех богатырях князя Владимира — о Добрыне Никитиче, Чуриле Пленковиче и Алеше Поповиче, демонстрируя таким образом тематическое единство этих повестей, посвященных становлению русской государственности на юге и севере России, и завершая ряд богатырских повестей торжественным аккордом.

Итак, в «Повести о дворянине Заолешанине» и «Повести о богатыре Булате» реализован сюжет о рыцарском странствии, и хотя движущим мотивом странствия дворянина Заолешанина является поиск возлюбленной, а во второй повести — миссия спасения отечества, возложенная на богатыря Булата, оба героя совершают подвиги во имя человечества. Общим для них лейтмотивом является осуществление воли Провидения. В первом случае акцент перенесен на личную судьбу героя — это сюжет о следовании пути добродетели, где конечной наградой и главной ценностью выступает «покой души». Вторая повесть посвящена судьбам отечества. Благодаря использованию легендарного материала (легенды о Русе и Славене) и переосмыслению архаического династического сюжета (о царских знаках) Лёвшин придал сюжету о рыцарском странствии актуальный идеологический заряд в соответствии с потребностью

¹²⁰ Криничная Н.А. Персонажи... С. 90.

¹²¹ Там же. С. 92–93.

¹²² См. также: Плеханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. Гл. V. О природе царства. Легенда об обретении царственной силы. С. 171–177.

эпохи в историко-легендарных сюжетах о началах русской государственности, связанной с подъемом национального самосознания.

Таким образом, предметом исследования в настоящей главе стало переосмысление Лёвшиным в «Русских сказках» традиционных русских и западно-европейских сюжетов на разных стадиях их бытования (героический эпос, волшебный-рыцарский роман). Нами были рассмотрены сюжеты, общие как для эпоса, так и для рыцарского романа, и их особенности: змеборческий сюжет; сюжет о рождении и воспитании героя; его странствие, эпизодами которого оказывается добыча оружия и коня, спасение утесняемых, поиск невесты. Мы наблюдаем также трансформацию рыцарского кодекса, который получает дополнительную нравственную мотивировку (защита слабого и покровительство женщинам), которую условно можно назвать «интериоризацией» поведенческого кодекса богатыря. Так, традиционные для рыцарского этоса понятия «чести и славы» (М. Оссовская) заменены в лёвшинском повествовании понятием «добродетели», которая сопрягается с «покоем души», что позволяет усматривать влияние общего литературного и культурного контекста 70–80-х гг. XVIII в.¹²³

Глава 3

Сказочно-историческая модель повествования в сборнике В.А. Лёвшина

3.1. Смешение «истины» и «баснословия» как основа сказочно-исторической модели повествования

Основной прием создания сказочно-исторического повествования был обозначен самим Лёвшиным в предисловии к сборнику — это принцип смешения достоверного и вымышленного («истинны и баснословия») на всех уровнях текста: в системе персонажей, в сочетании географических

¹²³ Следует отметить, что мотив «следования добродетели» характерен и для героев непосредственных предшественников Лёвшина — Попова и Чулкова.

который служил легендарному князю Асану. Последний назван летописной «Повестью еже о начале Руския земли» в числе трех легендарных князей, получивших грамоту от Александра Македонского:

Сей Тугоркан был правое крыло старославенского князя Асана и покорил ему тридцать разных государств. Асан, из любви к нему, воздвиг вечный знак над его могилою, насыпав на месте том превысокий курган, который прозван бронница (V, 154).

На периферии приключений главных героев обязательно упоминаются имена легендарных или исторических лиц, которые выступают в качестве великих современников или основателей рода. В «Повести о дворянине Заолешанине» упомянуты два брата Асана: княжна Бряцана ведет свой род от князя Великосана; Громобой «происходит от славенских государей, ибо предки его имеют в жилах своих кровь великого князя Авесхасана» (V, 115).

Почти все повести богатырского цикла начинаются в точке исторического или легендарного факта. «Повесть о Добрыне Никитиче» открывается описанием языческого быта князя Владимира, источником сведений о котором стала летопись Нестора:

Повесть временных лет

Бе же Володимер побежен похотью женьскою, и быша ему водимья: Рогнед <...> от нея же роди 4 сыны <...> а от болгарыни — Бориса и Глеба; а наложьницъ бе у него 300 Вышегороде, а 300 в Белегороде, а 200 на Берестове в селци⁵.

«Повесть о Добрыне Никитиче»

Во время неверия Владимир имел множество жен, между которыми была у него болгарыня, именем Милолика, чрезвычайной красоты <...> Она взята была в плен <...> волжскими разбойниками <...> для великой красоты доставлена к Владимиру, который с первого взгляда толь заражен стал прелестьми ее, что предпочел ее всем женам своим и освободил всех 800 наложниц, заключаемых для него в Вышграде, чем и приобрел сердце гордой сей красавицы. Дни текли в совершенной радости <...> С сего обстоятельства начинается повесть (I, 13–14).

⁵ Цит. по современному изданию: *Повесть временных лет*. СПб., 1996. С. 37. В.Н. Татищев сравнивает сведения о женах Владимира, ко-

В произведении Лёвшина исторические факты (Вышград, 800 наложниц, жена-болгарыня) соединяются с художественным вымыслом: автором придумано имя жены Владимира — Милолика — и все остальные обстоятельства их встречи (спасение от разбойников). Вопреки общепризнанной историографами точке зрения о причинах отказа от многоженства Лёвшин развивает романтическую линию: именно любовь к Милолике, а не крещение подвигает князя Владимира отпустить наложниц (Ср. у В.Н. Татищева: «Владимир вскоре по крещении упрощен бе отпусти жены от себе, яко обесча...»⁶).

Наименее связанная с национальным эпосом «Повесть о Дворянине Заолешанине» начинается с того, что «полковой воевода» великого князя Святослава Игоревича Громобой-Свеналд, «утруженный военными подвигами, удалился по смерти своего государя в свои вотчины» (V, 31). «Повесть временных лет» давала скудные сведения о киевском воеводе князя Святослава Игоревича Свенальде⁷. Его история после службы князю была полностью придумана Лёвшиным, как и второе имя воеводы: «Громобой назывался обыкновенно Свеналдом, а имя сие придано ему за победы» (V, 31, прим.).

Каждая повесть первой части сборника завершается перечнем последующих подвигов богатыря, фантастические события в них смешаны с такими, которые находятся в рамках исторической вероятности. После изображения торжеств по случаю победы Добрыни Никитича над Тугарином повествователь рассказывает читателю о том, что стало с героем в дальнейшем:

Добрыня Никитич окончил век свой при дворе Владимировом, в славе и почтении от своего государя и любим россам. Он не вступал в брак и провождал дни, по должности своей, в ратных подвигах, и увенчал чело Владимирово множеством лавров. Он разбил *тремя* войнство греков, побрал их города, лежащие на Черном, или Меотий-

торые дают Нестор и Иоаким: «Жены Владимира весьма иначей описаны <...> А о протчих так многих женах и наложницах Нестор, кроме числа, ничего не написал» (*Татищев В.Н.* История... С. 113).

⁶ *Татищев В.Н.* История... С. 113.

⁷ *Повесть временных лет*... С. 27, 28, 35.

реалий и исторических сведений с авантюрным сюжетом (героическим и комическим); особенную тему на страницах повестей составляют волшебства и фольклорная фантастика. Автор явственно расставляет сигналы достоверности и, одновременно, вымышленности повествования, приглашая читателя к активному чтению, к участию в игре «правда — ложь». Качание между правдоподобным и вымышленным, сказочным вымыслом и исторической достоверностью легло в основу богатырских повестей сборника. В задачи настоящего параграфа входит рассмотрение манифестации достоверности и вымышленности на всех уровнях повествовательной структуры.

Так, комментируя состав персонажей в сборниках, подобных «Русским сказкам», М.Н. Сперанский писал: «эти “сказочные” (иногда и “былинные”) имена (Добрыня, Тороп и др.) обыкновенно тонут в массе литературных имен, вроде Милорадов, Милен, Миловзоров, Добрад, Прилеп, Кривидов и т.п.»¹. Это справедливо в отношении сборника Лёвшина лишь отчасти. В самом деле, исходную точку сюжета образуют герои русского эпоса (князь Владимир и его богатыри) и персонажи, чьи имена не связаны с какой-либо литературной или фольклорной традицией — Милолика, чародей Сарагур, волшебница Добрада и др. Герой Лёвшина нередко носит имя, уже известное по какому-либо фольклорному, литературному или историческому источнику, но его приключения могут быть не связаны с предшествующей традицией. Например, имя воина Змиулана из популярной рукописной «Повести о Францеле Венециане» перешло злому чародею «Повести о богатыре Булате», который подписал князю демонскому «клятвенное на душу рукописание». Однако значительно чаще вместе с именем из другого источника в текст переходит репутация его обладателя и, даже более того, новый сюжет получает коннотации с уже известным сюжетом, при этом создается эффект обрастания биографии героя дополнительными деталями. Примером «приписывания» герою новых приключений может служить упоминание об участии Еруслана Лазаревича в поединке за

¹ Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в.: Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963. С. 77.

владение кладовой богатыря Агрикана («Повесть о Добрыне Никитиче»), или рассказ о покровительстве ему волшебницы Добрады («Повесть о богатыре Булате»), или новые детали биографии татарского князя Агрикана из поэмы Боярдо («Повесть о Добрыне Никитиче»).

В лёвшинских повестях судьбы персонажей причудливо переплетены с именами легендарных и исторических деятелей. Мы уже упоминали Александра Македонского, легендарных князей Руса, Словена, Жилотуга и Аспаруха. В статье Д.М. Шарыпкина было отмечено использование Лёвшиным «Истории Датской» Гольберга: в «Повесть о дворянине Заолешанине» включен эпизод встречи Заолешанина с датским героем Стеркатором и описание подвигов последнего².

Эпический князь Владимир у Лёвшина подчеркнута соотнесен с историческим князем Владимиром, крестившим Русь. Первая повесть сборника начинается словами «Во времена неверия...», в конце ее пунктиром обозначено будущее крещение Владимира:

Один только первосвященник Перунов ужасно сердился, для чего Тугарин истреблен, а не заклан на жертвеннике бога грома. Он предвещал гнев небес и множество несчастий. Однако судьба учинила его лжецом <...> ибо Владимир вскоре потом принял закон истинный и самого Перуна с братию отдал ловко (I, 145).

В той же повести болгарским царством вместе с казарской княжной Куриданой Чуловной правит князь Богорис — его имя упомянул В.Н. Татищев в рассказе о крещении болгар³. Источники по болгарской истории дают также имя короля Тревелия, в лёвшинской повести — сына князя Богориса⁴. Тугоркан, носящий имя известного по опубликованной в 1767 г. летописи Нестора половецкого хана, в «Повести о дворянине Заолешанине» — богатырь,

² Шарыпкин Д.М. Сказочная повесть Лёвшина «О исполине Стеркаторе» // XVIII в. Сб. 10. Русская литература и ее международные связи. Л., 1975. С. 220–225.

³ Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 105.

⁴ См., например, труд Паисия Хилендарского «История славеноболгарская» (1762; Никифоров перепис от 1772 г.), которая давала следующую характеристику «кralю Тревелию»: «был благополучен, веледушен и мудр».

ском, озере. Херсон неприступный покорился руке его, и сия отверзла в него путь торжествующему Владимиру. Враждебная Польша не смела напасть на Белоруссию. *Ятвяги, радимичи, косоги и певцины платили покорно дани*, понеже трепет наполнял их от одного имени богатыря сего. Он в жизнь свою убил *четырёх чудовищ, сорок богатырей* и разбил с одним слугою своим Таропом *девятнадцать воинств* (I, 145–146).

Летопись Нестора и В.Н. Татищев, пересказывающий Иоакимовскую летопись, упоминают имя Добрыни — воеводы и дяди князя Владимира. Д.С. Лихачев, анализируя проникновение родового предания в летопись и былевой эпос, остановился на некоторых сторонах связи былинных сюжетов о Добрыне с летописными известиями⁸. Согласно роли Добрыни в военных и политических успехах исторического князя Владимира, а также в брачном посольстве за рукой Рогнеды, с учетом рудиментов вышеуказанного в национальном эпосе, у Лёвшина Добрыня Никитич выступает первым и главным богатырем рыцарского ордена, основной военной силой в защите рубежей и сборе дани, а в сюжете повести — защитником Милолики, супруги князя Владимира. В перечне подвигов Добрыни Никитича сочетаются эпические числа (три и сорок) с жанрово-немотивированными и потому правдоподобными (четыре и девятнадцать).

В известном эпизоде русской истории, относящемся ко временам княжения Ярослава Мудрого, противником косоожского князя Редеди выступает Мстислав⁹. У Лёвшина с этим князем борется Добрыня, причем исторически достоверная причина (уплата дани) и обстоятельства поединка (борьба без оружия) переплетены с фольклорным мотивом исчисления («девять стрел») и традиционным для эпоса поединком с исполином, и сопровождается мягким юмором — на помощь герою приходит слуга, который девятью стрелами выбил врагу оба глаза:

Сей верный слуга разделял с ним все опасности и труды и неоднократно пособствовал к победам, как то *в сражении с косоожским*

⁸ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет... С. 278.

⁹ Повесть временных лет... С. 64; Ломоносов М.В. Древняя Российская история // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 281.

князем *Редедю* спас и жизнь ему. Сей *Редедя* был исполн и, отложившись от подданства Владимирова, не хотел платить дани. Посланный для укрощения его, Добрыня вызвал одного на поединок, но сей хитрый князь *вырвал из рук его копье Нимродово и схватил в руки самого Добрыню, чтоб задушить его*. Верный Тороп в то мгновение пустил в него *девять стрел* вдруг и выбил ему *оба глаза*, а Добрыня успел, освободясь, пересечь его мечом с головы до ног. Если *слава* сильному, храброму и добродетельному богатырю сему *возглашает хвалу и в наших временах позднейших*, поистине сотрудник его Тароп не меньше заслуживает вечную память (I, 145–147).

Другой эпизод «Русских сказок» восходит к описанию сражения князя Владимира с печенегами при реке Трубеже. Вопреки летописному преданию о вышедшем на бой отроке-кожемяке, исход битвы решает участие дворянина Заолешанина:

Повесть временных лет

Идее Володимер на *Хорваты*. Пришедшу бо ему с войны хорватская, и се *печенеги придоша* <...> Володимер же поиде противу им, и сrete я на *Трубежи* <...> Выпустиша печенеги мужь свой, бе бо превелик зедо и страшен. И выступи мужь Володимерь, и узре и печенежин и посмеяся, — *бе бо середний телом* <...> И ястася, и почаста ся крепко держати, и *удави печенежина в руку до смерти*. И удари имь о землю. И кликнуша, и *печенеги побегоша, и Русь погнаша* по них секуще, и прогнаша я¹⁰.

Ломоносов

Владимир, ходив на болгар и хорватов и с победами возвращаясь, услышал, что хотя пользоваться его отсутствием и не боясь утомленного войска, приблизились с великими силами печенеги и за *Трубешем* против него ополчились. Немедленно храбрый государь вышел навстречу и на противном берегу стан поставил. Печенеги требовали на поединок борца от Владимирова войска, представляя своего *исполина* <...> Печенег, видя соперника ростом пред собою мала (он был посредствен), презирал и насмеялся <...> Молодой ремешник, схватив печенега, поднял, ударил о землю и *дух из него вышиб* <...> *Печенежское войско*, объятые робостию, *обратилось в бегство*. *Россияне*, по княжескому повелению вслед достигая, множество *неприятелей на поле постлали*¹¹.

«Повесть о дворянине Заолешанине»

...Равномерно оказал он (Звенислав. — Л. К.) силу свою в походе со Владимиром на *кرواتов*; и когда в отсутствие сие *печенеги ввали*

¹⁰ Повесть временных лет... С. 54–55.

¹¹ Ломоносов М.В. Древняя Российская история... С. 271–272.

в Россию с сильным войском, тогда Звенислав снял на себя прогнать их, и дни в два настиг их при реке Трубеже. Тут учинил он великое им поражение и убил исполина их Кудара. Бегущие после сего печенеги встретились с отрядом войск Владимировых, посланных и поспешавших на помощь Звениславу, и быв гонимы с одной стороны богатырем сим, а с другой встречены оным отрядом, истреблены в конце (VI, 89–90).

Имя печенежского исполина Кудара, возможно, переключается с именем летописного печенежского князя Кури, убийцы князя Святослава Игоревича. Летописный отрок-кожемяка, образ которого был использован Лёвшиным при создании «Повести о Чуриле Пленковиче», заменен на другого героя, чьи эпические черты усилены соразмерностью силы с военным отрядом. В историческую рамку автор вписывает сказочный, эпический, романский сюжет.

Еще одним примером того, как Лёвшин, беря в основу исторический факт, составляет сказочно-историческую модель повествования, может послужить история победы богатыря Булата над римским полководцем Камиллом. В числе других побед Булат разбивает наголову войско римлян, «народа, прославившегося в свете своею храбростию». Кульминация победы выражена через образ приведенного на веревке полководца Камилла. Историографическая традиция, начиная с Тита Ливия и Плутарха, приписывала римскому военачальнику взятие после десятилетней осады г. Вейи. Затем, обвиненный в присвоении добычи, Камилл отправился в добровольное изгнание, но после разгрома Рима галлами был возвращен на родину. (Русскому читателю биография Камилла в первую очередь была известна по переводу сочинения Плутарха.)

В повести Лёвшина Камилл, покинув г. Вей, останавливается недалеко от земель аваров и кософов. Демон Астульф¹², движимый местью, внушает Камиллу страсть к княжне Светане: «...известен был гордый и влюбчивый нрав сего римлянина». Страсть диктует Камиллу вторгнуться в земли аваров, при это автор дает римлянам нелеприятную характеристику: римляне, готовые «к завладе-

¹² В поэмах Боярдо и Ариосто имя Астульфа (Астольфа) принадлежит лангобардскому королю.

нию какую-нибудь область», «присвоившие себе право завладеть всем светом, имели <...> войска во всех странах обширных границ своих» (IX, 137). На выручку аварам приходит богатырь Булат, который отказывается от доспехов, богатырского коня, пешком преодолевает путь восьми дней за два дня, и при помощи своей дубины побивает римское войско:

Он <...> погнал римлян подобно быстрому соколу стадо галок <...> и словом, он проворно разносил смерть всюду (IX, 166–167).

Примечательно, что автор «Русских сказок» вписывает свой сюжет (о приходе римского войска во главе с Камиллом в земли аваров и кософов и о войне за княжну Светану) между двумя достоверными событиями из биографии исторического военачальника Камилла. Как бы предвосхищая возражения, Лёвшин дает специальное примечание, поясняющее, как могло случиться, что о торжестве русского богатыря Булата над римским полководцем Камиллом никто доселе не слышал:

Может быть, о сем происшествии нет ничего верного в летописях римских; повествователи гораздо бывают скромны в рассуждении случаев, приносящих не великую честь их отечеству. Однако ж во временниках аварских видно, что Камилл за сие изгнан из своего отечества и уже прощен после Аллианской баталии, которую после него проиграли римляне против галлов (IX, 169, прим.).

Безусловно, прием введения в фабулу лица, носящего историческое имя, не был новшеством со стороны Лёвшина. Использование исторических имен характерно для нарративной литературы начиная с древнейших памятников¹³, в том числе и для волшебного-рыцарского романа (например, у Тассо действует герой Камилл, который является «потомком древних римлян») и прециозного галантно-героического романа. Вписывая сюжет, частотный для сказочного эпоса и рыцарского романа, — об осаде города, завоевании царства с целью получить невесту — между двумя известными точками биографии полководца, Лёвшин соз-

¹³ См.: Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 35–96.

дает «романизованную» версию исторических событий, в которых любовь является двигателем интриги.

Булат, освобождая Камилла, говорит: «Познай же <...> что Римляне не могут у славян выиграть ни в храбрости, ни в великодушии» (IX, 180). В ответ Камилл предлагает «вечный мир», и пишет грамоту, в которой кроме условий описывает «беспристрастно все причины, принудившие Римлян заключить вечный союз с славянами» (IX, 181). Легендарная грамота, в которой Александр Македонский утвердил за славянами землю и вольность, выданная русским князьям — Асану, Великосану и Авесхасану, не стала материалом для событий повестей Лёвшина¹⁴. Вместо нее тот предлагает другую легенду — о грамоте, в которой римляне признают «величество и могущество» славян.

Обусловленная выбранным жанром, авторская установка на соединение откровенно вымышленного и исторически достоверного материала особенно отчетлива на фоне его историко-географического труда, в котором, в частности, есть место и вопросу о римском присутствии на русских землях. Лёвшин комментирует случаи находок римских и греческих монет в курганах Тульской губернии:

...Попадающиеся же иногда тут монеты древние римские и греческие подают случай к различным догадкам, ни на каком, однако, верном историческом свидетельстве не основанным, кроме вероятно, что происхождение сих насыпей должно отнести в глубочайшую древность, мраком веков покрытую¹⁵.

Автор устанавливает связи между изобретенными им персонажами и героями, чьи имена уже известны читателю по различным источникам — фольклорным, литературным, по летописным свидетельствам и историческим сочинениям. Они взаимодействуют в едином пространстве текста, наполненном фантастическими событиями, которое стремится сомкнуться с историческим временем.

¹⁴ Язык и идеи этой грамоты были дискредитированы в переписке Кашея и Ценувирана из «Повести о дворянине Заолешанине».

¹⁵ Лёвшин В.А. Исторические, статистические и камеральные известия, относящиеся до Тульской губернии // Политический, статистический и географический журнал, или Современная история света. 1807. Ч. 2. Кн. 3. С. 205.

В.Б. Шкловский справедливо заметил относительно повестей из «Русских сказок» и подобных им романов, что в них «отсутствует попытка на какую-нибудь хронологическую увязку событий, вернее, события почти сознательно разновременны»¹⁶. Думается, что в данном случае можно говорить о намеренном со стороны автора анахронизме.

Жанр волшебного-рыцарского романа, который лежит в основе модели сказочно-исторического повествования, предполагал в тексте волшебных помощников, добрых волшебниц, злых чародеев и волшебные предметы (зеркала, перстни, оружие, талисманы). Однако век Просвещения с его борьбой против суеверий и игра в историческую достоверность ставили автора в особую позицию по отношению к романному волшебству и фольклорной фантастике. В повестях сборника явно обозначилась тенденция к объяснению волшебства через законы природы, «естество природы»¹⁷. Герои Лёвшина высказывают свое отношение к чудесному в духе XVIII столетия, называя предрассудками веру в «чародейства». Чудесное оказывается основанным на законах природы, и даже волшебник произносит речи, наполненные естественно-научным пафосом:

Все, что нам кажется чрезвычайным, есть только следствие человеческого разума. Люди, вникающие во испытание естества, доходят во оном до начальных причин, и чрез сии предузнают имеющее случиться <...> и следствиями удивляют людей столько, что бывают от них считаемы за волшебников (IX, 25).

Фантастический пласт, который был усвоен, разработан рыцарским романом, а затем волшебного-рыцарской поэмой, оставлен Лёвшиным без комментария: это дань жанру, его общим местам. Признание законов жанра и вместе с тем рефлексия над ним и, как следствие, насмешка над общими местами романов постоянно сопresentуют в образце

¹⁶ Шкловский В.Б. Чулков и Лёвшин. Л., 1933. С. 172.

¹⁷ По мнению О.И. Киреевой, именно рационализация фантастики составляет магистральную линию эволюции жанра, к которому исследовательница относит произведения писателей фольклорного направления (Киреева О.И. Становление русской литературной сказки (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. С. 21).

Лёвшина — «Библиотеке немецких романов» — и составляют существенную часть воображаемых разговоров повествователя и читателя. Все это нашло отражение в «Русских сказках» и в следующем сборнике писателя — «Вечерние часы, или Сказки славян древлянских» (1787–1788). Особое внимание автор уделяет фантастике, источником которой послужил русский фольклор, древнерусская повесть и летописная легенда. Фантастические известия этого типа сопровождаются темой молвы о чудесах, которую порождает народное невежество и страх. На поверку чудесам находится рациональное объяснение или они объясняются при помощи романной фантастики, но народные представления, в конечном счете, оказываются ложными. Лёвшин, как и его предшественники, подвергает фольклорные сказочные мотивы «романной трансформации, романному “обращению”»¹⁸. Рассматривая «Повесть о Добрыне Никитиче», мы отмечали, что былинная фантастика преобразуется с привлечением арсенала волшебств из волшебного-рыцарского романа (бумажные крылья Тугарина составлены из «служебных духов»). Другой пример «укоренения» фольклорной фантастики в топике волшебного-рыцарского романа — составленный из птичьих перьев ковер-самолет («Повесть о богатыре Булате», IX, 38).

Известия о некоторых персонажах сопровождают разоблачительные слухи, которые в дальнейшем не подтверждаются. Например, окружающие отрицают существование Бабы Яги и крылатого коня Златокопыта, тем не менее герой отправляется на их поиски:

...Никто не видал жилища Бабы Яги, а многие еще и смеялись таковым вопросам, считая Бабу Ягу *выдуманною баснею*; однако известно, что оные *есть в природе*, говорили другие <...> Каждый, претерпевший несчастье от женщины, имел право доказывать, что есть Бабы Яги (V, 161–162);

Дорогою спрашивал я у многих, желая узнать обстоятельнее <...> все мне сказывали, что это только *выдуманные басни* (VI, 33–34).

Вставная повесть «О происхождении Бабы Яги» из «Повести о дворянине Заолешанине» дает «алхимическую»

¹⁸ Автухович Т.Е. Риторика и русский роман XVIII в.: Взаимодействие в начальный период формирования жанра. Гродно, 1995. С. 138.

версию ее появления на свет: черт, проводя опыты по извлечению эссенции зла, случайным образом получает Бабу Ягу (V, 244–245). Разозлившись на неудачу, он разбивает склянку, чем ломает ей ноги, но затем ставит ей костяные и дает алхимическую ступку. Образ Бабы Яги в лёвшинской повести лишь отчасти развивает фольклорный образ (она ездит в ступе, погоняя железным пестом; жарит и ест маленьких детей; крадет юных героинь и заставляет служить себе), но в целом сюжет строится в традиции волшебного-авантюрного романа и развивается в русле истории о влюбленной безобразной ведьме.

Лёвшин подвергает деконструкции фольклорный мотив о Кашеевой смерти. Тугоркан отправляется в поход против короля Кашея Бессмертного: «Слово “бессмертный” возбудило мое славолубие и желание сразиться с оным» (VI, 57). Молве о Кашеевом бессмертии сопутствует слух, который воспроизводит измененный фольклорный мотив:

...Смерть его заперта в камне, лежащем на дне окяна, что в оном есть утка и в утке *яйцо, которым надлежит ударить Кашея в лоб*. Уже многие усердные сыны отечества ныряли за оным камнем и *погибелью живота своего доказали, что Кашей бессмертен*. Я, с моей стороны, старался ободрить их, уверял, что то выдуманные басни, кои сам Кашей в народе рассеял, чтобы устрашить их (VI, 57–58).

Бой Тугоркана и Кашея окончательно переводит фантастику в рамки волшебного-рыцарского романа:

...Первый удар Самосеком разрушил вдребезги его *очарованную броню*, которая единственно делала его непобедимым. Другой удар кончил поединок, и голова бессмертного Кашея, упавшая к ногам моим, доказала, что *слух был ложный* (VI, 59–60).

Помимо романной трансформации в отношении фольклорной фантастики Лёвшин прибегает и к другому способу ее укоренения в повествовательной структуре — через рационализацию волшебного. Историческая наука того времени сходным образом поступала с фантастикой предания. Вычленение «реального субстрата “басни”» (А.С. Мильников) происходит через поиск рациональной основы, историческое событие реконструируется на основе представле-

ния о вероятном, о том, что может случиться с точки зрения здравого смысла¹⁹. Так же поступает с фантастикой предания романист. На страницах «Повести о богатыре Булате» возникают крылатые змеи и гигантский змей вокруг города, заимствованные из «Повести о Вавилоне-граде». Молва приписывает Царь-девице владение «войском крылатых змиев» и защиту змея, лежащего вокруг города:

...Начальствующий над оными хранил столичный город и был толь велик, что окружал оный своим телом, схватя конец хвоста в свои зубы. Змий пожирал всех, дерзающих войти в столицу без дозволения государыни (IX, 10).

Приближаясь к городу, Булат и его спутники видят 300 «великих змеев, летящих от берега в открытое море», но, всматриваясь, понимают, что «то были водоходные суда <...> и только образ вида оных с натянутыми ветрилами представлял издали совершенно летучими змеями». И далее:

...Чем более они шли, тем явственнее открывался им обман, рассеянный слухом. Предмет, казавшийся им великим змием, был только каменная стена, обведенная вокруг вся столицы <...> ополчение копиеносцев прилично могло быть применено к острым зубам, торчащим во главе мнимого чудовища (IX, 190–191).

Обращение Лёвшина к легендарному материалу в последних частях сборника представляет особый случай. В предыдущей главе было рассмотрено, как такой материал становится объектом художественного преобразования в соответствии с идеологическим заданием — созданием мифа об основании государства. Напомним, что в таком случае легенда о спущенном с неба царском венце прочитывается в символическом ключе и именно таким образом продолжает жить в романной структуре.

Другой пример трактовки летописной фантастики как иносказания, метафоры касается эпизода о превращении чародея Волхова в крокодила и пожирании им людей. Эта часть легенды не стала материалом для сюжетного развития повести, несмотря на то что различные превращения

¹⁹ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII в. Л., 1982. С. 171, 202.

волшебников входят в топику волшебного-рыцарского романа. Ее изложение и интерпретация не внесены в основной текст, а даны в примечании. В самом тексте повести лишь обозначено, что Звенислав и его спутники побывали в Старом Славенске и осмотрели «все, примечания достойное, как то: великолепное капище Перуново, могилу славного чародея Волховца и прочие редкости» (VI, 63). Поиск разумного объяснения событиям, излагаемым легендой, приводит к интерпретации легендарной фантастики, которая исходит из общего представления о ее иносказательности. Опустив пересказ, приведем трактовку превращения Волховца-Волхова в крокодила:

...Так описано сие в летописях новгородских; я не могу уверять, чтоб составляло неоспоримую истину таковое повествование, и в рассуждении того, что аллегорически изображать деяния монархов был вкус общий тогдашних времен, то, может быть, без ошибки можно извлечь из сего, что Волхов упражнялся, по обычаю того века, в разбоях по реке Мутной и по лютости своей сравнен с крокодилом. А потом, как всех злых отправляют во ад, то по смерти его необходимо надлежало ему во оный провалиться, ибо другой дороги в геенну смертные не знают (VI, 64–65, прим.).

В трактовке летописной легенды Лёвшин идет вслед за М.В. Ломоносовым, в труде которого ключом к объяснению легендарного эпизода стало осмысление эпонима *Варяжское море*, в которое впадает река Мутная, с позиций символической этимологии — методе, который был в распоряжении исторической науки начиная с XVI–XVII вв. и широко применялся в XVIII столетии²⁰. Этимология эпонима возводится ученым к словам «воровство», «разбой»; следующим шагом историк высказывает предположение, что «бывали великие разбои и не токмо от подлых людей, но и от владетельских детей». Эти два общих соображения ему позволяют сделать последний шаг в разгадке легенды — ее грубая фантастика понимается Ломоносовым в переносном значении, как метафора:

Сие разуметь должно, помянутый князь <...> разбойничал и по свирепству своему от подобия позван плотоядным оным зверем²¹.

²⁰ Шапиро А.Л. Историография... С. 111, 144–145.

²¹ Ломоносов М.В. Древняя Российская история... С. 189.

Сравним с метонимическим толкованием М.М. Щербатова:

Истолкование сей басни можно такое дать, что он по сей реке разбойничал, а может быть, имея на своем судне *изображение змея*, подал притчину к баснословному повествованию, якобы сам в змея претворялся²².

Включение документального материала в художественный текст было характерно для литературы эпохи Просвещения и могло выполнять различные задачи: от удовлетворения познавательных потребностей чтением до придания вымышленному повествованию правдоподобия. Сносками, географическими и этнографическими справками-отступлениями широко пользовались непосредственные лёвшинские предшественники-романисты²³. Например, сведения о географии стран и быте их народов давали романы М.М. Хераскова и Ф.А. Эмина; о верованиях славян и их мифологии — романы М.И. Попова и М.Д. Чулкова. Лексикографические примечания в повестях Лёвшина (объясняющие читателю, например, что такое «грозен посол» или «чудь поганая») и примечания, содержащие ссылки на источники или этимологические разъяснения относительно географических названий²⁴, подражают научному комментированию исторических источников, т.е. научному дискурсу. Однако В.А. Лёвшин привносит нечто новое в традицию примечаний.

Вопреки сложившемуся мнению о том, что художественную функцию примечания получают в литературную эпоху романтизма, «культура примечаний» уходит корнями

²² Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1. С. 190.

²³ См.: Калашникова О.Л. Русский роман 1760–1770-х годов. Днепропетровск, 1991. С. 16–17; Автухович Т.Е. Риторика... С. 86–88; Троицкий В.Ю. Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 303–304.

²⁴ В XVIII в. этимология считалась вспомогательной исторической дисциплиной; уместно будет привести слова самого Лёвшина о том, что наука этимология — это «ключ к отысканию древностей каждой страны» (Лёвшин В.А. Исторические, статистические и камеральные известия... Ч. 2, кн. 2. С. 117–118).

в XVIII столетие и уже там становится чертой поэтики художественной литературы. В частности, в жанре эпической поэмы они выполняют функцию соотнесения текста и действительности или представляют текст в окружении его вариантов и источников или, меняя интонацию, переключают текст в другой жанр²⁵. Некоторые из лёвшинских примечаний, сопровождающие повести о богатырях, помимо познавательного, просветительского значения имеют явную игровую функцию. В этом мы постараемся сейчас разобраться, остановившись прежде на географическом пространстве повестей.

Авантюрный сюжет лёвшинских повестей отмечен знаками, призванными удостоверить подлинность фантастических приключений героев, которые разворачиваются в топонимически маркированном пространстве: автор обязательно отмечает маршрут героя, земли каких народов он проезжает, географию его подвигов. Например, часть событий «Повести о Добрыне Никитиче» происходит в Болгарском царстве: в приключениях Богориса и его детей упоминаются города Боогорд, Жукотин, Елабуга, реки Волга и Кама. Сведения о Волжско-Камской Булгарии Лёвшин почерпнул из историко-географического очерка Н.П. Рычкова, в одном из примечаний есть ссылка на сочинение последнего. Приведем небольшой отрывок из описания местности между реками Камой и Малым Черемшаном:

Сия часть Казанской губернии достойна примечания <...> потому, что она в самой древности составляла часть царства Болгарскаго. Нет нужды входить в точное изъяснение, сколь пространны были области древних болгар; но довольно сего, что места, лежащая между двумя вышеупомянутыми реками, наполнены были их селениями, чему свидетели огромная развалины и множество различных городков, разоренных во время нашествия варварских народов²⁶.

²⁵ См. об этом: Мильчина В. Поэтика примечаний // Вопросы литературы. 1978. № 11. С. 229–247.

²⁶ Рычков Н.П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770. С. 1–3.

При всем соответствии топонимики приключений реальной географии, как отмечено Е.А. Костюхиным, имеет место сознательное смещение географических реалий во времени и пространстве, как и названий племен народов, населяющих Россию²⁷.

Примечания, в которых автор соотносит события повествуемого прошлого с географией современной России, вступают в своеобразный диалог с основным тестом. Такого рода примечания смыкают романное вымышленное пространство с реальным географическим пространством России через слова «пояныне», «днесь». Например, к эпизодам о курганах над могилами Агрикана и Тугоркана даются следующие пояснения:

Сей курган, или холм, *виден поднесь* и находится верстах в трех от Оренбурга, в правой стороне, едучи к сему городу от Казани (I, 108, прим.).

Курган, или холм *сей поднесь еще цел* и находится в 30 верстах от Ногагорода по дороге к Москве, при селении того ж именованья (V, 154, прим.).

Эти примечания, казалось бы, призваны склонить читателя в пользу достоверности событий, разворачивающихся на страницах повестей о богатырях. Автор как бы свидетельствует руинами на ландшафте современной России и приглашает читателя удостовериться самому в правдивости описываемых приключений. Но в то же время он оставляет зазор достоверности между фантастическими приключениями прошлого и свидетельствами истории в настоящем. Например, в «Повести о Добрыне Никитиче» эпизоду с появлением под Боогордом чародея Сарагура в образе «страшного двоеглавого крылатого Зиланта» сопутствует примечание, в котором как бы достоверность сюжета о бое змея и богатыря произрастает из топонима, руин и народной памяти, хранящей предание:

Зилант на болгарском языке значит дракона, или, по-славенски смока. Сей крылатый змий жил близ города Казани, в горе, коя прозвана по имени его гора Зилантова, и ныне стоящий на оной монастырь

²⁷ Костюхин Е.А. Древняя Русь в рыцарском ореоле // Приключения славянских витязей: Из русской беллетристики XVIII века. М.; Л., 1988. С. 11–12.

именуется Зилантов. *Поднесь еще показывают пещеру*, где жило сие чудовище, коего изображение осталось в гербе Казанского царства, и память о нем вкоренена во всех тамошних жителей (I, 29, прим.).

Это самая интересная, оригинальная группа примечаний — ничего подобного у предшественников-романистов Лёвшина мы не находим. Их структура и содержание напоминает сходные формулы-заметки из «Журнала» Н.П. Рычкова или написанного Лёвшиным позже «Топографического описания Тульской губернии»²⁸. Ученый путешественник отмечает в современных ландшафтах следы былых времен:

Однако ж древний город Алексин <...> стоял на другом месте, в расстоянии от нынешнего версты на полторы <...> где *доднесь видимы остатки* занимающие пространство несравненно обширнее нынешнего²⁹.

Чтобы яснее представить себе ориентир Лёвшина, остановимся несколько подробнее на документальном жанре историко-географического описания, который получил широкое распространение во второй половине XVIII в. Собственно географические сведения перемежались в нем историческими справками и комментариями³⁰. Примером такого рода сочинений может служить «Топография Оренбургской губернии» П.И. Рычкова (1762), его же «Опыт Казанской истории древних и средних времен» (1762). Труд В.А. Лёвшина до сих пор считается образцом этого жанра, не утратившим своего научного значения и сейчас³¹. «Журнал, или дневная записки» Н.П. Рычкова (сына знаменитого путешественника П.И. Рычкова) тоже примыкает к этому жанру: сведения о составе почвы, водах, лекарственных травах, населении провинций перемежаются с описаниями «достопамятных развалин» и историческими отступлениями.

²⁸ Лёвшин В.А. Исторические, статистические и камеральные известия... (Рукопись «Топографического описания Тульской губернии» датируется 1803 годом.)

²⁹ Там же. Ч. 2, кн. 2. С. 36–37.

³⁰ Тихомиров М.Н. Развитие исторических знаний в России второй половины XVIII в. // Очерки истории исторической науки. Т. 1. М., 1955. С. 219. См. также: Шапиро А.Л. Историография... С. 205–206.

³¹ Тихомиров М.Н. Развитие... С. 219.

В распоряжении ученого-историка или составителя историко-географического описания для воссоздания исторического прошлого оказывается три вещи: летописи и предания; топонимика, из которой, основываясь на этимологии или рассматривая этимологию ее, он может делать свои предположения; и — руины. Руины, остатки городищ, развалины для любознательного путешественника являются немymi свидетельствами истории, по которым можно проникнуть в прошлое своей земли:

Город, надлежавший в древности к Соловянской области <...> находился от нынешнего верстах в 15 выше по Солове-реке, и которого развалины видны поныне. Должно заключать, что был то город знаменитой, по остатку признаков многого каменного здания³².

Или о курганах:

Далее видимые в некоторых местах небольшие холмы не составляют произведения природы, но насыпи и памятники того, что губерния сия в древности многократно была театром войны, отчасти же обитаема была народами, у которых при погребении знаменитых особ насыпали над ними высокие курганы <...> Выкапываемые из оных иногда остатки человеческих костей и обломки оружия доказывают, что некогда погребены тут были и тела убиенных воинов³³.

В распоряжении сочинителя сказочно-исторического повествования помимо руин и разысканий историков — руины исторической памяти (сказки, предания, легенды). В любом случае прошлое хранит таинственное неизвестное, не доступное историку и романисту.

Чтобы показать особенности позиции Лёвшина как создателя сказочно-исторического повествования, сравним его примечание о Чертовом городище с исходным его источником — сочинением Н.П. Рычкова. Примечание относится к эпизоду о решении князя Тревелия посетить Елабугское боговещалище:

Сие боговещалище, или оракул, находилось близ пригородка Елабуги, при речке Тойме, впадающей тут же в Каму, которого поднесь еще видны каменные развалины, известные по имени Чертова городища.

³² Лёвшин В.А. Исторические, статистические и камеральные известия... Ч. 2, кн. 2. С. 107–108.

³³ Там же. Ч. 2, кн. 3. С. 208–209.

В оном жрецами был соержан обожаемый великий змей, которому людей давали на снадение, вместо жертвы (смотри «Записки путешествий капитана Рычкова», л. 44 и 45) (I, 47–48, прим.).

Источник Лёвшина — «Описание Чортова городища, находящагося на берегу реки Камы, в двух верстах от Елабуги» Н.П. Рычкова — приведем полностью:

Близ пригородка Елабуги на верьху крутой горы находятся остатки древняго города <...> не видно тут никаких других зданий кроме каменной стены, сделанной из белаго дикаго камня...

По известиям, которые мне сообщил недалеко от Елабуги живущий заводчик Красильников, в сем месте бывал храм древних язычников, обитавших в сей стране. Он славен был вещуном или оракулом, который будто бы в нем находился, и ответы, от него подаваемые, были столь почитаемы, что со всех сторон народ стекался к нему для вопрошения.

Повествуют еще, что внутри храма сего обитал ужасной величины змей, котораго бесчеловечные жрецы обыкновенно умиловивляли приношением ему в жертву людей иноплеменных, и сим его пред тем, как быть разрушенну царству Болгарскому, сие чудовище неведомо куда продало...

Все сие он сказывал мне по преданиям своих предков и по некоторым запискам, котория имел покойный отец его, будучи человек любопытный: но все оное у него или погорело во время пожару, или утрачено от нерачения домашних. В протчем, стены те не только у около живущих, но и у всех отдаленных жителей известны под именем Чортова городища³⁴.

Как мы можем видеть, Лёвшин ограничивает себя простым пересказом предания, не высказывая отношения к его фантастике, в то время как Рычков дистанцируется от легенды («по известиям», «будто бы», «по преданиям»), описывает увиденные им руины — свидетельства истории, пересказывает предание и ищет в легенде о строительстве стен духами рациональную основу:

Легко статься может, что прежде, нежели сооружена была сия стена, находился тут же храм и жрец, служащий сему богу и подающий ответы приходящим к нему. Может быть, народ или царь <...> чрезмерно почитая обитающее в нем божество <...> вздумали оградить храм его высокими стенами <...> Вероятно, что в то самое время, когда народ трудился, созидаая оныя стены, татары или другие

³⁴ Рычков Н.П. Журнал... С. 44–46.

народы вошли в их страны, и сие самое принудило их не оконча оставив работу, и бежать спасти дома свои <...> Наконец, *новые народы*, поселившиеся в сих местах, не видя вокруг стен никакого обиталища и *пустота* ненаселенной земли, принудили их сказать, *что стены созидали не люди, но духи в воде живущие*³⁵.

Предоставляя в примечаниях слово фактам (руинам) и оставляя читателя наедине с проблемой соотношения вымысла и правды в «Русских сказках», автор лишь однажды позволяет себе в примечании настаивать на правдивости описываемых событий, но в нем явственно слышится авторская ирония. К описанию боя Чурилы и змия дано следующее примечание:

Происшествие сие еще не загладилося в памяти киевлян, и поднесь показывают пещеру, где жил змий сей, которая и называется Змиева нора. Видимо, во оной множество человеческих и скотских, большею частию истлевших костей. *Что подтверждает о действительном бытии сего приключения* (I, 154–155, прим.).

Ведущим принципом поэтики повестей о богатырях является «аффектация вымысленности» повествования (Ю.В. Манн) и одновременно обозначение его достоверности. Этот принцип реализуется на всех уровнях повествования: персонажном, пространственно-временном, сюжетном. Автор соединяет в пределах одного повествования исторических, легендарных, фольклорных и литературных персонажей; при соблюдении топонимической маркировки пространства повествование намеренно анахронично; развитие авантюрного сюжета помещено в псевдоисторическую событийную рамку, отдельные эпизоды которой соответствуют событиям русской и мировой истории. С помощью «топографических» примечаний, соотносящих события минувшего с современным ландшафтом России, автор, сохраняя дистанцию между руинами, знаками истории в сегодняшнем дне и фантастикой описываемых событий, приглашает читателя убедиться собственными глазами («днесь можно наблюдать...») и решить самостоятельно проблему достоверности. В то же время мы наблюдаем трансформацию фольклорной фантастики, которая, отвечая духу

³⁵ Рычков Н.П. Журнал... С. 46–48.

времени, подвергается преобразованию в романную или рационализируется. У Лёвшина фольклорная фантастика имеет тенденцию осмысляться как иносказание, что находится в русле общих культурных течений эпохи.

Насколько оригинальна позиция В.А. Лёвшина показывает сравнение с его предшественником М.И. Поповым. Для последнего важно было подчеркнуть разницу между своей книгой и историческим сочинением, и во второй части «Славенских древностей, или приключений славянских князей» в «Предуведомлении» он писал:

За нужное я счел изъясниться пред моими читателями, в рассуждении титула сея книги, которое некоторыми почтено совсем ей не свойственным <...> Намерение мое <...> было <...> сочинить <...> сказку, или так называемый роман <...> я ее украсил некоторыми нашими древностями <...> и к описанию коих добавил я несколько вымыслов <...> а чтоб читателям не подать... двусмысленного воображения, то я присовокупил: Или Приключения Славянских Князей, что ясно означает роман, а не историю о наших Древностях, как некоторые мнили найти³⁶.

Чтобы исключить недопонимание со стороны читателей и уточнить для них жанр своего сочинения, во втором издании М.И. Попов переименовал название сборника на «Старинные диковинки, или удивительные приключения...»³⁷. Своеобразие позиции романиста Лёвшина состоит в том, что он, выступая как создатель сказочного повествования на историческую тему, не противопоставляет историю роману и сказке, а сознательно смешивает их.

3.2. Образ автора и его роль в организации повествования

В повестях о богатырях, как справедливо было отмечено В.В. Сиповским, автор «балагурством совершенно прикрывает свое истинное отношение к рассказам русского эпоса: для читателя остается неясным — верит сам автор

³⁶ Попов М.И. Славенския Древности, или Приключения Славенских Князей. Ч. 1–3. СПб., 1770–1771. Ч. 2. С. [1].

³⁷ Попов М.И. Старинныя диковинки, или Удивительныя приключения славенских князей. Изд. 2-е. СПб., 1778.

этим рассказам богатырей на самом деле, или их вышучивает!»³⁸. Центральной проблемой данного раздела станет образ автора как организующее начало в сказочно-исторической модели повествования.

Мы уже отмечали, что в повествовательной структуре богатырских повестей образ автора имеет тенденцию к расслоению. В «Известии» автор сборника принимает на себя роль издателя, бережного хранителя древностей, который, для того чтобы приблизить современному читателю предания седой старины, взялся перевести их на современный язык и прокомментировать в примечаниях темные места эпических поэм, славянскую мифологию и обычаи богатырского ордена, соотнести географию приключений богатырей с ландшафтом современной России. Побуждение читателей к собиранию «сказок русских» звучит в «Известии» в контексте признания нехватки русского материала как приглашение читателей к сочинительству. Первый том заканчивается провокационным предложением читателю самому поискать в курганах рукописи:

Впрочем, желающие ведать о прочих славных и могучих богатырях русских, также и о богатыре <...> по имени Заалешенин, те да потрудятся поискать повествования о них в тех курганах, коих довольно число в разных местах находится. Уверяют, что все сии земляные насыпи заключают в себе свидетельство славных происшествий, но я не имею времени оные раскапывать (I, 248).

В приведенном отрывке глагол «раскапывать» выступает одновременно в прямом и переносном значении. Можно считать слова Тугоркана адресованными читателю, который возьмется за перо:

Я служил ему (князю Асану. — Л. К.) ревностно <...> но о подвигах моих известно из повестей, о коих, надеюсь, и вы слышали (VI, 61).

Думается, что автор «Сказки о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике», помещенной в сборнике «Повествователь русских сказок» (М., 1787. Т. 1), осознавал себя продолжателем дела, начатого Лёвшиным, который внес свою лепту в сохранение «на-

³⁸ Ситовский В.В. Очерки по истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1, вып. 2. С. 219.

ших древностей». Характерны начало и концовка «Сказки...», вписывающиеся в лёвшинскую модель сказочно-исторического повествования. Начало повести:

С какую охотою читают о древних временах, большие любопытные и приятные, нежели полезные и справедливые издания, довольно известно; да и я в скучное время такого рода сочинения читал, но, по крайнему моему сожалению, не нашел там о славном и храбром богатыре Илье Муромце повествования, которое казалось, что тем нужнее прочих, что оный именитый витязь родился у нас, если должно верить тем исправным историкам, которые слышав по преданию от старинных людей вместилища древности, какую повесть издавали в свет на листках. И так во удовольствие некоторых любителей вознамерился я о сем знаменитом герое написать историю не витийственным, но простым слогом.

В конце повести передача «эстафеты» другому возможному сочинителю:

Киевский князь Илью Муромца почтил многими дарами. О кончине сего героя неизвестно, почему и не намерен о ней вымышлять. Может быть, после меня и оную кто-нибудь опишет³⁹.

Внутри текста богатырских повестей автор выступает под маской певца русской славы, русской истории. Повествовательному заданию на тему седой старины, в котором автор выступает в роли славопевца, отвечает национальный эпос и вообще эпический род, воспринятый через литературную школу классицизма — вплоть до эпопеи и ироикомической и бурлескной поэм. (Вспомним определение романа, данное в трактате П. Юэ, как «эпопеи в прозе».)

Помимо современного слагателя славы, Лёвшин вводит еще одного посредника между описываемыми приключениями и внетекстовой реальностью, нового субъекта повествования — «древнего повествователя», чьи повести якобы пересказываются. Расслоение повествовательской позиции в лёвшинских богатырских повестях призвано, на наш взгляд, подчеркнуть временную дистанцию между современностью и событиями повестей, которая делает не-

³⁹ Цит. по: Былины в записях и пересказах XVII–XVIII вв. М.; Л., 1960. С. 235, 238.

возможным проведение разграничительной черты между сказкой и былью. Легко переключаясь с героического в комический регистр, автор выказывает шутивное, ироничное отношение и к наивному древнему повествователю, и современному славопевцу.

В эпизоде «Повести о Чуриле Пленковиче», в том, где герой рассказывает о своих подвигах девице Прелепе, содержатся противоположные оценки мотивов богатырского поведения, выраженные позициями наивного древнего повествователя и современного рассказчика:

Ободряющий ее богатырь рассказывал ей для разогнания скуки <...> о славной земле русской <...> Не забыл также объявить о убиении змия, но древний повествователь сей истории божился, что Чурило говорил о том не для хвастовства, а для уверения Прелепы, что есть надежда ему не бояться богатырей, кои не убивали еще змиев (I, 164).

Таким образом, автор выступает в роли не только «реконструктора» российской истории, «многие деяния и приключения» которой покрыты «мраком забвения» (М.В. Ломоносов), но, одновременно, и в роли «деконструктора». Неоднократно звучащая жалоба автора на «насилие времени», уничтожившего исторические свидетельства, ставит под сомнение не только возможность реконструкции, но и достоверность уже описанных героических приключений:

Впрочем, *насилие времени лишило нас дальнейшего сведения о деяниях сего славного победителя Сумигина* (I, 186).

Князь Владимир одарил своего любезного богатыря множеством волостей и драгоценностей. Дети Звениславовы ему служили и не уронили славы отца своего. Впрочем, *насилие времени повергло в неизвестность их подвиги* (VI, 146).

Нередко автор отсылает читателя к вымышленным источникам, существование которых, впрочем, тоже дискредитируется:

Больше неизвестно о подвигах славного богатыря сего. *Насилие времени лишило нас дальнейших о нем сведений* <...> Слышал я, что есть отрывки о победах его, учиненных во услужении Владимиром, *в летописях косожских и угрских*, но сии не пощажены *также древностию*, и сказывают, что *листы в них все сгнили* (I, 247–248).

Он осматривал все редкости и великолепные здания в именитом граде Киеве, но я не буду описывать (говорит историк его повести)

подробности его примечаний <...> Равномерно не распространюсь я в повествовании тех бессмертных дел, кои совершил Звенислав в служении Владимиру. *Понеже предварили меня в том писатели временников*, как то: освобождение царевны Греческой, царей Цимисхийев сестры, из плена Хозарского князя Чула. При сем Звенислав делал опыт над своим Самосеком, который, во времена его отдохновения в шатре, порубил все высланное на богатыря Хозарское войско. Потом победил он на поединке самого Чула (VI, 88–90).

В последнем примере древний повествователь ссылается на летописцев, как бы не желая вдаваться в подробности, однако болтливо пускается в перечисление подвигов героя.

Авторская ирония реализуется как на сюжетном, так и на внефабульном уровне повествования. В предыдущей главе мы отмечали, что Лёвшин пользуется традиционными сюжетами, восходящими к одному архетипу, но относящимися к разным стадиям развития эпических структур, причем как в героическом, так и в комическом варианте (чудесное рождение героя, добывание невесты и др.). Помимо поединков с опасными противниками немалую часть повестей о богатырях составляют комические поединки, потешные бои, являющиеся непременным атрибутом бурлескного эпоса. Смена героического регистра на комический происходит во второй и третьей повести, основными персонажами которых выступают Чурило Пленкович и Алеша Попович. Ранее приводилось описание боя Чурилы и Сумиги с начальными словами «Ужасное побоище началось тогда...». Приведем в качестве примера отрывок описания потешного боя Чурилы с тремя богатырями — Горыней, Усыней и Дубыней — и Кривидом:

Ужасное началось между ими сражение <...> Кривид <...> бросился было с превеликим ножом на Чурилу, однако *сей окончил все одним кулаком*, данным в голову кривидову. *Тумак был толь жесток*, что она ушла совсем в тело, *выскочила с противоположной части* на низ и вынесла на себе желудок, ровно как шапку. Чурило оставил его *в сем новом наряде...* (I, 169–171).

Алеша Попович борется с мертвым чародеем, пленником ада паном Твердовским, а затем — с самим Вельзевулом. Он бьется подходящим для противника ада оружи-

ем — кочергой и в конце концов ошпиывает Вельзевула как курицу:

...Но оторванная голова <...> укусила очень больно за ногу. Богатырь рассердился и, схватя голову, бросил в печь <...> Но комедия не кончилась <...> По счастью, стояла у печи железная кочерга довольно толшины <...> богатырь отбивался кочергой храбро. Больше двух часов работал он на все стороны и выбился уже почти из сил. Вдруг увидел он пред собою зеленого беса в короне огненной <...> Богатырь <...> приметил, что Вельзевул весь <...> покрыт зелеными сияющими перышками. Он подумал, что, может быть, чувствительно ему будет, если выщипывать у него перья; и так, скорчив Вельзевула в дугу, сел на одного верхом и начал с возможным проворством щипать его, как курицу (I, 226–230).

В продолжении описания битвы повествователь обращается к читателям с восклицаниями в самые фантастические моменты, как бы желая уверить их в правдивости описываемого, но которые на самом деле достигают обратного эффекта:

Он (Тугарин. — Л. К.) наклоняется с коня, растворяет рот, кусает богатыря из всех сил, но поверите ли читатели! Исполин, крепко тиснув, лишается всех зубов своих...

Но какое явление! О удивительный, невероятный случай! На месте желудка усмотрели восстающих, поглощенных исполином... (I, 135, 143).

Фантастика, доведенная до гротескового предела, призвана подчеркнуть условность романного мира:

Ковер-самолет <...> оказал россиянам великие заслуги, отправляя нужнейшие почты, но жадный татарский хан Батый, получив оный, проглотил (VI, 146);

...Чурило сим щитом своим уморил некогда с досады скифского полководца Чинчигана, впадшего в Россию с 800 000 войска <...> Богатырь тотчас укротил его гордость, закрыв его со всем своим войском щитом своим <...> оные с голоду лишились всех сил своих. Чурило собрал деревенских баб и малых ребятишек, поднял щит и велел им скифов гнать из пределов России розгами и помелами. Гордый полководец с досады, а может быть, и с голоду откусил язык себе и умер.

Помощию ж щита сего взят был российскими богатырями Царьград на другой день по объявлении войны, ибо Чурило, распространив щит свой, положил оный чрез Черное море и тем помог к нечаянному нападению в нечаянное время <...> Может быть, сего происшествия

нет в истории греческой, но сие неудивительно, ибо высокомерным грекам нельзя было скрыть толь досадного случая, что кучка русских всадников окончила войну в самом ее начале, и притом такую войну, в которой греки расположили не меньше, как падение всей русской державы (I, 184–186).

Известный летописный эпизод о щите на вратах Царьграда гротесково перевернут: щит Чурилы играет решающую роль в войне с греками, не корабли на колесах подходят к Царьграду, но сам щит становится средством транспортировки русского войска.

Лёвшин широко использует композиционные принципы эпопеи: взывание к музам, замедление повествования при помощи описания, использование античной или славянской мифологии в качестве аллегорического украшения повествования и пр. В частности, в качестве зачина выступило открывающее богатырские повести «Вступление». Согласно традиции эпической и ироикомиической поэмы, слогатель ее обращается к музе как свидетельнице событий или источнику вдохновения:

Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»

О Муза! возвести мне, в каком состоянии обретались тогда дела сего сильного самодержца <...> ты едина ведаешь о сих войсках и повелевавших ими вождях, ты едина можешь меня об оных известить.

Здесь убо, Муза, призываю твою помощь, да витийства мои избразят достойно сие ужасное сражение⁴⁰.

В.И. Майков «Елисей, или Раздраженный Вахк»

О Муза! Умились теперь ты надо мною,
Расстанься хоть на час с превыспренней страной;
Накинь мантилию, насунь ты башмаки,
Восстани и ко мне на помощь притеки.
<...>

О Муза! Лишь всели ты жар в меня сердечный,
Прейдет через меня то в роды бесконечны.
Приди и ободри охоту ты мою,
Тогда на лире я песнь нову воспую⁴¹.

⁴⁰ Тассо Т. Освобожденный Иерусалим, ироическая поэма итальянского стихотворца Тасса / Переведена с французского Михаилом Поповым. СПб., 1772. Ч. 2. С. 126; Ч. 1. С. 158.

⁴¹ Майков В.И. Елисей, или Раздраженный Вахк // Ироикомиическая поэма. Л., 1933. С. 168.

Также в «Повести о Добрыне Никитиче» перед описанием боя повествователь обращается к музе как свидетельнице подвигов и вдохновительнице. Автор просит особого мастерства — умения описать чудеса убедительно, чтобы угодить ожиданиям читателей:

О Муза, к тебе только должен я вознести мою жалобу! Для чего не был я свидетелем побоища, которого свет никогда уже не увидит? Я воспел бы то уверительно, чему удивляюсь только по одним слухам, доставившим сие повествование перу моему! Ты, о Муза, современствовавшая всем древнейшим подвигам, возгласи ныне чудеса, ожидаемые моими читателями! (I, 134–135).

Автор желал бы уверить читателя, но последний рад обманываться сам. Вопреки правилам эпического жанра, удивительные события, о которых повествует певец русской славы, признаны недостоверными. Такую интенцию подразумевает сказочно-историческая модель повествования, но никак не эпический род.

Подведем итоги этой главы. В богатырских повестях образу автора принадлежит роль объединяющего начала разностилевого и разножанрового повествования. Повествовательная структура имеет тенденцию к расслоению: осторожный в выводах и скрупулезный издатель древностей, ироничный современный повествователь, восторженный историописатель, наивный древний повествователь. В сказочно-исторической повествовательной модели автор выступает одновременно в качестве «реконструктора» и «деконструктора» героического прошлого. Ирония по отношению к традиционным сюжетам и образам, приемы иронического остранения подчеркивают условность художественного мира Лёвшина, насыщенного знаками достоверности и вымысла.

В целом развитие пародийных, вторичных жанров в русской литературе последней трети XVIII в. привело к перетеканию акцентов на внефабульный уровень повествования. Уходит в прошлое жанровый образ автора, вместе с тем авторский образ может расслаиваться, преобразуясь в систему сложнопереплетенных повествователей⁴².

⁴² Манн Ю.В. Автор и повествователь // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. См. также: Омель-

Непосредственные предшественники В.А. Лёвшина — М.Д. Чулков и М.И. Попов — также широко использовали этот прием⁴³. В числе неперенных атрибутов прозаических жанров и нарративной поэзии конца XVIII в. — появление автора в качестве героя повествования (разговоры с читателем, активное вовлечение читателя в игровое пространство повествования, интонационная игра, перепады от патетики к иронии, авторские отступления, «болтовня»)⁴⁴ и «обнажение конструкции книги, ее “сделанности”» как формы игры с читателем⁴⁵.

ко Л.В. Эволюция образа автора в русской прозе второй половины XVIII века: (К вопросу о становлении поэтики предромантизма) // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Л., 1990. С. 97–107; Янушкевич А.С. Русский прозаический цикл: нарратив, автор, читатель // Русская повесть как форма времени: Сб. статей. Томск, 2002. С. 97–107.

⁴³ См. об этом: Степанов В.П. М.Д. Чулков и русская проза 1750–1770-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. С. 14, 26; Омелько Л.В. В.А. Лёвшин и его «Русские сказки»: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. С. 181; Автухович Т.Е. Риторика... С. 122–131.

⁴⁴ См.: Степанов В.П. М.Д. Чулков и русская проза... С. 14, 21; Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII в. М., 2000. С. 217. Более общая проблема взаимосвязи стиля, стилизации, иронии и образа автора затронута в статьях: Эйдинов В.В. О соотношении категорий «автор» и «стиль» // Проблема автора в художественной литературе: Тез. докл. региональной межвуз. конф., посвященной памяти проф. Бориса Осиповича Кормана (Ижевск, 14–16 ноября 1990 г.). Ижевск, 1990. С. 14–15; Киреева Н.В. К проблеме определения понятия стиль в терминах теории автора // Там же. С. 15–17.

⁴⁵ Малек Э. Несколько замечаний о повествовании и повествователе в русской популярной прозе второй половины XVIII в. // Proza gosyjska eroki Oswiecenia (nowe odkrycia i interpretacje). Łódź, 1995. С. 41. О некоторых формах литературной игры с читателями см.: Она же. «Неполезное» чтение в России XVII–XVIII веков. Warszawa — Łódź, 1992.

Поиски Лёвшина по созданию сказочного повествования на историческую тему находятся в сфере жанровых контаминаций, которыми отмечен литературный процесс 1770–1780 гг. Разрушение классицистической жанровой системы привело к поискам в сфере жанровой полифонии, к использованию жанров и текстов в широком диапазоне (от фольклорного и литературного высокого эпоса до фольклорных и литературных смеховых жанров) в рамках одного произведения¹. Такие же процессы происходили в маргинальном до определенного времени жанре романа. Лёвшин пересказывает на различные лады традиционный авантюрный сюжет в героическом и сниженном, комическом, варианте.

Созданный представителями «фольклорного» направления сказочно-исторический тип повествования оказал влияние на становление волшебного-богатырской оперы, лироэпического жанра и исторической повести в конце XVIII — начале XIX в. В исследовательской литературе наиболее разработан вопрос взаимосвязей пушкинского творчества и литературных традиций XVIII в., в частности поэмы «Руслан и Людмила» и богатырских повестей Чулкова, Попова и Лёвшина. В качестве «следов» влияния исследователи указывают на сюжетные параллели²; отмечают развитый план автора, который реализуется через авторскую иронию, авторские отступления, диалог с читателем и

¹ Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII в. М., 2000. С. 207 и далее.

² Владимиров П.В. Происхождение «Руслана и Людмилы» Пушкина // Университетские известия. Киев, 1899. № 6; Он же. А.С. Пушкин и его предшественники в русской литературе. Киев, 1899; Ситовский В.В. «Руслан и Людмила»: (К литературной истории поэмы) // Пушкин и его современники. Материалы и исслед. СПб., 1906. Вып. IV. С. 61–81; Телетова Н.К. Архаические истоки поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Русская литература. 1999. № 2. С. 10–26.

игровую функцию примечаний; отмечают сочетание различных жанровых традиций и стилистических планов³.

Проведенный анализ особенностей работы Лёвшина с историческим документальным и легендарным материалом открывает перспективы для изучения возникновения и развития в русской литературе исторической беллетристики. Сопоставление принципов включения документального материала в повествование, способов придания «национального колорита», выявление особенностей решения проблемы исторической стилизации, понимания соотношения правды художественной и исторической позволяют восстановить картину эволюции исторической прозы. Уже существующие исследования на эту тему дадут возможность перекинуть мостик от реалистической школы исторического повествования к началам исторической прозы, представленной сказочно-историческим повествованием М.Д. Чулкова, М.И. Попова и В.А. Лёвшина⁴.

³ Назовем лишь некоторые работы: Гуменная Г.Л. Заметки об авторской иронии в «Евгении Онегине» // Болдинские чтения. Горький, 1977. С. 46–55; Она же. Пушкин и шуточные поэмы XVIII века: (К проблеме «двупланового» повествования) // Болдинские чтения. Горький, 1982. С. 135–146; Она же. Ирония и сюжетосложение шуточной поэмы Пушкина («Руслан и Людмила») // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 169–179; Чумаков Ю.Н. Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину» // Болдинские чтения. Горький, 1974. С. 58–72; Лотман Ю.М. Структура диалогического текста в поэмах Пушкина (проблема авторских примечаний к тексту) // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Псков, 1970. Т. 434; Никифорова Л.П. Примечания в стиховых произведениях (1814–1825 гг.) // Метод, стиль, поэтика. Вып. 1. Пржевальск, 1972; Грехнев В.А. Диалог с читателем в романе Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 100–109; Проскурин О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 15–26; Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 58.

⁴ Петров С.М. Русский исторический роман XIX в. М., 1964; Левкович Я.Л. Принцип документального повествования в исторической прозе пушкинской поры // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 4: Реализм Пушкина и литература его времени. Л., 1969. С. 171–196; Она же. Историческая повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 108–134; Иезутова Р.В. Пути развития романтической повести // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 77–88; Тойнбин И.М. Вопросы историзма Пушкина и художественная система Пушкина 1830-х гг. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 4: Реализм Пушкина и литература его времени. Л., 1969. С. 35–59.

Научное издание

Любовь Александровна Курышева

**ПОВЕСТИ О БОГАТЫРЯХ
В «РУССКИХ СКАЗКАХ» В.А. ЛЁВШИНА:
СКАЗОЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ**

Редактор *М.В. Першина*

Художественный редактор *Л.В. Матвеева*

Художники *В.В. Барсуков; Н.А. Горбунова*

Технический редактор *Н.М. Остроумова*

Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*

Оператор электронной верстки *Р.Г. Усова*

Слано в набор 02.11.09. Подписано в печать 16.12.09. Бумага ВХИ. Формат 84×108/32. Офсетная печать. Гарнитура Times ET. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 300 экз. Заказ № 265.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН. 630007, Новосибирск, ул. Коммунистическая, 1.
СП «Наука» РАН. 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.